

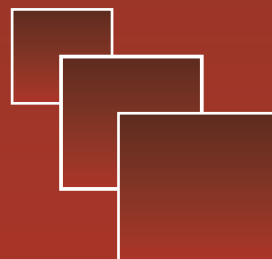
Вестник

Уральского
государственного
университета
путей сообщения

Научный журнал

Herald
of the Ural State University
of Railway Transport

Scientific journal

Научный журнал
«Вестник Уральского государственного
университета путей сообщения»
№ 1 (25), 2015 год

**Главный редактор,
научный редактор**
Василий Михайлович Сай

Литературный и выпускающий редактор
Людмила Станиславовна Барышникова

Техническое редактирование и верстка
Андрей Викторович Трубин

Дизайн обложки
Ольга Петровна Игнатьева

Учредитель и издатель:
Уральский государственный
университет путей сообщения
(УрГУПС)

Адрес для корреспонденции:
620034, Екатеринбург,
ул. Колмогорова, 66, УрГУПС,
редакция журнала
«Вестник УрГУПС»

Телефон редакции: (342) 221-25-60.
Веб-сайт: www.vestnik.usurt.ru;
e-mail: vestnik@usurt.ru.

Журнал издается по решению
ученого совета университета
©УрГУПС

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Роскомнадзора
ПИ № ФС77–38188
от 30 ноября 2009 г.

Подписной индекс журнала
в общероссийском
каталоге «Роспечать» — 70070

Отпечатано в издательстве
Уральского государственного
университета путей сообщения,
620034, Екатеринбург,
ул. Колмогорова, 66.

Подписано в печать 29.04.2015.

Тираж 300. 1-й з-д: 1–100.
Формат 70×100/16.
Заказ 75

Scientific journal «Herald of the
Ural State University
of Railway Transport»
№ 1 (25), 2015

**Editor-in-chief,
Science editor**
Vasily M. Say

Script and copy editor
Lyudmila S. Baryshnikova

Technical editing and make-up
Andrey V. Trubin

Cover design
Olga P. Ignatjeva

Founder and publisher:
The Ural State University
of Railway Transport
(USURT)

Correspondence address:
«Herald of USURT» editorial office
The Ural State University of
Railway Transport»
66 Kolmogorov Street,
620034, Ekaterinburg,

Telephone: +7 (342) 221-25-60.
Web-site: www.vestnik.usurt.ru;
e-mail: vestnik@usurt.ru.

The journal is published by the decision
of University Academic Board
©USURT

Certificate of registration of mass media
by the Federal Service for Supervision
in the sphere of communications,
information technology and mass communications
(Roskomnadzor) PI № FS77–38188
of November 30, 2009.

Subscription reference
number of the issue in the All Russia Catalogue
«Rospechat» — 70070

Printed in the Publishing house
of the Ural State University
of Railway Transport
66 Kolmogorov Street,
620034, Ekaterinburg.

Passed for printing 29.04.2015.

Circulation 300. 1-й з-д: 1–100.
Format 70×100/16.
Order 75

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Кейт Бурнхам, профессор, Университет г. Ковентри, факультет машиностроения и вычислительной техники, Великобритания

Петер Копачек, профессор, Венский технологический университет, Венский институт транспорта и робототехники, интеллектуальный транспорт и робототехника, Вена, Австрия

Владимир Цыганов, д-р техн. наук, профессор, Институт проблем управления Российской академии наук, Москва, Россия

Сергей Герман-Галкин, д-р техн. наук, профессор, Морская академия, Институт судовой автоматики и электротехники, Щецин, Польша

Клаус Беккер, профессор, Университет прикладных наук г. Кельна, Институт автомобильной техники, лаборатория NVH, Германия

Василий Сай, д-р техн. наук, профессор, Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Вовк Алексей Александрович, д-р экон. наук, профессор, МГУПС, Москва

Воскресенская Тамара Петровна, д-р техн. наук, профессор, СибГИУ, Новокузнецк

Воробьев Александр Алексеевич, д-р техн. наук, профессор, МГУПС, Москва

Ефимов Александр Васильевич, канд. техн. наук, профессор, УрГУПС, Екатеринбург

Корнилов Сергей Николаевич, д-р техн. наук, профессор, МГТУ, Магнитогорск

Нестеров Валерий Леонидович, д-р техн. наук, профессор, УрГУПС, Екатеринбург

Сапожников Валерий Владимирович, д-р техн. наук, профессор, С.-ПГУПС, Санкт-Петербург

Сизый Сергей Викторович, д-р техн. наук, профессор, УрФУ, Екатеринбург

Щурин Константин Владимирович, д-р техн. наук, профессор, ОГУ, Оренбург

Тимофеева Галина Адольфовна, д-р физ.-мат. наук, профессор, УрГУПС, Екатеринбург

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Keith Burnham, professor, Coventry University, Faculty of Engineering and Computing, Great Britain

Peter Kopachek, professor, Vienna University of Technology, Vienna Institute of Transportation and Robotics, Intelligent Transportation and Robotics, Vienna, Austria

Vladimir Tsyganov, DSc, professor, Russian Academy of Sciences, Institute of Control Sciences, Moscow, Russia

Sergey German-Galkin, DSc, professor Maritime Academy, Institute of naval automation and electric engineering, Szczecin, Poland

Klaus Becker, professor, Cologne University of Applied Sciences, Institute of Automotive Engineering, NVH Laboratory, Germany

Vasily Say, DSc, professor, The Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Vovk Alexei Aleksandrovich, DSc, professor, Moscow State University of Railway Transport, Moscow

Voskresenskaya Tamara Petrovna, DSc, professor, Siberian State Industrial University, Novokuznetsk

Vorobjev Alexander Alexeevich, DSc, professor, Moscow State University of Railway Transport, Moscow

Efimov Alexander Vasilievich, DSc, professor, The Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg

Kornilov Sergey Nikolaevich, DSc, professor, Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk

Nesterov Valery Leonidovich, DSc, professor, The Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg

Sapozhnikov Valery Vladimirovich, DSc, professor, Saint-Petersburg State University of Railway Transport, Saint-Petersburg

Sizyi Sergey Viktorovich, D. Sc. in engineering, professor, Ural Federal University, Ekaterinburg

Shchurin Konstantin Vladimirovich, DSc, professor, Orenburg State University, Orenburg

Timofeeva Galina Adolfovna, DSc, professor, The Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg

Содержание

Математические модели технологических процессов

- 4 С. Л. Дерябин, А. В. Мезентцев. Одномерные изэнтропические течения нормального разреженного газа, примыкающие к вакууму
- 11 А. В. Мартыненко. Режимы с обострением для параболического λ -Лапласиана с неоднородной плотностью и неоднородным источником
- 18 А. А. Русинов, Е. А. Русинова. Феноменологический подход к описанию динамических параметров доменов спирального типа

Управление в технических системах

- 24 М. А. Оськина. Контроль «холодного» состояния светодиодного светофора

Организация и логистика

- 29 В. А. Антропов, И. Д. Громов. Организационные показатели взаимодействия хозяйствующих субъектов промышленности в сети с разделенными интересами
- 38 М. А. Журавская. «Зеленая логистика» – стратегия успеха в развитии современного транспорта
- 49 К. В. Корсаков. Концепт эквивалентности как связующее звено между идеей социальной справедливости и институтом уголовного наказания

Управление. Экономика

- 56 В. А. Антропов, Е. Н. Морозова. Экологический менеджмент как научная отрасль современного знания
- 63 А. А. Конов. Оплата труда на железнодорожном транспорте Урала в 1956–1991 гг.

Философские параллели

- 76 Н. А. Черняк. Мораль в эпоху постмодерна
- 83 О. В. Тарасова. Теория флуктуации социально-культурных систем П. Сорокина
- 93 А. В. Барковский. Молодежь как субъект политического участия: предпочтения, мотивация, перспективы

Contents

Mathematic models of technological processes

- 4 S. L. Deryabin, A. V. Mezentsev. One-dimensional isentropic flows of normal rarefied gas adjacent to vacuum
- 11 A. V. Martynenko. Blow-up regimes for parabolic λ -Laplacian with non-uniform density and heterogeneous sources
- 18 A. A. Rusinov, E. A. Rusinova. Phenomenological approach to description of dynamic parameters of spiral type domains

Control in engineering systems

- 24 M. A. Oskina. Monitoring «cold» state of led traffic lights

Organization and logistics

- 29 V. A. Antropov, I. D. Gromov. Organizational indicators of interaction between industrial entities in a network with distributed interests
- 38 M. A. Zhuravskaya. «Green logistics» – a strategy for success in the development of modern transport industry
- 49 K. V. Korsakov. The concept of equivalence as a link between the idea of social justice and the institute of criminal punishment

Management. Economics

- 56 V. A. Antropov, E. N. Morozova. Environmental management as a scientific sector of modern knowledge
- 63 A. A. Konov. Remuneration of labour in Urals railway industry in 1956–1991

Philosophical parallels

- 76 N. A. Chernyak. Morality in the postmodern era
- 83 O. V. Tarasova. Sorokin's theory of fluctuation welfare systems
- 93 A. V. Barkovskiy. Youth as a policy actor: preferences, motivation, prospects

Математические модели технологических процессов

УДК 517.95+533.6

С. Л. Дерябин, А. В. Мезенцев

Одномерные изэнтропические течения нормального разреженного газа, примыкающие к вакууму

UDC 517.95+533.6

S. L. Deryabin, A. V. Mezentsev

One-dimensional isentropic flows of normal rarefied gas adjacent to vacuum

Аннотация

Рассматриваются одномерные изэнтропические течения нормального газа, имеющие логарифмическую особенность в уравнении состояния. Исследуются уравнения состояния и доказывается, что в этом случае только разреженный газ является нормальным. Рассматривается задача о распаде разрыва, решение которой строится в виде сходящихся рядов в окрестности поверхности слабого разрыва. Для определения коэффициентов рядов выписываются и интегрируются системы обыкновенных дифференциальных уравнений. Доказывается, что структура коэффициентов рядов следующая: они являются суммой многочленов и интегралов от известных функций. Выписывается закон движения границы «газ-вакуум».

Ключевые слова: модель газовой динамики; задача о распаде специального разрыва; сходящиеся ряды; свободная поверхность «газ-вакуум»; нормальный газ; уравнение состояния; логарифмическая особенность; поверхность слабого разрыва.

Summary

One-dimensional isentropic flow of normal gas having a logarithmic singularity in equation of state is analyzed. Equations of state are studied, and it is proven that in this case only a rarefied gas is normal. The problem of disintegration of discontinuities is addressed, the solution to which is built as convergent series in the vicinity of the surface of weak discontinuity. To determine the coefficients of series, ordinary differential equation systems are written and integrated. It is proved that series coefficient structure is as follows: they are the sum of polynomials and integrals of known functions. The law of «gas-vacuum» boundary motion is developed.

Keywords: gas dynamics model; problem of disintegration of special discontinuity; convergent series; free surface «gas-vacuum»; normal gas; equation of state; logarithmic singularity; surface of weak discontinuity.

Сергей Львович Дерябин, д-р физ.-мат. наук, профессор; кафедра «Высшая и прикладная математика» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: SDeryabin@usurt.ru.

Мезенцев Алексей Владимирович, канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры «Высшая и прикладная математика» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: AMezentsev@usurt.ru.

Sergey Lvovich Deryabin, DSc in Physics and Mathematics, Professor; «Higher and Applied Mathematics» Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: SDeryabin@usurt.ru.

Mezentsev Aleksey Vladimirovich, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor «Higher and Applied Mathematics» Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: AMezentsev@usurt.ru.

В настоящее время задачи об одномерном и многомерном истечении в вакуум идеального политропного газа, в том числе при учете внешних массовых сил и в условиях самогравитации достаточно подробно исследованы. При помощи характеристических рядов в окрестности слабого разрыва были построены двумерные и трехмерные течения идеального газа, примыкающие к области покоящегося газа [1]. Изучено течение, возникшее в результате схлопывания одномерной полости; решение построено в виде сходящихся характеристических рядов во всей области течения до свободной поверхности включительно и доказано, что свободная поверхность движется некоторое время с постоянной скоростью [2]. Этот результат обобщен на случай двумерных и трехмерных течений [3, 4], трехмерных течений в условиях действия внешних массовых сил [5], одномерных и многомерных течений в условиях самогравитации [6, 7]. Также исследовались одномерные течения нормального газа для уравнения состояния с полиномиальной особенностью [8]. Обзор полученных результатов можно также найти в [9].

В настоящей работе рассматриваются одномерные течения нормального газа с уравнением состояния, имеющим логарифмическую особенность.

1. Постановка задачи и исследование уравнений состояния

Пусть в момент $t = 0$ сфера или цилиндр Γ радиуса $R > 0$ отделяет нормальный покоящийся газ от вакуума. В задаче о схлопывании одномерной полости предполагается, что газ находится снаружи, а внутри полости — вакуум. Если внутри цилиндра находится газ, а снаружи — вакуум, то это задача о разлете газа. При этом в момент $t = 0$ известны распределения скорости и плотности газа: $u = 0$; $\rho = \rho_0 = \text{const} > 0$.

В момент $t = 0$ поверхность Γ мгновенно разрушается и начинается истечение части газа в вакуум. Возмущения, возникшие в результате мгновенного

разрушения поверхности Γ , распространяются по газу в виде волны разрежения, отделенной от покоящегося газа границей Γ_1 , являющейся поверхностью слабого разрыва. С другой стороны волна разрежения примыкает к вакууму: $\rho(x)|_{\Gamma_0} = 0$, где Γ_0 — свободная поверхность, отделяющая волну разрежения от вакуума. Требуется построить волну разрежения, а также найти закон движения Γ_0 , то есть построить решение задачи о распаде разрыва в случае, когда в начальный момент времени неподвижная стенка Γ отделяет газ от вакуума.

Одномерные изэнтропические течения рассматриваемого газа описываются системой [10]

$$\begin{aligned} \rho_t + \rho_x u + \rho \left(u_x + v \frac{u}{x} \right) &= 0, \\ u_t + uu_x + \frac{1}{\rho} p_x &= 0. \end{aligned} \quad (1.1)$$

Здесь p — давление, v — показатель симметрии ($v = 1$ — цилиндрическая, $v = 2$ — сферическая).

Система (1.1) не является замкнутой, поскольку неизвестных функций три (ρ, u, p), а уравнений два. Поэтому необходимо задать уравнение состояния, определяющее термодинамическую природу газа. В работе [8] рассматривалось уравнение состояния с показательной особенностью

$$p = \frac{\rho^\gamma}{\gamma} f(\rho, S), \quad \gamma = \text{const} > 1.$$

В настоящей работе добавим в уравнение состояния логарифмическую особенность и найдем ограничения, при которых газ останется нормальным. Пусть $p = \rho^\gamma f(\rho, S) \ln \rho$, $\gamma = \text{const} > 1$. Исследуем газ с таким уравнением состояния на нормальность.

В настоящее время употребляются в основном два определения нормального газа, различающиеся фактически только в одном моменте [10, 11]. Первое определение нормальности газа

по терминологии [10] (по Овсянникову), требует выполнения неравенств:

$$p > 0, p_p > 0, p_{pp} > 0. \quad (1.2)$$

Определение нормальности газа по второй терминологии [11] (по Вейлю):

$$p > 0, p_p > 0, 2p_p + p_{pp} > 0. \quad (1.3)$$

Различие в определениях имеет газодинамическую природу. У нормального газа, удовлетворяющего условиям (1.2), скорость звука монотонно возрастает. Если условия (1.2) не выполняются, но выполняются условия (1.3), то газ остается нормальным по терминологии Вейля, несмотря на то, что скорость звука становится немонотонной.

Рассмотрим частный случай уравнения состояния, когда $f(\rho, S) = \text{const}$. Поскольку на интервале $(0, 1) \ln \rho < 0$, то в силу условий (1.2) имеем $f(\rho, S) < 0$. Пусть $f(\rho, S) = -1$. Тогда p_p будет иметь вид: $p_p = \rho^{\gamma-1}(-\gamma \ln \rho - 1)$. Это выражение будет больше нуля на интервале $\left(0; e^{-\frac{1}{\gamma}}\right)$. Вычисляя p_{pp} , получим $p_{pp} = \rho^{\gamma-2}[-\gamma(\gamma-1) \ln \rho + 1 - 2\gamma]$. Тогда неравенство $p_{pp} > 0$ выполняется на интервале $\left(0; e^{-\frac{1}{\gamma} e^{-\frac{1}{\gamma-1}}}\right)$. Этот интервал существенно меньше, чем $\left(0; e^{-\frac{1}{\gamma}}\right)$ и в предельном случае, когда $\gamma = 1$, исчезает.

Найдем интервал значений плотности газа, на котором выполняется последнее из условий (1.3): $2p_p + p_{pp} > 0$. Получим неравенство $\rho^{\gamma-1}[-\gamma(\gamma+1) \ln \rho - 1 - 2\gamma] > 0$. В результате имеем искомым интервал: $\left(0; e^{-\frac{1}{\gamma} e^{-\frac{1}{\gamma+1}}}\right)$. В предельном случае, когда $\gamma = 1$, интервал принимает вид $(0; e^{-1} e^{-\frac{1}{2}})$.

Замечания

1. В случае газа с монотонной скоростью звука ($p_{pp} > 0$), не задав конкретного

значения $\gamma (\gamma > 1)$, нельзя выбрать начальное значение ρ_0 .

2. В случае газа с немонотонной скоростью звука ($2p_p + p_{pp} > 0$) при постановке задачи заведомо можно выбрать значения начальной плотности газа ρ_0 из интервала $(0; e^{-1} e^{-\frac{1}{2}})$ для произвольного значения $\gamma > 1$.

3. Нормальный газ, имеющий логарифмическую особенность в уравнении состояния, является разреженным газом.

Далее исследования будут проводиться для уравнения состояния

$$p = -\rho^\gamma \ln \rho, \quad \gamma = \text{const} > 1.$$

Знак «минус» в нем берется с учетом знака логарифмической функции.

Уравнение звуковой характеристики Γ_1 и значения u, ρ на ней определяются следующими функциями:

$$x = R \pm c_{00}t; \quad u|_{\Gamma_1} = 0; \quad \rho|_{\Gamma_1} = \rho_0, \quad (1.4)$$

где c_{00} — скорость звука покоящегося газа, однозначно определяемая по ρ_0 ;

$$c^2 = \frac{\partial p}{\partial \rho} = -\rho_0^{\gamma-1}(\gamma \ln \rho_0 + 1).$$

Для построения волны разрежения сделаем, как и в [9], замену переменных: за независимые переменные возьмем t, ρ , а за неизвестные функции — x, u . Якобиан такого преобразования: $J = x_\rho$. В результате этой замены получим систему:

$$\begin{aligned} x_t &= u + \rho \left(u_\rho + v x_\rho \frac{u}{x} \right), \\ x_\rho u_t - \rho u_\rho^2 - v \rho x_\rho \frac{u}{x} u_\rho - \\ &- \rho^{\gamma-2}(\gamma \ln \rho + 1) = 0. \end{aligned} \quad (1.5)$$

Течение в области между Γ_1 и Γ_0 (в области волны разрежения) будем строить как решение системы (1.5) с данными на характеристике Γ_1 (1.4). Поскольку Γ_1 — характеристика кратности один, то для получения единственного локально-аналитического решения

необходимо задать одно дополнительное условие [9]. Если бы поверхность Γ убиралась медленно, то таким условием было бы условие непротекания на стенке. Если же поверхность Γ убирается мгновенно, этим условием в пространстве переменных (ρ, t) служит соотношение [9]

$$x(0, \rho) = R. \quad (1.6)$$

Таким образом, для описания волны разрежения между Γ_1 и Γ_0 имеем начально-краевую задачу (1.4)–(1.6), которая в дальнейшем и будет называться задачей о распаде специального разрыва.

2. Построение волны разрежения

Теорема 2.1. *Существует $t_0 > 0$ такое, что при $0 < t < t_0$ в некоторой окрестности Γ_1 существует единственное локально-аналитическое решение задачи (1.4)–(1.6) о распаде специального разрыва.*

Доказательство теоремы состоит, как и в [9], в сведении к теореме о существовании единственного аналитического решения у характеристической задачи Коши стандартного вида [9].

Разложим решение задачи (1.4)–(1.6) в ряд по степеням t :

$$\mathbf{f}(t, \rho) = \sum_{k=0}^{\infty} f_k(\rho) \frac{t^k}{k!}, \quad \mathbf{f} = \{x, u\}, \quad (2.1)$$

что при малых t возможно в силу аналитичности решения задачи о распаде разрыва в некоторой окрестности Γ_1 .

В системе (1.5) положим $t = 0$ и, учитывая (1.6), будем иметь

$$\begin{aligned} x_1 &= u_0 + \rho u_{0\rho}, \\ -\rho u_{0\rho}^2 - \rho^{\gamma-2}(\gamma \ln \rho + 1) &= 0. \end{aligned} \quad (2.2)$$

Преобразуя второе уравнение системы (2.2), получим

$$u_{0\rho} = \pm \rho^{\frac{\gamma-3}{2}} \sqrt{-\gamma \ln \rho - 1}.$$

Знак «плюс» в выражении для $u_{0\rho}$ выбирается при разлете газа, а знак «минус» — при схлопывании одномерной полости. Проинтегрируем выражение для $u_{0\rho}$ и, учитывая (1.4), имеем

$$u_0 = \pm \int_{\rho_0}^{\rho} \rho^{\frac{\gamma-3}{2}} \sqrt{-\gamma \ln \rho - 1} d\rho.$$

Оценку для коэффициента u_0 получим с помощью интеграла Эйлера – Пуассона:

$$\begin{aligned} |u_0| &\leq \int_0^1 \rho^{\frac{\gamma-3}{2}} \sqrt{-\gamma \ln \rho - 1} d\rho = \\ &= [v = \sqrt{-\gamma \ln \rho - 1}] = \\ &= \frac{2}{\gamma} e^{\frac{1-\gamma}{2\gamma}} \int_0^{+\infty} v^2 e^{\frac{1-\gamma}{2\gamma} v^2} dv = \left[\tau = \sqrt{\frac{\gamma-1}{2\gamma}} v \right] = \\ &= e^{\frac{1-\gamma}{2\gamma}} \frac{2\sqrt{2\gamma}}{(\gamma-1)^{\frac{3}{2}}} \int_0^{+\infty} \tau^2 e^{-\tau^2} d\tau = \\ &= e^{\frac{1-\gamma}{2\gamma}} \frac{\sqrt{2\gamma}}{(\gamma-1)^{\frac{3}{2}}} \int_0^{+\infty} e^{-\tau^2} d\tau = e^{\frac{1-\gamma}{2\gamma}} \frac{\sqrt{2\gamma}}{(\gamma-1)^{\frac{3}{2}}} \frac{\sqrt{\pi}}{2}. \end{aligned}$$

Для нахождения x_1 подставим полученное выражение в первое уравнение системы (2.2):

$$x_1 = \pm \int_{\rho_0}^{\rho} \rho^{\frac{\gamma-3}{2}} \sqrt{-\gamma \ln \rho - 1} d\rho \pm \rho^{\frac{\gamma-1}{2}} \sqrt{-\gamma \ln \rho - 1},$$

$$x_{1\rho} = 2u_{0\rho} + \rho u_{0\rho\rho} = \mp \rho^{\frac{\gamma-3}{2}} \frac{\gamma(\gamma+1) \ln \rho + 2\gamma + 1}{2\sqrt{-\gamma \ln \rho - 1}}.$$

Чтобы не усложнять восприятие текста, приведем выкладки только для разлета газа. Продифференцируем систему (1.5) по t , положим $t = 0$.

Учитывая (1.6) и ранее полученные выражения, имеем

$$\begin{aligned} x_2 &= u_1 + \rho u_{1\rho} + G_{11}(\rho), \\ G_{11}(\rho) &= \nu \rho x_{1\rho} \frac{u_0}{x_0}, \\ x_{1\rho} u_1 - 2\rho u_{0\rho} u_{1\rho} &= G_{21}(\rho), \\ G_{21}(\rho) &= \nu \rho x_{1\rho} \frac{u_0}{x_0} u_{0\rho}. \end{aligned} \quad (2.3)$$

Интегрируя, с учетом условия (1.4), будем иметь

$$u_1 = -\frac{\rho}{2} \sqrt{u_{0\rho}} \int_{\rho_0}^{\rho} \frac{G_{21}(\rho)}{\rho^2 u_{0\rho}^{\frac{3}{2}}} d\rho = -\frac{\nu}{2R} \rho \sqrt{u_{0\rho}} \int_{\rho_0}^{\rho} \frac{(2u_{0\rho} + \rho u_{0\rho\rho}) u_0 d\rho}{\rho \sqrt{u_{0\rho}}}.$$

Подставляя значения нулевых коэффициентов ряда (2.1), имеем

$$u_1 = \frac{\nu}{2R} \rho^{\frac{\gamma+1}{4}} (-\gamma \ln \rho - 1)^{\frac{1}{4}} \int_{\rho_0}^{\rho} \left(\frac{\gamma(\gamma+1) \ln \rho + 2\gamma + 1}{(-\gamma \ln \rho - 1)^{\frac{3}{4}}} \rho^{\frac{\gamma-7}{4}} \int_{\rho_0}^{\rho} \rho^{\frac{\gamma-3}{2}} \sqrt{-\gamma \ln \rho - 1} d\rho \right) d\rho.$$

С помощью правила Лопиталя вычислим значение $u_1(0)$ при $\gamma > 1$:

$$\begin{aligned} \lim_{\rho \rightarrow 0} u_1(\rho) &= -\lim_{\rho \rightarrow 0} \frac{\rho}{2} \sqrt{u_{0\rho}} \int_{\rho_0}^{\rho} \frac{G_{21}(\rho)}{\rho^2 u_{0\rho}^{\frac{3}{2}}} d\rho = -\frac{1}{2} \lim_{\rho \rightarrow 0} \frac{\int_{\rho_0}^{\rho} \frac{G_{21}(\rho)}{\rho^2 u_{0\rho}^{\frac{3}{2}}} d\rho}{\rho^{-1} u_{0\rho}^{-\frac{1}{2}}} = \left\{ \frac{\infty}{\infty} \right\} = \\ &= -\frac{1}{2} \lim_{\rho \rightarrow 0} \frac{G_{21}(\rho)}{\rho^2 u_{0\rho}^{\frac{3}{2}} (-\rho^{-2} u_{0\rho}^{-\frac{1}{2}} - \frac{1}{2} \rho^{-1} u_{0\rho}^{-\frac{3}{2}} u_{0\rho\rho})} = 0. \end{aligned}$$

Подставляя полученное выражение в первое уравнения системы (2.4), определяем x_2 . Полученное выражение для $x_2(\rho)$ имеет такую же структуру, как и $u_1(\rho)$.

Продифференцируем систему (1.5) дважды по t , положим $t = 0$. Учитывая (1.6) и ранее полученные выражения, имеем

$$x_3 = u_2 + \rho u_{2\rho} + G_{12}(\rho); \quad x_{1\rho} u_1 - 2\rho u_{0\rho} u_{1\rho} = G_{22}(\rho), \quad (2.4)$$

где

$$\begin{aligned} G_{12}(\rho) &= \nu \rho x_{2\rho} \frac{u_0}{x_0} - 2\nu \rho x_{1\rho} \frac{x_1 u_0}{x_0^2} + 2\nu \rho x_{1\rho} \frac{u_1}{x_0}; \\ G_{22}(\rho) &= -x_{2\rho} u_1 + 2\rho u_{1\rho}^2 + \nu \rho x_{2\rho} \frac{u_0}{x_0} u_{0\rho} - 2\nu \rho x_{1\rho} \frac{1}{x_0^2} x_1 u_0 u_{0\rho} + 2\nu \rho x_{1\rho} \frac{u_1}{x_0} u_{0\rho} + 2\nu \rho x_{1\rho} \frac{u_0}{x_0} u_{1\rho}. \end{aligned}$$

Интегрируя второе уравнение системы (2.4), получим

$$u_2 = -\frac{\rho^2 u_{0\rho}}{2} \int_{\rho_0}^{\rho} \frac{G_{22}(\rho)}{\rho^3 u_{0\rho}^2} d\rho.$$

С помощью правила Лопиталя так же, как и для $u_1(0)$, доказывается, что при $\gamma > 1$ значение $u_2(0) = 0$.

Далее система (1.5) дифференцируется k раз по t , полагается $t = 0$. Учитывая условие (1.6) и ранее полученные коэффициенты ряда (2.1), получим

$$x_{k+1} = u_k + \rho u_{k\rho} + G_{1k}(\rho); \quad k x_{1\rho} u_k - 2\rho u_{0\rho} u_{k\rho} = G_{2k}(\rho). \quad (2.5)$$

Здесь G_{1k} , G_{2k} — функции, зависящие от x_{l+1} , $u_l (l < k)$. Их вид из-за громоздкости не приводится. Интегрируя второе уравнение полученной системы, с учетом условия (1.4) будем иметь

$$u_k = -\frac{1}{2} \rho^k u_{0\rho}^{\frac{k}{2}} \int_{\rho_0}^{\rho} G_{2k}(\rho) \rho^{-k-1} u_{0\rho}^{-\frac{k+2}{2}} d\rho.$$

Лемма. Пределы от коэффициентов рядов (2.1) u_k и x_{k+1} при $\rho \rightarrow 0$, $\gamma > 1$ для $k \geq 1$ равны нулю:

$$\lim_{\rho \rightarrow 0} u_k = 0, \quad \lim_{\rho \rightarrow 0} x_k = 0.$$

Лемма доказывается индукцией по k .

Закон движения свободной поверхности определяется при подстановке в ряды (2.1) $\rho = 0$. На основании леммы

получается, что при $\rho = 0$ ряды (2.1) обрываются и

$$u(\rho) \big|_{\rho=0} = u_0(0), \quad x(\rho) \big|_{\rho=0} = R + x_1(0)t.$$

Следовательно, граница газ-вакуум движется с постоянной скоростью $u_0(0)$ по закону $x = R + u_0(0)t$.

В заключение авторы благодарят С.П. Баутину, д-ра физ.-мат. наук за полезное обсуждение данной работы. ■

Литература

1. Сидоров А.Ф. Избранные труды. Математика. Механика. М. : Физматлит, 2001. 576 с. ISBN 5-9221-0103-X.
2. Баутин С.П. Схлопывание одномерной полости // Прикладная математика и механика. 1982. Т. 46, вып. 1. С. 50–59.
3. Баутин С.П., Дерябин С.Л. Истечение идеального газа в вакуум // Доклады АН СССР. 1983. Т. 273. № 4. С. 817–820.
4. Дерябин С.Л. Трехмерное истечение в вакуум неоднородного движущегося газа // Динамика сплошной среды. 1984. Вып. 65. С. 56–74.
5. Дерябин С.Л. Трехмерное истечение в вакуум неоднородного движущегося газа в условиях действия внешних массовых сил // Динамика сплошной среды : сб. науч. тр. / АН СССР. Сиб. отд. Ин-т гидродинамики. 1987. Вып. 83. С. 60–71.
6. Дерябин С.Л., Чуев Н.П. Сферически-симметричное истечение самогравитирующего идеального газа в вакуум // Прикл. математика и механика. 1994. Т. 58, вып. 2. С. 77–84.
7. Дерябин С.Л., Чуев Н.П. Исследование трехмерных течений самогравитирующего идеального газа, непрерывно примыкающих к вакууму // Вестник УрГУПС. 2012. № 2 (14). С. 4–13. ISBN 2079-0392.
8. Дерябин С.Л., Мезенцев А.В. Одномерное истечение в вакуум нормального газа, гравитирующего по Ньютону // Вычислительные технологии. 2009. Т. 14, № 3. С. 25–37.
9. Баутин С.П., Дерябин С.Л. Математическое моделирование истечения идеального газа в вакуум. Новосибирск : Наука, 2005. 390 с. ISBN 5-02-032505-8.
10. Овсянников Л.В. Лекции по основам газовой динамики. М.; Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2003. 368 с.
11. Рождественский Б.Л., Яненко Н.Н. Системы квазилинейных уравнений и их приложения к газовой динамике. М. : Наука, 1968. 529 с.

References

1. Sidorov A. F. Izbrannyye trudy. Matematika. Mekhanika. [Selected Works. Mathematics. Mechanics.] M. : Fizmatlit, 2001. 576 s. ISBN 5-9221-0103-X.
2. Bautin S. P. Skhlopyvanie odnomernoy polosti [Collapse of the one-dimensional cavity] // Prikladnaya matematika i mekhanika. 1982. T. 46, Issue 1. p. 50–59.
3. Bautin S. P., Deryabin S. L. Istechenie idealnogo gaza v vakuum [Outflow of ideal gas to vacuum] // Doklady AN SSSR. 1983. T. 273. № 4. p. 817–820.
4. Deryabin S. L. Trekhmernoe istechenie v vakuum neodnorodnogo dvizhushchegosya gaza [Three-dimensional outflow of inhomogeneous moving gas to vacuum] // Dinamika sploshnoy sredy. 1984. Issue 65. p. 56–74.
5. Deryabin S. L. Trekhmernoe istechenie v vakuum neodnorodnogo dvizhushchegosya gaza v usloviyakh deystviya vneshnikh massovykh sil [Three-dimensional outflow of inhomogeneous moving gas to vacuum under the influence of external mass forces] // Dinamika sploshnoy sredy : sb. nauch. tr. / AN SSSR. Sib. отд. In-t gidrodinamiki. 1987. Issue 83. p. 60–71.
6. Deryabin S. L., Chuev N. P. Sfericheski-simmetrichnoe istechenie samogravitiruyushchego idealnogo gaza v vakuum [Spherically symmetric outflow of self-gravitating ideal gas into vacuum] // Prikl. matematika i mekhanika. 1994. T. 58, Issue 2. p. 77–84.

7. Deryabin S. L., Chuev N. P. Issledovanie trekhmernykh techeniy samogravitiruyushchego idealnogo gaza, nepreryvno primykayushchikh k vakuumu [The study of three-dimensional self-gravitating ideal gas continuously adjacent to vacuum] // Herald of USURT. 2012. № 2 (14). p. 4–13. ISBN 2079-0392.
8. Deryabin S. L., Mezentsev A. V. Odnomernoe istechenie v vakuum normalnogo gaza, gravitiruyushchego po Nyutonu [One-dimension outflow of normal gas into vacuum gravitating according to Newton's law] // Vychislitelnye tekhnologii. 2009. T. 14, № 3. С. 25–37.
9. Bautin S. P., Deryabin S. L. Matematicheskoe modelirovanie istecheniya idealnogo gaza v vakuum. [Mathematical modeling of outflow of ideal gas to vacuum.] Novosibirsk : Nauka, 2005. 390 s. ISBN 5-02-032505-8.
10. Ovsyannikov L. V. Lektsii po osnovam gazovoy dinamiki. [Lectures on gas dynamics fundamentals.] M.; Izhevsk : In-t kompyuternykh issledovaniy, 2003. 368 s.
11. Rozhdestvenskiy B. L., Yanenko N. N. Sistemy kvazilineynykh uravneniy i ikh prilozheniya k gazovoy dinamike. [Quasilinear equation systems and their application in gas dynamics.] M. : Nauka, 1968. 529 s.

Статья сдана в редакцию 21 января 2015 года

УДК 517.956.4

А. В. Мартыненко

Режимы с обострением для параболического λ -лапласиана с неоднородной плотностью и неоднородным источником

UDC 517.956.4

A. V. Martynenko

Blow-up regimes for parabolic λ -laplacian with non-uniform density and heterogeneous sources

Аннотация

Параболические уравнения с неоднородной плотностью широко используются для описания ряда физических явлений, например, они описывают распространение тепловых волн в плазме и процессы горения в неоднородных средах.

В данной работе рассматривается задача Коши для уравнения параболического λ -лапласиана с неоднородной плотностью и неоднородным источником, которые зависят от пространственных переменных. Предполагается, что плотность и источник вырождаются на бесконечности.

Работа обобщает ряд классических и современных результатов по несуществованию глобальных по времени решений задачи Коши для уравнения с источником.

В работе найдены условия на параметры уравнения, при которых любое нетривиальное решение задачи Коши является режимом с обострением, т. е. становится неограниченным за конечное время. Полученные условия показывают, что свойства задачи качественно зависят от вырождения плотности и источника.

Ключевые слова: задача Коши; λ -лапласиан; неоднородная плотность; неоднородный источник; режим с обострением; вырождающееся уравнение; нелинейное уравнение; параболическое уравнение.

Summary

Parabolic equations with non-uniform density are widely used to describe a number of physical phenomena; for example, they describe propagation of thermal waves in plasma and combustion processes in heterogeneous environments.

In this paper we consider the Cauchy problem for a parabolic λ -laplacian equation with non-uniform density and heterogeneous source, which depend on spatial variables. It is assumed that the density and source degenerate at infinity.

The paper summarizes a number of classical and modern results on nonexistence of time-global solutions for the Cauchy problem for equation with a source.

Conditions for equation parameters are found, under which any non-trivial solution to Cauchy problem is a blow-up regime, i. e. becomes unbounded in finite time. The conditions obtained show that properties of the problem qualitatively depend on density and source degeneration.

Keywords: Cauchy problem; λ -Laplacian; non-uniform density; heterogeneous source; blow-up regime; degenerate equation; nonlinear equation; parabolic equation.

Александр Валериевич Мартыненко, канд. физ.-мат. наук, доцент; кафедра «Высшая и прикладная математика» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: AMartynenko@usurt.ru.

Aleksandr Valerievich Martynenko, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; «Higher and Applied Mathematics» Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: AMartynenko@usurt.ru.

Рассмотрим следующую задачу Коши:

$$\rho(x)u_t = \operatorname{div}(|Du|^{\lambda-1}Du) + \mu(x)u^p, \quad (1)$$

$$(x, t) \in Q_T = R^N(0, T), N \geq 2,$$

$$u(x, 0) = u_0(x), x \in R^N, \quad (2)$$

где $\rho(x) = (1 + |x|)^{-l}$, $\mu(x) = (1 + |x|)^{-k}$; Du — градиент функции $u(x, t)$ по пространственным переменным. Оператор $\operatorname{div}(|Du|^{\lambda-1}Du)$ обычно называют λ -лапласианом, коэффициент $\rho(x)$ — плотностью среды, а член $\mu(x)u^p$ — неоднородным источником.

Параболические уравнения с неоднородной плотностью широко используются для описания ряда физических явлений, например, они описывают распространение тепловых волн в плазме [1] и процессы горения в неоднородных средах [2].

Параболические уравнения с источником могут иметь решения, которые становятся неограниченными за конечное время. О таких решениях говорят, что они «взрываются». Подобный результат для линейного уравнения с нелинейным источником (полулинейное уравнение) впервые получен в работе [3]. Установлено, что существует такое критическое значение p^* , что при $1 < p < p^*$ любое нетривиальное решение задачи Коши «взрывается» за конечное время, а при $p > p^*$ и достаточно малой начальной функции существует глобальное по времени решение. В дальнейшем подобные результаты получены для разных классов нелинейных уравнений, в частности для уравнения (1) в случае $\rho(x) \equiv \mu(x) \equiv 1$. Детальную информацию по этому вопросу можно найти в монографии [4] или в обзорных работах [5, 6]. Отметим, что подходы, излагаемые в монографии [4], используют различные частные решения, обладающие нужными свойствами. Изучению вопросов, связанных с получением таких решений, посвящено немало работ; в [7] предложен метод построения решения при любом режиме моделируемого процесса.

Задача (1), (2) в случаях $l \geq 0$, $k = 0$ и $k = l \geq 0$ рассмотрена в работах [8, 9]. Установлено, что любое нетривиальное решение «взрывается», если $\lambda < p < p^*(l)$, где

$$p_1^*(l) = \begin{cases} \lambda + \frac{\lambda+1}{N-l}, & 0 \leq l < l^*, \\ \frac{\lambda N}{N-\lambda-1}, & l \geq l^* \end{cases}$$

в случае $k = 0$ и

$$p_2^*(l) = \lambda + \frac{\lambda+1-l}{N-l},$$

в случае $0 \leq k = l \leq \lambda + 1$. Здесь и всюду далее

$$l^* = \frac{N(\lambda-1) + \lambda + 1}{\lambda}.$$

Величина l^* играет роль критического показателя для параметра l : решения задачи (1), (2) обладают качественно различными свойствами в случаях $l < l^*$ и $l > l^*$. Этот факт был впервые обнаружен в [10].

В работах [11, 12] рассмотрена задача (1), (2) для случая $l = 0$, $k \geq 0$. Установлено, что любое нетривиальное решение задачи Коши «взрывается», если

$$\lambda < p < p_3^*(k) = \lambda + \frac{\lambda+1-k}{N}.$$

Основная цель настоящей работы — обобщить результаты, которые были получены в [8, 9].

Задачу (1), (2) будем рассматривать при следующих ограничениях на параметры:

$$1 < \lambda < N - 1,$$

$$0 \leq l < N,$$

$$0 \leq k < \lambda + 1,$$

$$p > \lambda.$$

Эти условия достаточно естественны для данной задачи. В частности, условие

$k < \lambda + 1$ является необходимым, чтобы любое нетривиальное решение задачи (1), (2) «взрывалось» за конечное время, поскольку в работе [9] было показано, что в случае $l = k > \lambda + 1$ существует глобальное по времени решение для всех $p > \lambda$.

Также будем предполагать, что $u_0(x)$ — неотрицательная измеримая функция из пространства

$$L_p^1(R^N) = \left\{ f : \int_{R^N} \rho(x) f(x) dx < \infty \right\}.$$

Относительно начальной функции будем предполагать, что $u_0 \geq 0$ и

$$u_0 \in L_p^1(R^N).$$

Перейдем к точным формулировкам, для чего введем понятие решения задачи (1), (2).

Определение. Будем говорить, что неотрицательная функция $u \in C([0, T]) : L_p^1(R^N)$ является решением задачи (1), (2), если:

$$a) u \in L_{loc}^{\lambda+1}([0, T] : W_{loc}^{1, \lambda+1}(R^N)),$$

$$\mu u^p \in L_{loc}^1(Q_T);$$

б) функция $u(x, t)$ удовлетворяет уравнению (1) в смысле распределений в области Q_T ;

в) $u(x, t) \rightarrow u_0(x)$ при $t \rightarrow 0$ в пространстве $L_p^1(R^N)$.

Такое решение обычно называют слабым L^1 -решением. Детальная информация относительно существования локального по времени решения в смысле этого определения и его основных свойств может быть найдена в [13].

Роль критического показателя нелинейного источника для задачи (1), (2) будет играть величина

$$p^*(l, k) = \begin{cases} \lambda + \frac{\lambda + 1 - k}{N - l}, & l < l^*, \\ \frac{\lambda(N - k)}{N - \lambda - 1}, & l \geq l^*. \end{cases}$$

Следующая теорема содержит основной результат работы.

Теорема. Пусть $p < p^*(k, l)$, тогда любое нетривиальное решение задачи (1), (2) становится неограниченным за конечное время, т.е. существуют $\theta \in (0, 1)$ и $r \in (0, 1)$ такие, что

$$\int_{B_r} \rho u^{1-\theta} dx \rightarrow \infty \text{ при } t \rightarrow T < \infty,$$

где $B_r = \{x \in R^N : |x| < r\}$.

Доказательство. Пусть $\xi = \xi(x)$ — гладкая функция, которая удовлетворяет условиям: $0 \leq \xi(x) \leq 1$, $\xi = 1$ для $x \in B_r$, $\xi = 0$ для $x \notin B_{2r}$ и $|\nabla \xi| \leq \gamma/r$. Здесь и всюду далее $\gamma, \gamma_1, \gamma_2$ — положительные постоянные, которые зависят от параметров уравнения, но не зависят от начальной функции.

Пусть также $\theta \in (0, 1)$ и $\varepsilon, s > 0$, θ и ε — произвольные постоянные, а значение s будет выбрано ниже. Пусть $u(x, t)$ — решение задачи (1), (2). Умножим обе части уравнения (1) на $(u + \varepsilon)^{-\theta} \xi^s$ и проинтегрируем по B_{2r} :

$$\begin{aligned} & \frac{d}{dt} \int_{B_{2r}} \rho (u + \varepsilon)^{1-\theta} \xi^s dx \geq \\ & \geq \gamma_1 \int_{B_{2r}} |Du|^{\lambda+1} (u + \varepsilon)^{-1-\theta} \xi^s dx - \\ & - \gamma_2 \int_{B_{2r}} |Du|^{\lambda} (u + \varepsilon)^{-\theta} \xi^{s-1} |D\xi| dx + \\ & + \gamma_3 \int_{B_{2r}} \mu u^p (u + \varepsilon)^{-\theta} \xi^s dx. \end{aligned} \quad (3)$$

Применим ко второму члену правой части неравенство Юнга с достаточно малым $\delta > 0$ и показателями $\frac{(\lambda+1)}{\lambda}$ и $\lambda+1$:

$$\begin{aligned} & \int_{B_{2r}} |Du|^{\lambda} (u + \varepsilon)^{-\theta} \xi^{s-1} |D\xi| dx \leq \\ & \leq \delta \int_{B_{2r}} |Du|^{\lambda+1} (u + \varepsilon)^{-1-\theta} \xi^s dx + \\ & + \frac{1}{\delta^{\lambda}} \int_{B_{2r}} (u + \varepsilon)^{\lambda-\theta} \xi^{s-\lambda-1} |D\xi|^{\lambda+1} dx. \end{aligned}$$

Тогда из неравенства (3) получим:

$$\begin{aligned} & \frac{d}{dt} \int_{B_{2r}} \rho(u + \varepsilon)^{1-\theta} \xi^s dx \geq \\ & \geq \gamma_1(\delta) \int_{B_{2r}} |Du|^{\lambda+1} (u + \varepsilon)^{1-\theta} \xi^s dx - \\ & - \frac{\gamma_2(\delta)}{r^{\lambda+1}} \int_{B_{2r}} (u + \varepsilon)^{\lambda-\theta} \xi^{s-\lambda-1} dx + \\ & + \gamma_3 \int_{B_{2r}} \mu u^p (u + \varepsilon)^{-\theta} \xi^s dx. \end{aligned}$$

Отбрасывая первое слагаемое в правой части и переходя к пределу при $\varepsilon \rightarrow 0$, получим

$$\begin{aligned} \frac{d}{dt} E & \geq -\frac{\gamma_2(\delta)}{r^{\lambda+1}} \int_{B_{2r}} u^{\lambda-\theta} \xi^{s-\lambda-1} dx + \\ & + \gamma_3 \int_{B_{2r}} \mu u^{p-\theta} \xi^s dx = -J_1 + J_2, \end{aligned} \quad (4)$$

где $E = E(t) = \int_{B_{2r}} \rho u^{1-\theta} \xi^s dx$.

Снова воспользуемся неравенством Юнга с достаточно малым $\delta_1 > 0$ и показателями $(p - \theta)/(\lambda - \theta)$ и $(p - \theta)/(p - \lambda)$, чтобы оценить J_1 через J_2 :

$$\begin{aligned} J_1 & \leq \delta_1 J_2 + \gamma(\delta_1) r^{\frac{(\lambda+1)(p-\theta)}{p-\lambda}} \times \\ & \times \int_{B_{2r}} \mu^{-(\lambda-\theta)/(p-\lambda)} \xi^{s-\frac{(\lambda+1)(p-\theta)}{p-\lambda}} dx. \end{aligned}$$

Пусть s выбрано так, что

$$s > \frac{(\lambda+1)(p-\theta)}{p-\lambda},$$

$$J_1 \leq \delta_1 J_2 + \gamma(\delta_1) M(r), \quad (5)$$

где $M(r) = r^{\frac{(\lambda+1)(p-\theta)}{p-\lambda}} \int_{B_{2r}} \mu^{-(\lambda-\theta)/(p-\lambda)} dx$.

С другой стороны, с помощью неравенства Гельдера с показателями $\frac{(p-\theta)}{(1-\theta)}$ и $\frac{(p-\theta)}{(p-1)}$ можно оценить E через J_2 :

$$E \leq J_2^{\frac{1-\theta}{p-\theta}} \left(\int_{B_{2r}} \mu^{-(1-\theta)/(p-1)} \rho^{(p-\theta)/(p-1)} dx \right)^{\frac{p-1}{p-\theta}},$$

тогда

$$\begin{aligned} J_2 & \geq E^{\frac{p-\theta}{1-\theta}} \left(\int_{B_{2r}} \mu^{-(1-\theta)/(p-1)} \rho^{(p-\theta)/(p-1)} dx \right)^{\frac{-(p-1)}{1-\theta}} = \\ & = E^{\frac{p-\theta}{1-\theta}} L(r). \end{aligned} \quad (6)$$

Таким образом, из неравенств (3)–(6) вытекает, что

$$\frac{dE}{dt} \geq \gamma_1 L(r) E^{\frac{p-\theta}{1-\theta}} - \gamma_2 M(r). \quad (7)$$

Если выполняется соотношение

$$\frac{M(r)}{L(r)} \rightarrow 0 \text{ при } r \rightarrow \infty, \quad (8)$$

то существует такое $r^* > 0$, что

$$\gamma_1 L(r) E^{\frac{p-\theta}{1-\theta}}(t) - \gamma_2 M(r) \geq 0 \quad (9)$$

при $t = 0$ и $r \geq r^*$. Отсюда и из дифференциального неравенства (7) следует, что $E(t)$ возрастает при $t \geq 0$. Значит, (9) выполняется при всех $t \geq 0$ и $r \geq r^*$.

Из неравенств (7) и (9) вытекает, что для всех $t \geq 0$ и $r \geq r^*$

$$\frac{dE}{dt} \geq \gamma L(r) E^{\frac{p-\theta}{1-\theta}}.$$

Интегрирование этого неравенства на интервале $(0, t)$ дает

$$E(t) \geq \frac{E(0)}{(1 - \gamma L(r)t)^{(1-\theta)/(m-1)}}.$$

Таким образом, $E(t) \rightarrow \infty$ при $t \rightarrow (\gamma L(r))^{-1}$, если справедливо (8). Покажем, что для любого $p < p^*(k, l)$ найдется такое $\theta \in (0, 1)$, что условие (8) выполнено.

В силу условий на параметры, интеграл в $M(r)$ расходится при $r \rightarrow \infty$, поэтому

$$M(r) \sim r^{\frac{(\lambda+1)(p-\theta)}{p-\lambda} + N + k \frac{\lambda-\theta}{p-\lambda}} = r^\alpha.$$

Интеграл, содержащийся в $L(r)$, расходится при

$$\omega = N + k \frac{1-\theta}{p-1} - l \frac{p-\theta}{p-1} \geq 0.$$

Значит, для $\omega > 0$ при $r \rightarrow \infty$

$$L(r) \sim r^{-\frac{p-1}{1-\theta} \left[N+k \frac{1-\theta}{p-1} - l \frac{p-\theta}{p-1} \right]} = r^\beta,$$

а для $\omega = 0$ при $r \rightarrow \infty$

$$L(r) \sim (\ln r)^{-\frac{p-1}{1-\theta}}.$$

Если $\omega < 0$, то при $r \rightarrow \infty$

$$L(r) \sim \text{const.}$$

Отметим, что условие $\omega > 0$ равносильно тому, что

$$p > \frac{N - k(1-\theta) - l\theta}{N-l} = p_1.$$

Таким образом, для анализа условия (8) необходимо рассмотреть три случая: $p > p_1$, $p = p_1$ и $p < p_1$.

Если $p > p_1$, то (8) равносильно условию $\alpha < \beta$, которое, в свою очередь, сводится к условию

$$p < \lambda + (1-\theta) \frac{\lambda + 1 - k}{N-l} = p_2.$$

Если $p = p_1$, то (8) равносильно условию $\alpha < 0$, которое эквивалентно соотношению

$$p < \frac{N\lambda - k(\lambda - \theta) - \theta(\lambda + 1)}{N - \lambda - 1} = p_3.$$

Наконец, в случае $p < p_1$ условие (8) также сводится к неравенству $\alpha < 0$ и, следовательно, к условию $p < p_3$.

Таким образом, условие (8) будет выполнено, если

$$p_1 < p < p_2 \text{ или } p \leq p_1 \text{ и } p < p_3. \quad (10)$$

Введем обозначение:

$$l^*(\theta) = \frac{N(\lambda - 1) + (1-\theta)(\lambda + 1)}{\lambda - \theta}.$$

Несложно проверить, что

$$l < l^*(\theta) \Rightarrow p_1 < p_2 < p_3,$$

$$l > l^*(\theta) \Rightarrow p_1 > p_2 > p_3.$$

Значит, при $l < l^*(\theta)$ условие (10) сводится к неравенству $p < p_2$, а при $l > l^*(\theta)$ — к неравенству $p < p_3$. Отсюда легко следует, что для любого $p < p^*(k, l)$ найдется такое $\theta \in (0, 1)$, что соотношение (8) будет выполнено.

Замечание. Нетрудно видеть, что

$$p^*(l, 0) = p_1^*(l),$$

$$p^*(l, l) = p_2^*(l)$$

и

$$p^*(0, k) = p_3^*(k).$$

Таким образом, теорема обобщает результаты работ [8, 9].

Следствие. Если $p < p^*(k, l)$ и $u(x, t)$ — решение задачи (1), (2), то

$$\int_{R^N} \rho u^q dx \rightarrow \infty \text{ при } t \rightarrow T < \infty \quad \forall q \geq 1, \quad (11)$$

$$\max_{x \in R^N} u(x, t) \rightarrow \infty \text{ при } t \rightarrow T < \infty. \quad (12)$$

Доказательство. Используя неравенство Гельдера с показателями $q/(1-\theta)$ и $q/(q-1+\theta)$, получим

$$\int_{B_r} \rho u^{1-\theta} dx \leq \left(\int_{R^N} \rho u^q dx \right)^{\frac{1-\theta}{q}} \left(\int_{B_r} \rho dx \right)^{\frac{q-1-\theta}{q}}.$$

Отсюда и из теоремы вытекает справедливость соотношения (11).

Свойство (12) доказывается аналогично.

Значение критического показателя $p^*(k, l)$ существенно зависит от вырождения неоднородной плотности и неоднородности источника. Причем эта зависимость носит качественный характер: для слабовырожденной плотности показатель p^* зависит от l и k , а для сильно вырожденной плотности p^* зависит только от k . ■

Литература

1. Kamin S., Rosenau P. Propagation of thermal waves in an inhomogeneous medium // *Comm. Pure Appl. Math.* 1981. V. 34. P. 831–852.
2. Курдюмов С. П., Куркина Е. С. Спектр собственных функций для нелинейного уравнения теплопроводности с источником // *Журнал вычислительной математики и математической физики.* 2004. Т. 44. № 9. С. 1619–1637. ISSN 0044-4669.
3. Fujita H. On the blowing up of solutions to the Cauchy problem for $u_t = \Delta u + u^{1+\alpha}$ // *J. Fac. Sci. Univ. Tokyo Sect. IA, Math.* 1966. V.13. P. 109–124.
4. Самарский А. А., Галактионов В. А., Курдюмов П. М., Михайлов А. П. Режимы с обострением в задачах для квазилинейных параболических уравнений. М. : Наука, 1987. 397 с.
5. Levine H. A. The role of critical exponents in blow up theorems // *SIAM Rev.* 1990. V. 32. P. 262–288.
6. Deng K. The role of critical exponents in blow up theorems : The sequel // *J. Math. Anal. Appl.* 2000. V. 243. P. 85–126.
7. Титов С. С. Нелокальные решения задачи Коши в шкалах аналитических полиалгебр // *Труды Института математики и механики УрО РАН.* 2003. Т. 9. № 2. С. 105–128. ISSN 0134-4889.
8. Мартыненко А. В., Тедеев А. Ф. Задача Коши для квазилинейного параболического уравнения с источником и неоднородной плотностью // *Журнал вычислительной математики и математической физики.* 2007. Т. 47, № 2. С. 245–255. ISSN 044-4669.
9. Мартыненко А. В., Тедеев А. Ф. О поведении решений задачи Коши для вырождающегося параболического уравнения с неоднородной плотностью и источником // *Журнал вычислительной математики и математической физики.* 2008. Т. 48, № 7. С. 1214–1229. ISSN 044-4669.
10. Тедеев А. Ф. Условия существования и несуществования в целом по времени компактного носителя решений задачи Коши для квазилинейных вырождающихся параболических уравнений // *Сибирский математический журнал.* 2004. Т. 45, № 1. С. 189–200. ISSN 0037-4474.
11. Levine H. A., Meier P. The value of the critical exponent for reaction-diffusion equations in cones // *Arch. Rational Mech. Anal.* 1989. V. 109. P. 73–80.
12. Qi Y.-W. The critical exponents of parabolic equations and blow-up in R^n // *Proc. Roy. Soc. of Edinburg.* 1998. V. 128A. P. 123–136.
13. DiBenedetto E. Degenerate parabolic equations // *Springer-Verlag New York.* 1993. 387 p.

References

1. Kamin S., Rosenau P. Propagation of thermal waves in an inhomogeneous medium // *Comm. Pure Appl. Math.* 1981. V. 34. P. 831–852.
2. Kurdyumov S. P., Kurkina E. S. Spektr sobstvennykh funktsiy dlya nelineynogo uravneniya teploprovodnosti s istochnikom [Eigenfunctions spectrum for nonlinear heat equation with a source] // *Zhurnal vychislitel'noy matematiki i matematicheskoy fiziki.* 2004. T. 44. № 9. С. 1619–1637. ISSN 0044-4669.
3. Fujita H. On the blowing up of solutions to the Cauchy problem for $u_t = \Delta u + u^{1+\alpha}$ // *J. Fac. Sci. Univ. Tokyo Sect. IA, Math.* 1966. V.13. P. 109–124.
4. Samarskiy A. A., Galaktionov V. A., Kurdyumov P. M., Mikhaylov A. P. Rezhimy s obostreniem v zadachakh dlya kvazilineynykh parabolicheskikh uravneniy. [Blow-up regimes in problems for quasilinear parabolic equations.] M. : Nauka, 1987. 397 с.
5. Levine H. A. The role of critical exponents in blow up theorems // *SIAM Rev.* 1990. V. 32. P. 262–288.
6. Deng K. The role of critical exponents in blow up theorems : The sequel // *J. Math. Anal. Appl.* 2000. V. 243. P. 85–126.
7. Titov S. S. Nelokalnye resheniya zadachi Koshi v shkalakh analiticheskikh polialgebr [Nonlocal solutions of the Cauchy problem in analytic polyalgebra scales] // *Trudy Instituta matematiki i mekhaniki UrO RAN.* 2003. T. 9. № 2. p. 105–128. ISSN 0134-4889.
8. Martynenko A. V., Tedeey A. F. Zadacha Koshi dlya kvazilineynogo parabolicheskogo uravneniya s istochnikom i neodnorodnoy plotnostyu [The Cauchy problem for quasilinear parabolic equation with a source and non-uniform density] // *Zhurnal vychislitel'noy matematiki i matematicheskoy fiziki.* 2007. T. 47, № 2. С. 245–255. ISSN 044-4669.

9. Martynenko A. V., Tedeev A. F. O povedenii resheniy zadachi Koshi dlya vyrozhdayushchegosya parabolicheskogo uravneniya s neodnorodnoy plotnostyu i istochnikom [Behavior of solutions of the Cauchy problem for degenerate parabolic equation with non-uniform density and a source] // Zhurnal vychislitel'noy matematiki i matematicheskoy fiziki. 2008. T. 48, № 7. С. 1214–1229. ISSN 044-4669.
10. Tedeev A. F. Usloviya sushchestvovaniya i nesushchestvovaniya v tselom po vremeni kompaktnogo nositelya resheniy zadachi Koshi dlya kvazilineynykh vyrozhdayushchikhsya parabolicheskikh uravneniy [General conditions for existence and nonexistence in time of a compact bearer of solutions of the Cauchy problem for quasilinear degenerate parabolic equations] // Sibirskiy matematicheskiy zhurnal. 2004. T. 45, № 1. p. 189–200. ISSN 0037-4474.
11. Levine H. A., Meier P. The value of the critical exponent for reaction–diffusion equations in cones // Arch. Rational Mech. Anal. 1989. V. 109. P. 73–80.
12. Qi Y.-W. The critical exponents of parabolic equations and blow–up in R^n // Proc. Roy. Soc. of Edinburg. 1998. V. 128A. P. 123–136.
13. DiBenedetto E. Degenerate parabolic equations // Springer–Verlag New York. 1993. 387 p.

Статья сдана в редакцию 15 декабря 2014 года

УДК 537.622.6: (537.611.3+537.624)

А. А. Русинов, Е. А. Русинова

Феноменологический подход к описанию динамических параметров доменов спирального типа

UDC 537.622.6: (537.611.3+537.624)

A. A. Rusinov, E. A. Rusinova

Phenomenological approach to description of dynamic parameters of spiral type domains

Аннотация

В системе с хаотически движущимися элементами могут происходить процессы организации и самоорганизации. В данной работе анализируются процессы самоорганизации в системе непрерывно движущихся доменных структур. Проведен модельный расчет динамических параметров спиральных доменов и сравнение с экспериментальными данными.

Статья посвящена анализу процессов самоорганизации в системе непрерывно движущихся магнитных доменов. Предложен феноменологический подход к описанию динамических параметров спиральных доменов. Показано, что при определенном магнитном воздействии динамические параметры спиральных доменов подчиняются экспоненциальной зависимости от амплитуды ступенчатообразного магнитного поля.

Особый интерес представляют пространственно упорядоченные структуры, образующиеся в результате самоорганизации в неживых объектах. В работе выявлены и феноменологически интерпретированы некоторые закономерности самоорганизации в структуре магнитных сред.

Разрабатывается идея того, что такие динамические характеристики спиральных доменов, как «время жизни» и «время ожидания» имеют экспоненциальный характер зависимости от параметров переменного магнитного поля. Эта идея была использована для анализа экспериментальных данных, полученных на кристаллах ферритов-гранатов. В итоге были вычислены подгоночные параметры, которые наилучшим образом описывают экспериментальные зависимости динамических характеристик спиральных доменов от амплитуды и частоты возбуждающего магнитного поля.

Ключевые слова: доменные структуры; самоорганизация в доменах; спиральные домены; характеристики спиральных доменов.

Summary

In a system with randomly moving elements, organization and self-organization processes may occur. This paper analyzes self-organization process in continuously moving domain structures system. Simulation of dynamic parameters of helical domains and comparison with experimental data has been performed.

This article analyzes self-organization processes in continuously moving magnetic domain system. A phenomenological approach to description of dynamic parameters of helical domains is proposed. It is shown that at certain magnetic effect the dynamic parameters of helical domains exponentially depend on stepwise magnetic field amplitude.

Of particular interest are spatially ordered structures, formed as a result of self-organization in inanimate objects. The paper identifies and interprets from phenomenological point of view some patterns of self-organization in magnetic media structure.

An idea is developed that such dynamic characteristics of helical domains as «lifetime» and «waiting time» have exponential dependence on alternating magnetic field parameters. This idea was used to analyze the experimental data obtained on iron garnet crystals. As a result, adjusting parameters have been calculated which describe in the best way experimental dependences of dynamic characteristics of helical domains on the amplitude and frequency of exciting magnetic field.

Keywords: domain structures; self-organization in domains; helical domains; characteristics of helical domains.

Александр Александрович Русинов, канд. физ.-мат. наук, доцент; кафедра общей и молекулярной физики Уральского федерального университета; Екатеринбург, Россия. E-mail: aleksandr.rusinov.65@mail.ru.

Елена Анатольевна Русинова, ассистент; кафедра «Физика и химия» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: earusinova@mail.ru.

Aleksandr Aleksandrovich Rusinov, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; «General and Molecular Physics» Department, Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia. E-mail: aleksandr.rusinov.65@mail.ru.

Elena Anatolyevna Rusinova, Assistant Lecturer; «Physics and Chemistry» Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: earusinova@mail.ru.

Введение

В пленках ферритов-гранатов (ФГ), находящихся в переменном магнитном поле в определенном интервале частот Δf и амплитуд ΔH_0 поля, происходят процессы самоорганизации, в результате которых формируются упорядоченные устойчивые спиральные домены (СД) (рис. 1) [1–3]. Кроме геометрических параметров СД (например, таких как диаметр и число витков), спиральные структуры характеризуются еще и динамическими параметрами. Каждый динамический спиральный домен (СД) возникает из хаоса, «живет» какое-то время T_g — время жизни, потом разрушается и исчезает в хаосе; через некоторое время T_w — время ожидания на этом участке образца — появляется новый СД (или несколько новых) и процесс повторяется. Динамические параметры T_g и T_w намного больше, чем период переменного магнитного поля. В работе [4] экспериментально определены зависимости $T_g(H_0)$, $T_w(H_0)$, в [5] исследованы процессы формирования СД. Несмотря на то, что явление динамической самоорганизации в пленках ферритов-гранатов изучается довольно давно, однако теории, описывающей данное явление, нет.

В настоящей работе предлагается модельный подход, описывающий зависимость таких динамических параметров спиральных доменов, как «время жизни» и «время ожидания». Метод основывается на следствии, которое получено из уравнения Ландау – Лифшица для динамики доменной границы. Вывод заключается в том, что скорость продвижения доменной границы под действием внешнего магнитного поля, которое имеет вид ступенчатой функции, экспоненциально меняется со временем.

Динамика намагниченности основывается на фундаментальном законе механики, который утверждает, что скорость изменения момента импульса равна вращающему моменту \mathbf{T} . Моментом импульса единицы объема магнитной среды, положение которого ха-

рактеризуется радиус вектором \mathbf{r} , является механический момент электронов с учетом поправок на орбитальное движение. Он отличается от намагниченности \mathbf{J} только коэффициентом пропорциональности γ , который называется гиромагнитным отношением. Таким образом, основное уравнение движения можно записать в виде

$$\partial \mathbf{J} / \partial t = -\gamma \mathbf{T}. \quad (1)$$

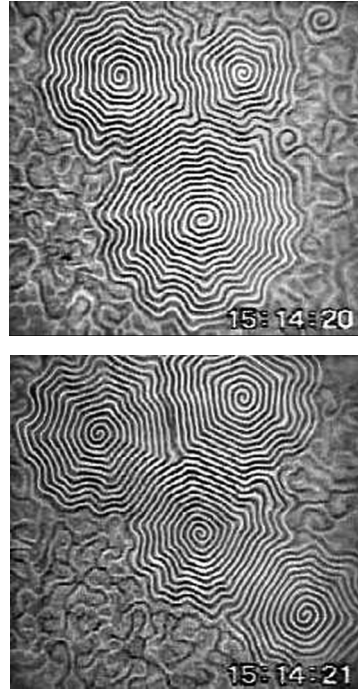

Рис. 1. Динамические упорядоченные структуры, возникающие в системах хаотически движущихся доменных границ

Можно считать, что любой вращающий момент \mathbf{T} , действующий на магнитный момент \mathbf{J} , обусловлен некоторым эффективным полем \mathbf{H}_e :

$$\mathbf{T} = \mathbf{J} \cdot \mathbf{H}_e. \quad (2)$$

Это эффективное поле полезно записать в виде суммы двух членов:

$$H_e = -\frac{\delta W}{\delta \mathbf{J}} - \left(\frac{\alpha}{\gamma \mathbf{J}} \right) \cdot \frac{\partial \mathbf{J}}{\partial t}, \quad (3)$$

где J — абсолютная величина вектора намагниченности \mathbf{J} . Первый член в силу своей природы получается функциональным дифференцированием полной статической энергии, объемная плотность которой имеет вид

$$W = A \cdot \left[\left(\frac{\partial \theta}{\partial y} \right)^2 + \left(\sin \theta \left(\frac{\partial \varphi}{\partial y} \right) \right)^2 \right] + K \cdot \sin^2 \theta;$$

локальная обменная энергия и плотность энергии анизотропии выражены в полярных координатах θ , φ . Второй член представляет собой одно из приближенных феноменологических выражений, описывающих диссипативные эффекты. Безразмерный параметр Гильберта или параметр вязкого затухания α характеризует скорость изменения намагниченности \mathbf{J} . При объединении формул (1)–(3) получается уравнение Ландау – Лифшица:

$$\frac{\partial \mathbf{J}}{\partial t} = \frac{\gamma \mathbf{J}' \delta W}{\delta \mathbf{J}} + \left[\left(\frac{\alpha}{J} \right) \cdot \frac{\partial \mathbf{J}}{\partial t} \right] \cdot \mathbf{J}. \quad (4)$$

Члены $\partial \mathbf{J} / \partial t$ в левой части уравнения и $\left[\left(\frac{\alpha}{J} \right) \cdot \frac{\partial \mathbf{J}}{\partial t} \right] \cdot \mathbf{J}$ в правой можно считать «динамическими», поскольку они содержат производную от намагниченности \mathbf{J} по времени. Наоборот, член

$\gamma \mathbf{J} \cdot \frac{\delta W}{\delta \mathbf{J}}$, по существу, статический,

и если он равен нулю, то условие $\frac{\delta J}{\delta t} = 0$

является решением уравнения (4), и при этом нет никакого движения или «прецессии» спинов. Статический вращающий момент отличен от нуля всегда, когда эффективное поле \mathbf{H}_e имеет компоненту, нормальную к направлению спина. Магнитный момент прецессирует по конусу вокруг направления поля, причем угол θ остается постоянным. Такая прецессия называется ларморовской. Из уравнения (4) следует, что прецессия происходит с угловой частотой

$\omega = \gamma H_e$. Учет члена вязкого затухания в уравнении (4) приводит к тому, что прецессирующий магнитный момент теряет свою энергию, и его ориентация приближается к статически равновесной: вдоль поля H_e .

Применим теперь уравнение Ландау – Лифшица к одномерной структуре доменной стенки, причем ограничимся областью больших значений фактора качества Q . Будем характеризовать направление намагниченности \mathbf{J} полярными координатами θ , φ . Уравнение Ландау – Лифшица предсказывает, что статические силы или враща-

ющие моменты $\frac{\delta W}{\delta \theta}$ и $\frac{\delta W}{\delta \varphi}$ должны урав-

новешиваться динамическими силами реакции, возникающими в результате прецессии спинов и вязкого затухания. Проинтегрируем эти силы по толщине доменной стенки, что позволит упростить задачу, т. е. вместо величин θ , φ , непрерывно меняющихся по толщине доменной стенки, для описания ее динамики будем использовать только два параметра: координату q нормального смещения стенки и угол ψ , характеризующий направление векторов намагниченности стенки. В пределе больших значений Q задача о движении доменной стенки сводится к системе двух дифференциальных уравнений первого порядка для двух зависящих от времени переменных — y и ψ . В этих уравнениях движения стенки роль координаты играет смещение y стенки, а величина ψ пропорциональна импульсу стенки. Многие характеристики движения стенки аналогичны величинам, описывающим свойства движущегося тела, включая существование кинетической энергии и, следовательно, эффективной массы m . Рассматривая случай стационарного движения, когда

$T_w = T_w^0 \cdot \exp(C \cdot H_0 - D \cdot f)$ и $\frac{\partial y}{\partial t} = v$, получаем важный результат:

$$v = \alpha^{-1} \gamma \Delta_0 H = \mu H, \quad (5)$$

где Δ_0 — ширина доменной стенки; μ — подвижность стенки. Для стационарного движения скорость обратно пропорциональна параметру затухания α . Формула линейной подвижности для скорости стенки $\mu = \frac{\gamma \Delta_0}{\alpha}$ также справедлива при $\frac{\partial \psi}{\partial t} = 0$.

Рассмотрим теперь, что произойдет, если к покоящейся стенке приложить продвигающее поле, имеющее вид ступенчатой функции. В этом случае уравнение движения доменной стенки будет иметь вид

$$\begin{aligned} m \cdot \frac{\partial^2 y}{\partial t^2} + b \cdot \frac{\partial y}{\partial t} + k \cdot y = \\ = 2 \cdot J \cdot \left(H_a - H_c \cdot \operatorname{sgn} \left(\frac{\partial y}{\partial t} \right) \right), \end{aligned} \quad (6)$$

где $b = \frac{2eJ}{\mu}$; $\mu = \frac{\gamma \Delta_0}{\alpha}$;

$$m = \left(\frac{2J}{\gamma} \right)^2 (1 + \alpha^2) \left(\frac{\partial^2 \sigma}{\partial \psi^2} \right)^{-1}.$$

Это есть не что иное, как уравнение осциллятора. Если $k = 0$, а внешнее поле H имеет вид ступенчатой функции, то скорость приближается к своему равновесному значению $v = 2 \cdot J \cdot (H_a - H_c) b^{-1}$ по экспоненциальному закону со временем релаксации $\tau = m/b$.

Экспоненциальная аппроксимация результатов измерений

На основании экспериментов, проведенных в [4–6], выявлены закономерности в поведении динамических параметров спиральных доменов от частоты и амплитуды переменного поля. Например, на рис. 2, а представлена зависимость T_g — времени жизни СД от амплитуды H_0 переменного поля для трех значений частоты f . Видно, что T_g при повышении H_0 , для всех трех частот растет, увеличиваясь в несколько раз (от десятых долей секунды до секунды

и более). На рис. 2, б показана зависимость времени T_w — времени ожидания от H_0 для тех же частот. В интервале $H_0 = 38–43$ Э время T_w очень мало, а при дальнейшем увеличении H_0 резко растет. Причины такого поведения динамических параметров рассматривались в работе [7]. Этот результат заслуживает особого внимания, поскольку предполагается, что при приближении к верхней границе области АС время T_w стремится к бесконечности экспоненциально.

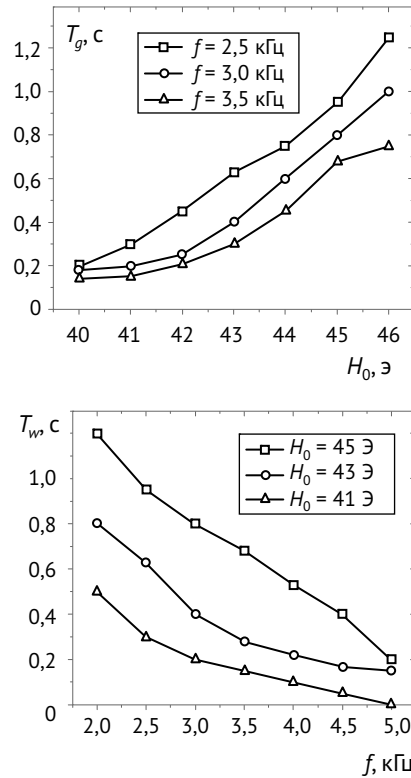

Рис. 2. Зависимости времени жизни T_g и времени ожидания T_w спиральных динамических доменных структур от амплитуды H_0 переменного поля и от частоты f

Используя данное предположение и тот факт, что динамические параметры T_g и T_w тесно связаны со скоростями движения доменных границ, мы обработали данные экспериментальные зависимости экспоненциальными функциями в виде

$$T_g = T_g^0 \cdot \exp(A \cdot H_0 - B \cdot f), \quad (7)$$

$$T_w = T_w^0 \cdot \exp(C \cdot H_0 - D \cdot f), \quad (8)$$

где T_g^0 и T_w^0 — время жизни СД и время ожидания при нулевых значениях амплитуды поля и частоты. С помощью регрессионного анализа нами были вычислены для каждой экспоненциальной кривой коэффициенты A , B , C и D , которые наилучшим образом описывают экспериментальные данные.

Результат проведенного анализа показывает, что экспоненциальная функция довольно хорошо описывает результаты эксперимента. На рис. 3 представлен пример сопоставления времени жизни, рассчитанного по предложенной модели $T_g^{\text{расч}}$ и фактического $T_g^{\text{факт}}$, взятого из эксперимента. Видно, что экспериментальные точки хорошо укладываются на теоретическую линию.

При сравнении экспериментальных данных с данными проведенных расчетов видно, что они находятся в хорошем

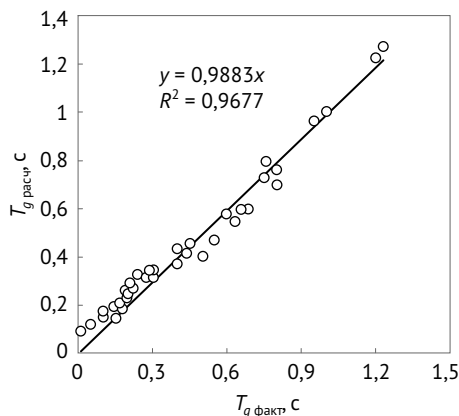

Рис. 3. Сравнение экспериментальных данных для времени жизни спиральных доменов с полученными в результате модельного расчета

согласии. Это позволяет сделать вывод, что для построения теории, описывающей процессы возникновения и дальнейшей эволюции динамических спиральных доменов, можно использовать предложенную модель. ■

Литература

1. Кандаурова Г. С. Процессы самоорганизации в многодоменных магнитных средах и формирование устойчивых динамических структур / Г. С. Кандаурова, А. Э. Свидерский // ЖЭТФ. 1990. Т. 97. — Вып. 4. — С. 12–1229.
2. Кандаурова Г. С. Фазовые диаграммы динамических систем магнитных доменов / Г. С. Кандаурова, А. А. Русинов // ДАН. 1995. Т. 340. — № 5. — С. 610–613.
3. Кандаурова Г. С. Эволюция спиральных динамических магнитных доменов в ангерном состоянии пленок ферритов-гранатов / Г. С. Кандаурова, В. Х. Осадченко, А. А. Русинов, Е. А. Русинова // Письма в ЖЭТФ. 1996. Т. 63. — Вып. 6. — С. 453–456.
4. Кандаурова Г. С. Трехмерные диаграммы существования индуцированных ангерных состояний многодоменной магнитной среды / Г. С. Кандаурова, А. А. Русинов // ФТТ. 1998. Т. 40. — Вып. 10. — С. 1865–1870.
5. Кандаурова Г. С. Формирование и разрушение динамических спиральных доменов в ангерном состоянии пленки феррита-граната / Г. С. Кандаурова, А. А. Русинов, В. Х. Осадченко // ДАН. 2003. Т. 392. — № 5. — С. 618–622. ISSN 0869-5652.
6. Кандаурова Г. С. Свойства и эволюция динамических спиральных доменов в ангерном состоянии высокоанизотропной пленки феррита-граната / Г. С. Кандаурова, В. Х. Осадченко // ФММ. 2004. Т. 97. — № 2. — С. 38–54.
7. Русинов А. А. Моделирование условий, благоприятных для образования упорядоченных динамических спиральных доменов в пленках ферритов-гранатов / А. А. Русинов, Е. А. Русинова // Вестник УрГУПС. 2014. № 2 (22). — С. 19–27. ISSN 2079-0392.

References

1. Kandaurova G. S. Protsessy samoorganizatsii v mnogodomennykh magnitnykh sredakh i formirovanie ustoychivyykh dinamicheskikh struktur [Self-organization processes in multidomain magnetic media and formation of stable dynamic structures] / G. S. Kandaurova, A. E. Sviderskiy // ZhETF. 1990. T. 97. — Issue 4. — S. 12–1229.

2. Kandaurova G.S. Fazovye diagrammy dinamicheskikh sistem magnitnykh domenov [Phase diagrams of dynamical systems of magnetic domains] / G.S. Kandaurova, A.A. Rusinov // DAN. 1995. T. 340. № 5. — S. 610–613.
3. Kandaurova G.S. Evolyutsiya spiralnykh dinamicheskikh magnitnykh domenov v angernom sostoyanii plynok ferritov-granatov [Evolution of dynamic magnetic domains in Anger state of iron garnet films] / G.S. Kandaurova, V. Kh. Osadchenko, A.A. Rusinov, E.A. Rusinova // Pisma v ZhETF. 1996. T. 63. — Issue 6. — S. 453–456.
4. Kandaurova G.S. Tryokhmernye diagrammy sushchestvovaniya indutsirovannykh angernykh sostoyaniy mnogodomennoy magnitnoy sredy [Three-dimensional diagram of existence of induced Anger states of multidomain magnetic medium] / G.S. Kandaurova, A.A. Rusinov // FTT. 1998. T.40. — Issue 10. — P. 1865-1870.
5. Kandaurova G.S. Formirovanie i razrushenie dinamicheskikh spiralnykh domenov v angernom sostoyanii plynki ferrita-granata [Formation and destruction of dynamic helical domains in Anger state of iron garnet films] / G.S. Kandaurova, A.A. Rusinov, V. Kh. Osadchenko // DAN. 2003. T. 392. — № 5. — S. 618–622. ISSN 0869-5652.
6. Kandaurova G.S. Svoystva i evolyutsiya dinamicheskikh spiralnykh domenov v angernom sostoyanii vysokoanizotropnoy plynki ferrita-granata. [Properties and evolution of dynamic spiral domains in Anger state of high anisotropic iron-garnet film.] / G.S. Kandaurova, V. Kh. Osadchenko // FMM. 2004. T. 97. — № 2. — P. 38–54.
7. Rusinov A.A. Modelirovanie usloviy, blagopriyatnykh dlya obrazovaniya uporyadochennykh dinamicheskikh spiralnykh domenov v plynkakh ferritov-granatov [Simulation of environment conducive to the formation of ordered dynamic helical domains in iron-garnet films] / A.A. Rusinov, E.A. Rusinova // Herald of USURT. 2014. № 2 (22). — P. 19–27. ISSN 2079-0392.

Статья сдана в редакцию 15 декабря 2014 года

Управление в технических системах

УДК 656.253.6

М. А. Оськина

Контроль «холодного» состояния светодиодного светофора

UDC 656.253.6

M. A. Oskina

Monitoring «cold» state of LED traffic lights

Аннотация

В настоящее время на сети железных дорог происходит широкое внедрение светодиодных светофоров, которые обладают рядом преимуществ перед светофорами с лампами накаливания, к которым в первую очередь относится высокая надежность работы и большая энергоэффективность. Однако светодиодные светофоры обладают специфическими свойствами, наличие которых не позволяет считать светодиодный светофор функционально полным аналогом ламповых по ряду характеристик. Это препятствует непосредственной замене ламповых светофоров на светодиодные в унифицированных системах автоматики и телемеханики. Статья посвящена вопросам разработки и анализа систем контроля целостности светодиодов в обесточенном («холодном») состоянии. Применение подобных систем в устройствах управления светофорами является обязательным с точки зрения безопасности движения и обеспечения требуемой пропускной способности станций и перегонов. Рассмотрены два варианта схем контроля, выполнен анализ их функционирования и определены условия их работоспособности.

Ключевые слова: светодиод; светодиодная матрица (СДМ); «холодное» состояние светодиодов; МОП-транзисторы; сигнальное реле; датчик тока; вольтамперная характеристика светодиода (ВАХ); безопасный динамический элемент; генератор переменного напряжения; лампа накаливания.

Summary

Currently, widespread introduction of LED traffic lights is occurring in railway industry. LED traffic lights have a number of advantages over traffic lights with incandescent bulbs, first of all high reliability and greater efficiency. However, LED traffic lights have specific properties, which do not allow to consider LED traffic lights as functionally complete analogues to conventional traffic lights for a number of characteristics. This prevents immediate replacement of conventional traffic lights to LEDs in unified automation and telemechanics system. The paper is dedicated to the development and analysis of LEDs integrity control systems in de-energized («cold») state. The use of such systems in traffic lights control devices is mandatory in terms of traffic safety and maintaining the required capacity of stations and hauls. Two control options are considered, their operation analyzed and working conditions determined.

Keywords: LED; LED matrix; LED «cold» state; MOS transistors; signal relay; current sensor; LED current-voltage characteristic (CVC); secure dynamic element; variable-voltage generator; incandescent lamp.

Мария Александровна Оськина, ассистент; кафедра «Электрические машины» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: kivokurtseva19@mail.ru.

Mariya Aleksandrovna Oskina, Assistant Lecturer; «Electric Machinery» Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: kivokurtseva19@mail.ru.

Широкое внедрение светодиодных светофоров на сети железных дорог позволило существенно повысить надежность и долговечность их функционирования, а также уменьшить энергопотребление. На этапах их разработки и эксплуатации решен ряд специфических вопросов, связанных с использованием в светофорах светодиодных матриц (СДМ) вместо ламп накаливания. Однако нельзя говорить о полном решении всех проблем, которые до сих пор затрудняют более широкое внедрение светодиодных светофоров. К одному из них относится контроль целостности светодиодов матрицы в «холодном» состоянии, когда то или иное показание светофора не излучает. Существующие схемы контроля «холодного» состояния не обладают достаточной достоверностью контроля. Применение некоторых из них могут вызвать эффект подсветки ненадлежащего показания светофора, что может ухудшить условия безопасности движения поездов.

Основной причиной трудности реализации схем контроля «холодного» состояния светодиодного светофора является существенно нелинейная вольт-амперная характеристика (ВАХ) светодиодов. Существующие схемы контроля «холодного» состояния ламп накаливания реализуются путем снижения величины тока, протекающего через лампу, и его последующего измерения путем применения огневого реле. Различие ВАХ лампы накаливания и светодиода может быть проиллюстрировано графиками на рис. 1, а, б.

Через лампу накаливания даже при подключении к ней малых величин напряжения $U_{\text{лн}}$ протекает ток $I_{\text{лн}}$ (рис. 1, а). Если в нормальном режиме излучения светофора через лампу накаливания протекает ток $I_{\text{изл}}^{\text{лн}}$, то контрольному току $I_{\text{ор}}^{\text{лн}}$, то есть току, протекающему через огневого реле, будет соответствовать гарантированное отсутствие видимого излучения лампы.

Для светодиода (рис. 1, б) имеем, что до достижения напряжения $U_{\text{пор}}^{\text{св}}$ ток через светодиод практически: $I_{\text{св}} = 0$. Любые, даже незначительные увеличения напряжения $U_{\text{св}}$ свыше величины $U_{\text{пор}}^{\text{св}}$ приводят к появлению тока $I_{\text{св}}$, величина которого принципиально не может быть однозначно определена или измерена по следующим причинам. Первая из них заключается в существенной нестабильности параметров ВАХ светодиодов из-за их технологических разбросов и температурных изменений напряжения на p - n переходах светодиодов. Вторая причина заключается в том, что даже для малых величин тока $I_{\text{св}}$ отсутствует гарантия отсутствия излучения светодиодов, что подтверждается экспериментально.

Это определяет невозможность осуществления контроля «холодного» состояния светофора при помощи известных и общепринятых методов определения тока через светодиоды в «холодном» состоянии при помощи огневого реле.

Следовательно, контроль «холодного» состояния СДМ светофора должен выполняться тогда, когда отсутствует ток через светодиод при прямом

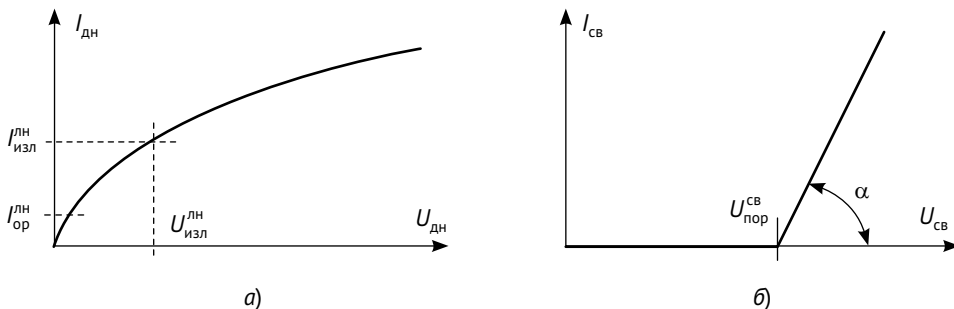

Рис. 1. ВАХ лампы накаливания (а) и светодиода (б)

смещении его p - n перехода. Это соответствует участку напряжений от величины $U_{св} = 0$ до $U_{св} = U_{пор}^{св}$ (рис. 1, б).

Первый вариант решения этой задачи, где используются емкостные свойства светодиодов, приведен на схеме рис. 2.

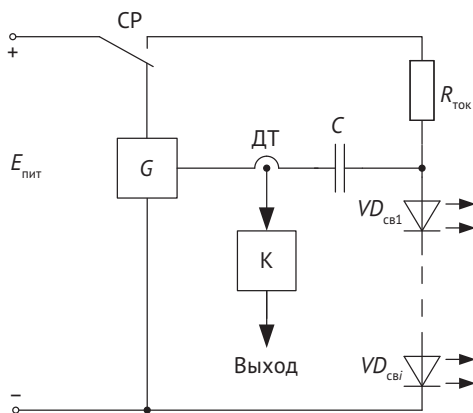

Рис. 2. Схема емкостного контроля «холодного» состояния СДМ

При включенном состоянии сигнального реле СР генератор переменного напряжения G выключен и светодиоды $VD_{св1}, \dots, VD_{свi}$ излучают. После выключения реле СР светодиоды перестают излучать и на них подается переменное напряжение от генератора G . Так как p - n переходы светодиодов обладают емкостью, то через них начинает протекать переменный ток, величина которого фиксируется датчиком тока ДТ.

Аналитически закон изменения емкости p - n перехода в зависимости от прикладываемого к нему напряжения выражается довольно сложными уравнениями. Поэтому является целесообразным рассмотрение процессов функционирования схемы рис. 2 с качественных позиций.

Типичный график изменения величины емкости p - n перехода светодиода в зависимости от приложенного к нему напряжения различной полярности приведен на рис. 3 [1].

График показывает, что емкость $C_{св}$ p - n перехода существует как при прямом, так и при обратном его смещении.

Это определяет потенциальную возможность подачи на него разнополярного напряжения, что и применяется в схеме (рис. 2). При этом процессы взаимодействия ВАХ СДМ с переменным напряжением генератора G показаны на графических зависимостях (рис. 4).

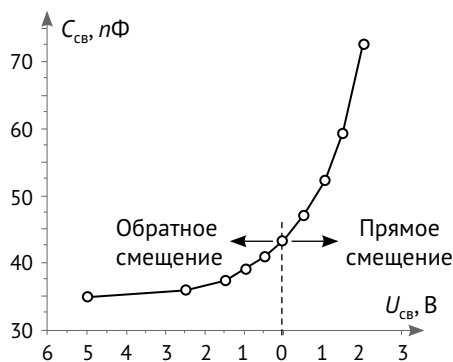

Рис. 3. Емкостные характеристики p - n перехода светодиода

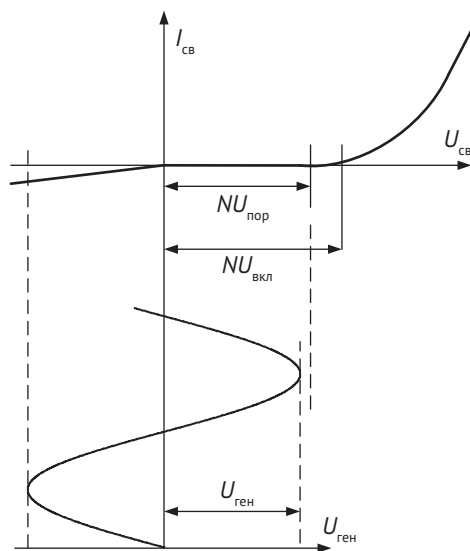

Рис. 4. Иллюстрация взаимодействия ВАХ СДМ с напряжением генератора G схемы рис. 2

Условиями работоспособности рассматриваемой схемы являются:

$$NU_{пор} \leq U_{ген} \quad (1)$$

$$NU_{пор} < NU_{вкл} \quad (2)$$

где N — количество последовательно включенных светодиодов в СДМ; $U_{\text{пор}}$ — пороговое напряжение, при котором гарантированно отсутствует излучение светодиода; $U_{\text{ген}}$ — амплитуда переменного напряжения генератора G ; $U_{\text{вкл}}$ — напряжение соответствующее точке начала излучения светодиода.

Ток, протекающий через емкостное сопротивление светодиода $X_C = \frac{1}{\omega C_{CB}}$,

фиксируется датчиком тока ДТ, в качестве которого может использоваться как индуктивный трансформатор, так и активный резистор. Выходное напряжение переменное напряжение ДТ преобразуется в соответствующий аналоговый или импульсный сигнал. Применение импульсного сигнала предпочтительнее, так как в этом случае может быть обеспечена гарантированная и безопасная передача сигнала контроля путем использования безопасного динамического элемента [3].

Схема второго варианта устройства контроля, в котором светодиод используется как источник напряжения температурного потенциала, приведена на рис. 5.

Устройство работает следующим образом. При включенном сигнальном реле СР генератор G отключен от СДМ, состоящей из последовательного соединения светодиодов $VD_{св1}, VD_{св2}, \dots, VD_{сви}$. На вход безопасного динамического элемента [3], упомянутого выше, поступает

высокий уровень постоянного напряжения. Так как при этом этот элемент, предназначенный для передачи импульсных сигналов, не работает, то контрольное реле КР находится в выключенном состоянии. После выключения реле СР транзисторный ключ VT1 начинает работать в импульсном режиме шунтируя температурный потенциал, существующий на суммарном включении светодиодов СДМ. Импульсное напряжение поступает на вход безопасного динамического элемента. Это обусловит включение контрольного реле КР, контакты которого передают соответствующий сигнал об исправности СДМ. В случае появления обрыва в цепи последовательно включенных светодиодов суммарное напряжение на них будет отсутствовать, что вызовет отключение реле КР и передачу соответствующего сигнала контроля.

Признаком работоспособности p - n перехода является наличие на нем температурного потенциала, равного [4]:

$$\varphi_T = \frac{T}{11600}, \quad (3)$$

где T — температура p - n перехода, К.

Например, для комнатной температуры перехода $T \leftrightarrow 300$ К будем иметь: $\varphi_T(300 \text{ К}) \leftrightarrow 0,025$ В. Кроме того, если существует даже небольшая подсветка отключенной СДМ, то на ней появляется фото-ЭДС, напряжение которой существенно больше, чем потенциал φ_T .

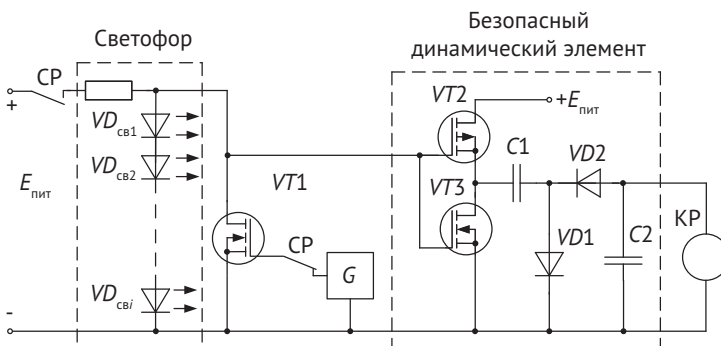

Рис. 5. Схема контроля «холодного» состояния СДМ с использованием температурного потенциала светодиода

Очевидно, что если количество светодиодов в светодиодной матрице 1 будет равно $N = 100$ шт., то суммарная величина потенциала: $\varphi_{\Sigma} \leftrightarrow 2,5$ В. Это позволяет с достаточной степенью точности зафиксировать ее известными техническими средствами, например, посредством МОП транзистора с соответствующими величинами порогового напряжения затвор-исток. Применение в схеме МОП транзисторов, входное сопротивление которых составляет десятки-сотни мегаом, исключает шунтирование маломощного напряжения температурного потенциала светодиодов.

В применяемых на сети железных дорог светодиодных светофорах отсутствует столь большое количество светодиодов в СДМ. Однако применение принципиально новых резервированных светодиодных светофоров [5] обуславливает возможность и целесообразность реализации светофоров с последовательным включением столь большого количества светодиодов.

Рассмотренные два варианта схем контроля «холодного» светодиодного светофора определяют их работоспособность и показывают, что они обеспечивают надежный и безопасный контроль функционирования СДМ. ■

Литература

1. Внутренняя емкость p-n перехода светодиода. URL: <http://www.rlocman.ru/shem/schematics.html?di=112354> (дата обращения: 01.02.2015).
2. Емкости p-n перехода светодиода. URL: <http://principact.ru/content/view/145/108/1/6/> (дата обращения: 01.02.2015).
3. Безопасность железнодорожной автоматики и телемеханики. Методы и принципы обеспечения безопасности микроэлектронных СЖАТ. РТМ 32 ЦШ 1115842.01-94. — СПб : ПГУПС, 1994. — С. 220.
4. Степаненко И. П. Основы теории транзисторов и транзисторных схем. М. : Энергия, 1977. 672 с.
5. Сергеев Б. С., Оськина М. А. Анализ работы светодиодного резервированного светофора // Вестник УрГУПС. 2014. № 4 (24). С. 4–11. ISSN 2079-0392.

References

1. Vnutrennyaya emkost p-n perekhoda svetodioda. [Internal capacitance of p-n junction of diode.] URL: <http://www.rlocman.ru/shem/schematics.html?di=112354> (date accessed: 01.02.2015).
2. Emkosti p-n perekhoda svetodioda. [Capacities of p-n junctions of diodes.] URL: <http://principact.ru/content/view/145/108/1/6/> (date accessed: 01.02.2015).
3. Bezopasnost zheleznodorozhnoy avtomatiki i telemekhaniki. Metody i printsipy obespecheniya bezopasnosti mikroelektronnykh SZhAT. [Safety of railway automation and telemechanics. Methods and principles of security of microelectronic RATS.] RTM 32 TsSh 1115842.01-94. — SPb : PGUPS, 1994. — P. 220.
4. Stepanenko I. P. Osnovy teorii tranzistorov i tranzistornykh skhem. [Fundamentals of the theory of transistors and transistor circuits.] M. : Energiya, 1977. 672 s.
5. Sergeev B. S., Oskina M. A. Analiz raboty svetodiodnogo rezervirovannogo svetofora [Analysis of operation of redundant LED traffic lights] // Herald of USURT. 2014. № 4 (24). P. 4–11. ISSN 2079-0392.

Статья сдана в редакцию 13 февраля 2015 года

Организация и логистика

УДК 658.014

В. А. Антропов, И. Д. Громов

Организационные показатели взаимодействия хозяйствующих субъектов промышленности в сети с разделенными интересами

UDC 658.014

V. A. Antropov, I. D. Gromov

Organizational indicators of interaction between industrial entities in a network with distributed interests

Аннотация

Статья посвящена оценке состояния организационных сетей с интегратором крупной «зонтичной» компанией. В качестве основных организационных показателей, описывающих сеть, авторы предлагают использовать показатели прочности и устойчивости.

В настоящей статье под прочностью сети принято понимать ее способность сохранять существующие цепочки взаимодействия в условиях динамично изменяющихся взаимоотношений между субъектами. Приняты следующие оценочные показатели: стремление интегратора взаимодействовать с субъектом сети; желание субъекта взаимодействовать с сетью; желание субъекта оказывать услуги на рынке.

Под устойчивостью сети, сформированной вокруг крупной компании, принято понимать способность интегратора обеспечивать стабильное выполнение собственных производственных задач в условиях возможных сбоев в работе его поставщиков (субъектов сети). Таким образом, данный показатель по сути является вероятностью безотказной работы интегратора. Такая вероятность складывается под влиянием как внутренних (технико-экономический уровень развития интегратора), так и внешних факторов (устойчивость субъектов). Собственная устойчивость субъекта сети характеризует вероятность его безотказной работы при условии, что поставщики взаимодействуют с ним строго по договору.

Предложенный подход оценке состояния организационных сетей имеет практическую значимость, так как позволяет для любой организационной сети с учетом ее специфики, подобрать необходимое количество надежных поставщиков по каждому типу продукции, которые обеспечат необходимый уровень устойчивости рассматриваемой сети.

Ключевые слова: организационные сети; «зонтичная» компания; субъекты сети; устойчивость сети; прочность сети.

Summary

The paper is dedicated to assessing the state of organizational network with integrator, being a large umbrella company. The authors suggest to use strength and stability as the main organizational indicators characterizing the network.

In this article, the strength of the network is understood as its ability to retain existing interaction chains in the context of dynamically changing relationships between entities. The following estimates are assumed: integrator's willingness to interact with network entities; entity's willingness to interact with the network; entity's willingness to provide services in the market.

The stability of network formed around a large company is understood as the ability of the integrator to ensure stable performance of its own production tasks in the context of possible failures of its suppliers (network entities). Thus, this figure is in fact a probability of failure-free operation of the integrator. This probability is influenced both by internal (technical and economic level of the integrator) and external (stability of entities) factors. Inherent stability of network entity characterizes the probability of its failure-free operation, provided that suppliers cooperate with it strictly according to contract.

The proposed approach for assessment of condition of organizational networks has practical significance, since it allows for any organizational network to pick up the required number of reliable suppliers according to its nature, for each type of product, to ensure the necessary level of stability of the network under review.

Keywords: organizational networks; umbrella company; network entities; network stability; network strength.

Владимир Алексеевич Антропов, д-р экон. наук, профессор; кафедра «Управление в социальных и экономических системах» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: antrvl@list.ru.

Игорь Дмитриевич Громов – аспирант; кафедра «Путь и железнодорожное строительство» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: idgromov@gmail.com.

Vladimir Alekseevich Antropov, DSc in Economics, Professor; «Management in Social and Economic Systems» Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: antrvl@list.ru.

Igor Dmitrievich Gromov, graduate student; «Railway Construction and Railway Track» Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: idgromov@gmail.com.

Поиск путей повышения стабильности и эффективности работы организационных сетей крупных интегрированных компаний в промышленности выявил необходимость мониторинга не только результатов их производственно-хозяйственной деятельности, но и приобретающей все больший вес группы организационных показателей.

Об актуальности организационных показателей говорят результаты проведенного на западе исследования причин банкротства крупных компаний. Данные свидетельствуют, что большинство обанкротившихся (признанных несостоятельными) компаний были рентабельными (62%), а причинами банкротства в той или иной степени послужили просчеты при формировании и настройке организационной сети [1]. Очевидно, что существующие методики анализа производственно-хозяйственной деятельности не в состоянии оценить все аспекты сетевого взаимодействия. Для формирования объективной оценки состояния организационных сетей используемые методики необходимо дополнить методикой определения ряда организационных показателей.

В качестве основных организационных показателей, описывающих сеть, авторы предлагают использовать показатели прочности и устойчивости. Общие подходы к их определению рассмотрим на примере сетей, сформированных во круг крупных компаний.

Существуют различные определения прочности организационной сети. Так, например, под прочностью сети понимается некоторая геометрическая (топологическая) характеристика, оценивающая устойчивость сети к потере связности при случайном внешнем разрушающем воздействии [2].

В настоящей статье под прочностью сети будем понимать ее способность сохранять существующие цепочки взаимодействия в условиях динамично изменяющихся взаимоотношений между субъектами.

Для формализации взаимоотношений между субъектами воспользуемся

подходом, изложенным в работах [3–5], и представим взаимодействия интегратора и субъекта, как действие сил притяжения-отталкивания (рис. 1).

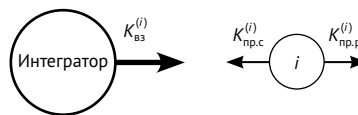

Рис. 1. $K_{вз}^{(i)}$ — показатель, оценивающий стремление интегратора взаимодействовать с i -м субъектом сети; $K_{пр.с}^{(i)}$ — показатель, оценивающий желание i -го субъекта взаимодействовать с сетью; $K_{пр.р}^{(i)}$ — показатель, оценивающий желание i -го субъекта оказывать услуги на рынке

Введенные показатели зависят от ряда факторов (таблица 1).

При исследовании конкретной организационной сети перечень факторов необходимо уточнять в зависимости от задач исследования и специфики организации производственной деятельности в сети.

Перейдем к формализации показателя прочности. Предположим, что все субъекты организационной сети ведут себя рационально и обоснованно, тогда вывод о целесообразности сохранения цепочек взаимодействия формируется на основании полученных соотношений показателей $K_{вз}^{(i)}, K_{пр.с}^{(i)}, K_{пр.р}^{(i)}$. В общем виде прочность цепочки взаимодействия между интегратором и субъектом определяется по формуле

$$S_i = \beta \cdot K_{вз}^{(i)} + (1 - \beta)(K_{пр.с}^{(i)} - K_{пр.р}^{(i)}),$$

где β — весовой коэффициент, подчеркивающий первостепенную роль интегратора сети в обеспечении прочности взаимодействия, $0 < \beta < 1$.

Приведенная формула справедлива для оценки прочности взаимодействия с субъектами, имеющими возможность покинуть организационную сеть, — взаимодействующими с интегратором на договорной основе. Субъекты, взаимодействие с которыми построено на имущественной основе, такой

Таблица 1

Показатель	Фактор	Формула	Переменные
$K_{вз}^{(i)}$	Экономическая эффективность работы субъекта	$a \frac{R_i^2}{(R_{пр}^{(i)})^2} + b \frac{R_i}{R_{пр}^{(i)}} + c$	R_i — рентабельность i -го субъекта; $R_{пр}^{(i)}$ — приемлемая с точки зрения сети рентабельность i -го субъекта; a, b, c — постоянные в уравнении параболы
	Качество поставляемой продукции	$\frac{P_{бр}^{(i)}}{100}$	$P_{бр}^{(i)}$ — средний процент брака по продукции, поставленной за некоторый период
	Неофициальные взаимоотношения между руководителями	$K_{неоф}^{(i)} = \begin{cases} 1 \\ 0,5 \\ 0 \end{cases}$	1 — если руководители родственники; 0,5 — если друзья; 0 — отсутствие неофициальных взаимоотношений
	Потребность субъекта в инвестициях	$\frac{\Pi_{эк}^{(i)}}{B_{эк}^{(i)}}$	$\Pi_{эк}^{(i)}$ — экономические потребности субъекта, необходимые для поддержания устойчивой и эффективной производственной деятельности; $B_{эк}^{(i)}$ — экономические возможности сети в отношении этого субъекта
Итоговая формула		$K_{вз}^{(i)} = \alpha_1 \left(a \frac{R_i^2}{(R_{пр}^{(i)})^2} + b \frac{R_i}{R_{пр}^{(i)}} + c \right) + \alpha_2 K_{неоф}^{(i)} - \alpha_3 \left(\frac{\Pi_{эк}^{(i)}}{B_{эк}^{(i)}} + \frac{P_{бр}^{(i)}}{100} \right)$	
$K_{пр.с}^{(i)}$	Реализация собственных экономических интересов	$\frac{R_i}{R_{ж}^{(i)}}$	$R_{ж}^{(i)}$ — желаемая рентабельность субъекта при работе в сети
	Необходимость сетевой поддержки	$\frac{\sum_{t=1}^T I_i^{(t)}}{\Pi_{эк}^{(i)}}$	I_i — инвестиции интегратора в i -й субъект.
	Неофициальные взаимоотношения между руководителями	$K_{неоф}^{(i)} = \begin{cases} 1 \\ 0,5 \\ 0 \end{cases}$	1 — если руководители родственники; 0,5 — если друзья; 0 — отсутствие неофициальных взаимоотношений
Итоговая формула		$K_{пр.с}^{(i)} = \alpha_1 \frac{R_i}{R_{ж}^{(i)}} + \alpha_2 \frac{\sum_{t=1}^T I_i^{(t)}}{\Pi_{эк}^{(i)}} + \alpha_3 K_{неоф}^{(i)}$	
$K_{пр.р}^{(i)}$	Возможность реализации собственных экономических интересов	$\frac{R_p^{(i)}}{R_{ж}^{(i)}}$	$R_p^{(i)}$ — рентабельность i -го субъекта при работе на рынке
	Уровень конкуренции в данной отрасли	$\frac{HNI_i}{5000} - 1$	HNI_i — индекс Герфиндаля – Гиршмана [6] для отрасли, в которой работает i -й субъект
Итоговая формула		$K_{пр.р}^{(i)} = \frac{R_p^{(i)}}{R_{ж}^{(i)}} + \frac{HNI_i}{5000} - 1$	

возможности лишены и поэтому прочность такой цепочки напрямую зависит лишь от стремления интегратора взаимодействовать с этим субъектом, то есть $S_i = K_{вз}^{(i)}$.

Итоговый показатель прочности сети определим как среднее арифметическое взвешенное набора прочностей цепочек S_i

$$K_{пр} = \frac{\sum_{i=1}^N \frac{S_i}{R_{пр}^{(i)}}}{\sum_{x=1}^{N_{пр}} \frac{1}{R_{пр}^{(x)}}},$$

где $R_{пр}^{(i)}$ — ранг продукции, поставляемой интегратору i -м субъектом; N — количество субъектов в сети; $N_{пр}$ — количество видов продукции, поставляемых интегратору субъектами сети.

Итак, для организационной сети, состоящей из N субъектов, представим вышесказанное в виде поэтапного алгоритма определения показателя прочности (рис. 2).

Верификация предложенного алгоритма проведена на примере элементарной организационной сети, состоящей из нескольких однотипных предприятий, поставляющих продукцию интегратору. Некоторые полученные зависимости приведены на рис. 3, 4.

Полученные зависимости логичны и соответствуют представлениям авторов об исследуемых процессах. На их основании можно формировать рекомендации по наиболее рациональным параметрам, описывающим взаимодействие с субъектами, направленные на повышение прочности сети.

Следующий организационный показатель — устойчивость. Под устойчивостью сети, сформированной вокруг крупной компании, будем понимать способность интегратора обеспечивать стабильное выполнение собственных производственных задач в условиях возможных сбоев в работе его поставщиков (субъектов сети). Таким образом, данный показатель по сути является вероятностью безотказной работы интегратора ($P_{без}^{(инт)}$).

Очевидно, что такая вероятность складывается под влиянием как внутренних (техничко-экономический уровень развития интегратора), так и внешних факторов (устойчивость субъектов). Несколько упростим задачу и ограничимся рассмотрением лишь внешних факторов. Тогда показатель устойчивости сети

$$K_{уст} = P_{без}^{(инт)} = 1 - P_{сб.суб},$$

где $P_{сб.суб}$ — интегральная вероятность сбоя субъектов-поставщиков.

Устойчивость субъектов определяется с учетом собственной устойчивости и устойчивости поставщиков [3].

Собственная устойчивость i -го субъекта сети характеризует вероятность его безотказной работы $P_{без}^{(i)}$ при условии, что поставщики взаимодействуют с ним строго по договору. Очевидна зависимость

$$P_{без}^{(i)} = 1 - P_{сб}^{(i)},$$

где $P_{сб}^{(i)}$ — вероятность сбоя в работе i -го субъекта.

Рассмотрим показатель $P_{сб}^{(i)}$. Возможны различные причины возникновения сбоя в работе субъекта. Авторами предложено учесть основные: предельный износ основных производственных фондов, $I_{оф}$; недостаточная обеспеченность субъекта собственными оборотными средствами $K_{оос}$; полная загрузка производственных мощностей, $З_{пр.м}$. Таким образом, расчетная формула примет вид

$$P_{сб.сб}^{(i)} = a_1 \cdot (I_{оф}^{(i)})^2 + b_1 \cdot I_{оф}^{(i)} + a_2 \cdot (K_{оос}^{(i)})^2 + b_2 \cdot K_{оос}^{(i)} + c_2 + a_3 \cdot З_{пр.м}^{(i)},$$

где $a_1, b_1, c_1, a_2, b_2, c_2, a_3$ — постоянные в уравнениях прямых, описывающих зависимости

$$P_{сб.сб}^{(i)} = f(I_{оф}^{(i)}),$$

$$P_{сб.сб}^{(i)} = f(K_{оос}^{(i)})$$

$$\text{и } P_{сб.сб}^{(i)} = f(З_{пр.м}^{(i)}).$$

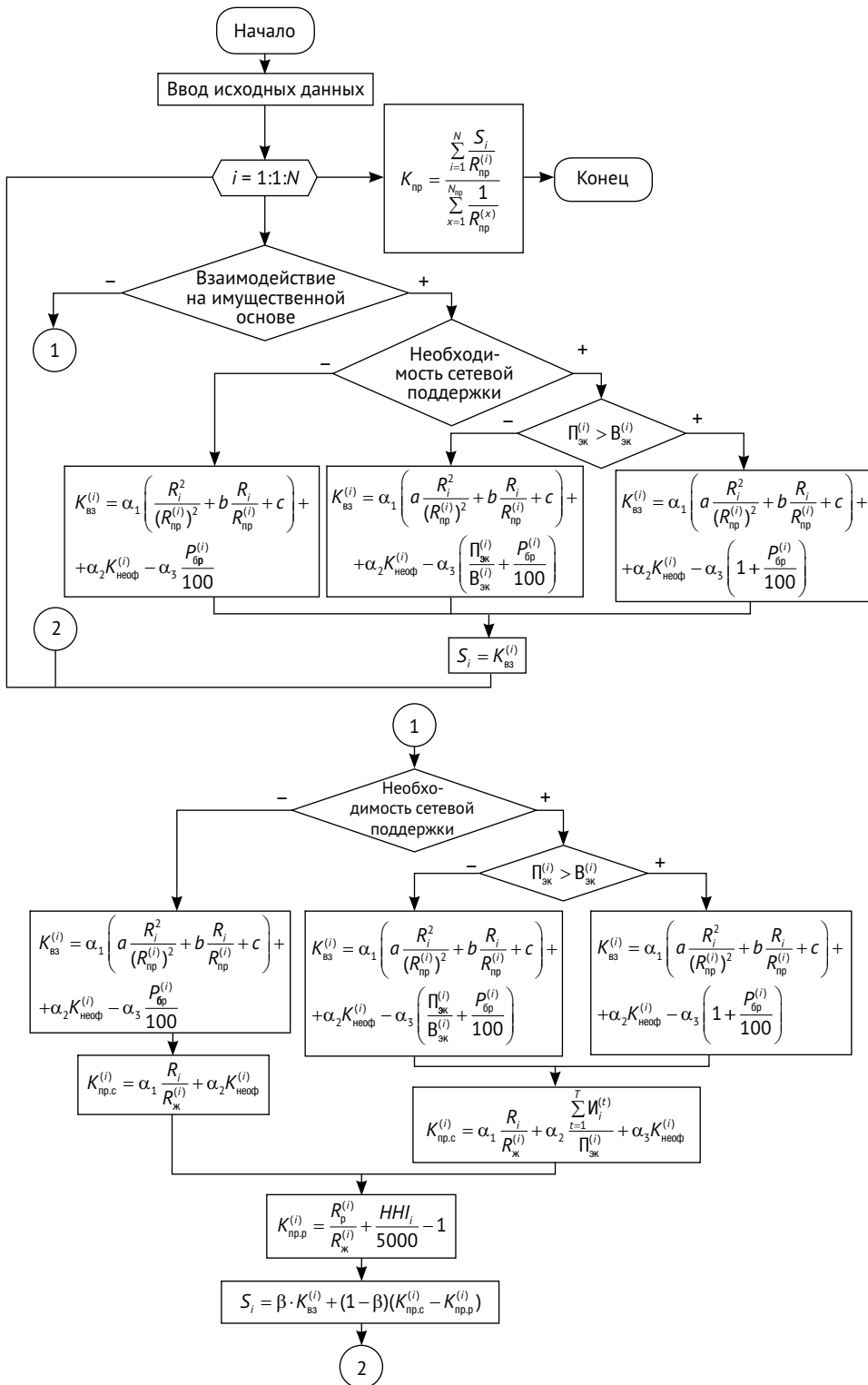

Рис. 2. Алгоритм определения показателя прочности сети

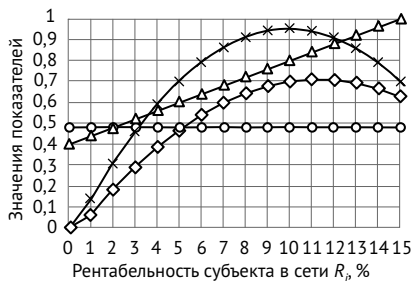

Рис. 3. Зависимость показателей $K_{вз}^{(i)}, K_{пр.с}^{(i)}, K_{пр.р}^{(i)}, S_i$ от R_i (на примере одного из субъектов при $R_{пр}^{(i)} = 10\%$ и $R_{ж}^{(i)} = 15\%$)
 $\times - K_{вз}^{(i)}$; $\Delta - K_{пр.с}^{(i)}$; $\circ - K_{пр.р}^{(i)}$; $\diamond - S_i$

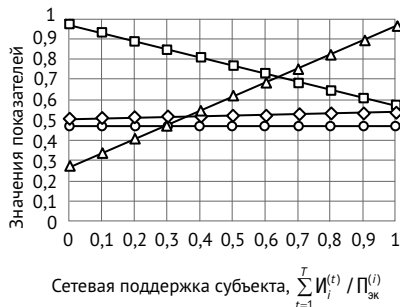

Рис. 4. Зависимость показателей $K_{вз}^{(i)}, K_{пр.с}^{(i)}, K_{пр.р}^{(i)}, S_i$ от уровня сетевой поддержки i -го субъекта (на примере одного из субъектов при условии $\Pi_{ж}^{(i)} \leq B_{ж}^{(i)}$)
 $\times - K_{вз}^{(i)}$; $\Delta - K_{пр.с}^{(i)}$; $\circ - K_{пр.р}^{(i)}$; $\diamond - S_i$

Вероятность сбоя в работе поставщиков определим на основании статистических наблюдений

$$P_{сб.пост}^{(i)} = \frac{N_{с.к}^{(i)}}{N_{к}^{(i)}},$$

где $N_{с.к}^{(i)}$ — количество сорванных контрактов за рассматриваемый период; $N_{к}^{(i)}$ — общее количество контрактов с поставщиками за этот период.

При отсутствии опыта взаимодействия с конкретным поставщиком его вероятность сбоя определяется экспертным путем.

Итак, вероятность сбоя i -го субъекта

$$P_{сб}^{(i)} = \max\{P_{сб.сб}^{(i)}, P_{сб.пост}^{(i)}\}.$$

Далее определим интегральную вероятность сбоя всех субъектов $P_{сб.суб}$. Воспользуемся методикой, предложен-

ной в работах [3, 7] и основанной на использовании формального аппарата теории вероятностей. Суть методики заключается в многократном проигрывании различных производственных ситуаций у субъектов сети и проверки их на критичность.

Под производственной ситуацией подразумевается событие $(\varepsilon_{n_{исп}}^{(1)}, \varepsilon_{n_{исп}}^{(2)}, \dots, \varepsilon_{n_{исп}}^{(N)})$, где $\varepsilon_{n_{исп}}^{(i)}$ — результат работы i -го субъекта в испытании $n_{исп}$. В случае, если $\varepsilon_{n_{исп}}^{(i)} = 1$ (субъект сработал без сбоя), резервы его производственных мощностей, равные $W_{пр}^{(i)} - Q_{с}^{(i)}$, где $W_{пр}^{(i)}$ — производственные мощности субъекта, а $Q_{с}^{(i)}$ — объем поставки в сеть, определяются как резервы сети по данному типу продукции $S_{рез}(n_{исп}; T_{пр}^{(i)})$. Если же $\varepsilon_{n_{исп}}^{(i)} = 0$ (произошел сбой), дополнительно генерируется сила сбоя $\xi_{n_{исп}}^{(i)}$ и определяется объем недопоставленной продукции $S_{нев}(n_{исп}; T_{пр}^{(i)})$.

Производственная ситуация признается критической, если хотя бы один тип продукции не будет поставлен интегратору в полном объеме, то есть

$$S_{нев}(n_{исп}; x) > S_{рез}(n_{исп}; x).$$

Будем считать наступление сбоев у субъектов сети независимыми событиями, тогда вероятность возникновения критической производственной ситуации согласно теореме об умножении вероятностей и схеме Бернулли равна

$$P(n_{исп}) = \prod_{i=1}^N p_i^{n_{исп}},$$

$$\text{где } p_i^{n_{исп}} = \begin{cases} 1 - \frac{P_{сб}^{(i)}}{100}, & \text{если } \varepsilon_{n_{исп}}^{(i)} = 1 \\ \frac{P_{сб}^{(i)}}{100}, & \text{если } \varepsilon_{n_{исп}}^{(i)} = 0 \end{cases}.$$

Так как появление различных критических производственных ситуаций есть независимые события, то искомая вероятность сбоя работы поставщиков согласно теореме о сложении вероятностей равна

$$P_{\text{сб.суб}} = \sum_{\text{по всем крит. ситуациям}} \left(\prod_{i=1}^N p_i^{n_{\text{исп}}} \right).$$

Итак, на основании вышесказанного, для организационной сети, состоящей из N субъектов, поставляющих интегратору $N_{\text{пр}}$ типов продукции, составлен алгоритм определения показателя устойчивости (рис. 5).

Адекватность алгоритма подтверждена на примере исследования элементарной организационной сети, состоящей из N однотипных предприятий, условно имеющих одинаковые $P_{\text{сб}}^{(i)}$. Полученные зависимости показателя устойчивости $K_{\text{уст}}$ от количества субъектов (N) при различных $P_{\text{сб}}^{(i)}$ представлены на рис. 6–7.

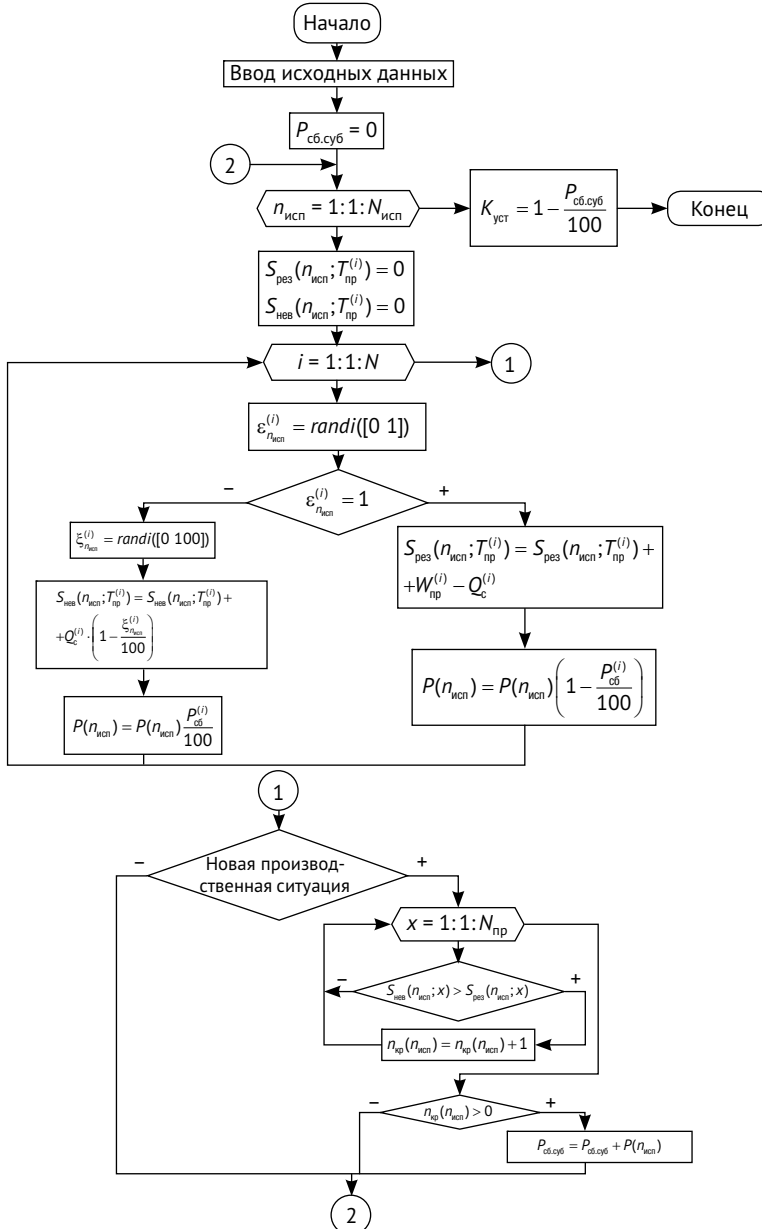

Рис. 5. Алгоритм определения показателя устойчивости сети

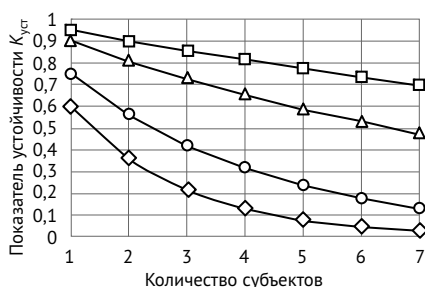

Рис. 6. Исследование сети на устойчивость в условиях отсутствия резервов производственных мощностей ($Z_{пр.м} = 100\%$ и $N_{исп} = 1000$)

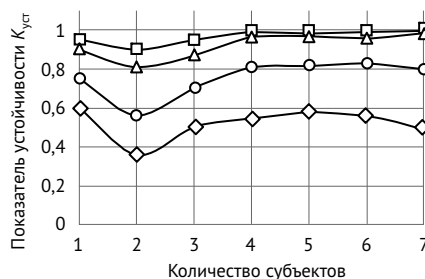

Рис. 7. Исследование сети на устойчивость в условиях наличия 25 % резерва мощностей у субъектов ($Z_{пр.м} = 75\%$ и $N_{исп} = 1000$)

Предложенный подход оценки прочности и устойчивости организационных сетей имеет практическую значимость, так как позволяет для любой организационной сети, учитывая ее специфику, подобрать необходимое количество поставщиков по каждому типу продукции, которое бы обеспечивало достаточный уровень эффективной работы как интегратора сети так ее элементов.

Безусловно, современные организационные сети не могут существовать автономно. Поэтому в качестве поставщиков интегратора зачастую выступают субъекты со свободного рынка. Тогда для формирования объективной оценки устойчивости сети необходимо учитывать и эффективность работы таких хозяйствующих субъектов.

Предложенные в статье подходы к определению организационных показателей сетей могут быть использованы в качестве основы для разработки комплексной методики определения интегрального показателя организационных сетей для их формирования и настройки как в промышленности, так и на транспорте. ■

Литература

1. Ришар Ж. Аудит и анализ хозяйственной деятельности / Пер. с франц. / под ред. Л. П. Белых. — М.: Аудит; ФНИТИ, 1997. — С. 23–26. ISBN 5-85177-016-3.
2. Сай В. М., Сизый С. В. Организационные структуры как мульти-операторные сети. Задачи прочности и устойчивости // Транспорт Урала. 2009. № 2 (21). — С. 5–9. ISSN 1815-9400.
3. Сай В. М., Сизый С. В. Образование, функционирование и распад организационных сетей: монография. — Екатеринбург: Изд-во УрГУПС, 2011. С. 120–132. ISBN 978-5-94614-199-4.
4. Громов И. Д., Сай В. М. Моделирование взаимоотношений хозяйствующих субъектов элементарной организационной сети с разделенными интересами // Современные проблемы транспортного комплекса России. 2013. № 3. С. 199–208. ISSN 2222-9396.
5. Громов И. Д., Москвина В. М. Графоаналитическая модель организационной сети с разделенными интересами // Вестник УрГУПС. 2014. № 1. С. 36–45. ISSN 2079-0392.
6. Борисов В. Н. Микроэкономика: В 5 т. / общ. ред. Ю. В. Чеплянского. СПб.: Экономическая школа, 2015. — Т. 7. С. 1168–1169, 1171.
7. Сай В. М. Критические элементарные события при вычислении устойчивости узлов планетарной структуры. — Екатеринбург: УрГУПС, 2002. — 24 с. — Деп. в ВИНТИ РАН 30.01.03, № 188. — В2003.

References

1. Rishar Zh. Audit i analiz khozyaystvennoy deyatel'nosti [Audit and analysis of business activities] / Translated from French / under the editorship of L. P. Belykh. — M.: Audit; FNITI, 1997. — p. 23–26. ISBN 5-85177-016-3.

2. Say V.M., Sizyy S.V. Organizatsionnye struktury kak multi-operatornye seti. Zadachi prochnosti i ustoychivosti [Organizational structures as multi-operator networks. Strength and stability problems] // Transport of the Urals. 2009. № 2 (21). — P. 5–9. ISSN 1815-9400.
3. Say V.M., Sizyy S.V. Obrazovanie, funktsionirovanie i raspad organizatsionnykh setey: monografiya. [Formation, functioning and decay of organizational networks : a monograph.] — Ekaterinburg : Izd-vo USURT, 2011. p. 120–132. ISBN 978-5-94614-199-4.
4. Gromov I.D., Say V.M. Modelirovanie vzaimootnosheniy khozyaystvuyushchikh subyektov elementarnoy organizatsionnoy seti s razdelennymi interesami [Modeling the relationship of economic entities of an elementary organizational network with shared interests] // Sovremennye problemy transportnogo kompleksa Rossii. 2013. № 3. p. 199–208. ISSN 2222-9396.
5. Gromov I.D., Moskvina V.M. Grafoanaliticheskaya model organizatsionnoy seti s razdelennymi interesami [Graphical & analytical model of organizational networks with shared interests] // Herald of USURT. 2014. № 1. p. 36–45. ISSN 2079–0392.
6. Borisov V.N. Mikroekonomika : V 5 t. [Microeconomics: 5 Vols.] / under general editorship of Yu.V. Cheplyansky. SPb : Ekonomicheskaya shkola, 2015. — T. 7. P. 1168–1169, 1171.
7. Say V.M. Kriticheskie elementarnye sobytiya pri vychislenii ustoychivosti uzlov planetarnoy struktury. [Critical elementary events in the calculation of stability of planetary structure nodes.] — Ekaterinburg : USURT, 2002. — 24 с. — Dep. v VINITI RAN 30.01.03, № 188. — V2003.

Статья сдана в редакцию 19 февраля 2015 года

УДК 656.078

М. А. Журавская

«Зеленая» логистика — стратегия успеха в развитии современного транспорта

UDC 656.078

М. А. Zhuravskaya

«Green logistics» — a strategy for success in the development of modern transport industry

Становись «зеленым» — будешь победителем.

Аннотация

Основной акцент статьи сделан на термин «зеленая логистика», который в настоящее время отождествляется с экологически чистыми технологиями на транспорте. Отмечено, что зеленая логистика сегодня — это прежде всего переход от экологически неблагоприятных видов транспорта к экологически безопасным. В современных условиях задача «зеленой» логистики трансформируется в задачу интеграции различных видов транспорта, осуществлении их взаимодействия с минимальным участием автотранспорта как самого неблагоприятного с точки зрения экологии вида транспорта, то есть переход на мультимодальные технологии доставки грузов и пассажиров. В статье изучен опыт внедрения «зеленых» технологий в логистике за рубежом и в РФ, приведены примеры успешного развития мультимодальных схем доставки в Уральском федеральном округе. Большое внимание в статье уделено вопросу экономического стимулирования развития «зеленой» логистики. С этой целью автором предложена система GreenS, основанная на поощрении видов транспорта, внедряющих «зеленые» технологии и штрафованиях тех видов транспорта, которые не уделяют должного внимания вопросам экологии. Термин «GreenS» объединяет две экономические категории: штраф (green strafe) и премия-преимущество (green start). С введением системы GreenS зона эффективного действия неблагоприятного вида транспорта резко сокращается, а зона действия вида транспорта, внедряющего экологические принципы, увеличивается. В статье сделан вывод, что такой подход оценивания видов транспорта в условиях их интеграции в логистические цепочки является не только справедливым, но и эффективным, т. е. использование принципов «зеленой» логистики — не просто возможность, а обязательный путь развития, как отдельного вида транспорта, так и всей транспортной отрасли.

Ключевые слова: устойчивое развитие; экологические проблемы; «зеленая» логистика; мультимодальные перевозки; виды транспорта; точка смены сценария транспортного обслуживания; система GreenS.

Summary

The paper mainly focuses around the concept of «green logistics», which is now identified with clean technologies in transport sector. It is noted that green logistics today is primarily a shift from environmentally unfriendly modes of transport to those which are environmentally safe. In modern conditions, the problem of «green» logistics is transformed into the problem of integration of various modes of transport, their interaction with minimum involvement of vehicles as the most environmentally unfavorable type of transport, i. e. the transition to multi-modal transportation technologies for goods and passengers. The paper studies the experience of implementation of «green» technologies in logistics abroad and in Russia, and contains examples of successful development of multi-modal delivery models in the Urals Federal District. Much attention is paid to the issue of economic incentives for the development of «green» logistics. To this end, the author proposes the system GreenS, based on promotion of the modes of transport implementing green technologies and fining those modes of transport that do not pay enough attention to environmental issues. The term «GreenS» combines two economic categories: fine (green strafe) and reward-benefit (green start). Introduction of GreenS drastically reduces the effective footprint of environmentally unfriendly mode of transport, and increases footprint of transport which is based on environmental principles. The article concludes that the approach estimating modes of transport in terms of their integration into the supply chain is not just reasonable, but also effective, since the use of «green» logistics principles is not just an option, but mandatory path of development, both for individual modes of transport and for the entire transport industry.

Keywords: sustainable development; environmental issues; «green» logistics; multimodal transportation; modes of transport; change point of transport service scenario; GreenS system.

Марина Аркадьевна Журавская, канд. техн. наук, доцент; кафедра «Мировая экономика и логистика» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: MZhuravskaya@usurt.ru.

Marina Arkadyevna Zhuravskaya, PhD in Engineering, Associate Professor; «World Economy and Logistics» Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: MZhuravskaya@usurt.ru.

Современный транспорт не является устойчивым в вопросах окружающей среды. Зачастую он усугубляет экологические проблемы, негативно влияя на здоровье людей и природу, поэтому глобальные изменения окружающей среды становятся для него серьезной проверкой, а переход на принципы «зеленой» логистики — хорошей возможностью с честью пройти такую проверку.

Начало развитию «зеленой» логистики было положено немецким ученым Эрвином Мюллером в 1989 г. Совместно с коллегами он уделил большое внимание транспортной логистике, отметив сильную связь между логистикой, охраной окружающей среды и природными ресурсами [1].

Позднее немецкие ученые из Технического университета Дрездена продолжили исследование и изучили взаимосвязь между бизнесом и окружающей средой [2].

Ученые университета г. Люблина (Словения) исследовали потенциальный положительный эффект от использования стандартов при инвестициях в работу транспорта, безвредную для окружающей среды [3]. Они проанализировали зависимости между логистикой, эффективностью системы поставок и соответствием стандартам качества. Особое внимание было обращено на стандарт ISO 14001 как действенный инструмент для увеличения устойчивости транспортно-логистических услуг.

Румынские ученые обобщили опыт решений «зеленой» логистики для некоторых агломерированных областей и стран и разработали бизнес-план по внедрению принципов «зеленой» логистики в Стамбуле [4].

Анализ опыта зарубежных стран по внедрению «зеленых» технологий в логистику проведен в трудах российских ученых; некоторые авторы отметили готовность участников экономических отношений платить больше за «зеленые» логистические решения [5, 6]. Этот факт также подтверждает исследование, проведенное QSHE Global, которое показало отношение респондентов (5400 чел.) к внедрению экологических технологий в бизнес-процессы современных компаний [1] (рис. 1).

В России экологическая доктрина принята только в 2002 г. участниками IV Всероссийского конгресса по охране окружающей среды, а экологические стратегии на транспорте появились еще позже; так, в ОАО «РЖД» соответствующее распоряжение было подписано только в 2009 г. [7], на остальных же видах транспорта ситуация намного печальней.

Целью настоящей статьи стало обобщение знаний о влиянии различных видов транспорта на окружающую среду и разработка рекомендаций по снижению их неблагоприятного воздействия на основе мультимодализма [8].

Воздействие различных видов транспорта на самого человека и окружающую его среду сильно различается (рис. 2 а, б).

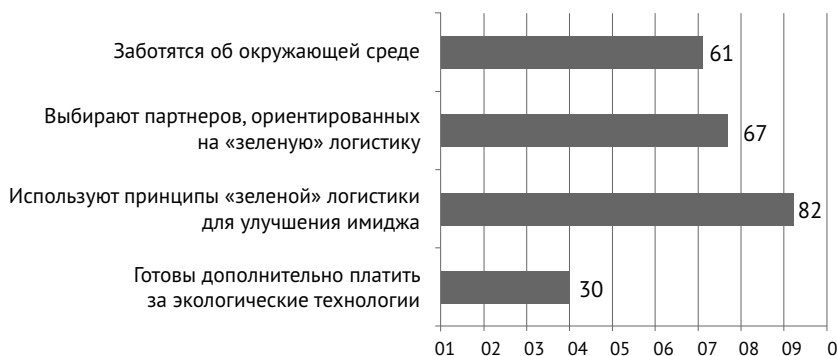
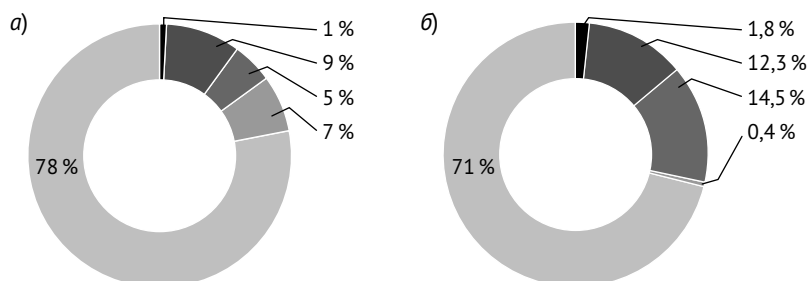

Рис. 1. Данные опроса QSHE Global

Рис. 2. Выбросы CO₂ различными видами транспорта

а – в России [9]; б – в ЕС [10]

■ – автомобильный транспорт; ■ – железные дороги;
 ■ – воздушный транспорт; ■ – морской транспорт; ■ – прочие

Максимальное негативное воздействие от выбросов углекислого газа идет от автомобильного транспорта, а минимальное влияние на окружающую среду оказывает рельсовый (железнодорожный) транспорт, и эта тенденция характерна как для России, так и для стран Европы (рис. 2 а, б). Однако сегодня в России на дорогах находятся в постоянном движении примерно 40 млн транспортных единиц, большая часть которых старше десяти лет и не выдерживает никаких экологических стандартов. Эта цифра постоянно растет и из-за ввоза не самых новых импортных автомобилей из-за рубежа, так и из-за строительства на территории России новых объектов автопрома [5]. В среднем одна автомашина за каждые 1000 км пути сжигает годовую норму кислорода, необходимого человеку, а взамен этого выбрасывает ядовитую смесь примерно из двухсот веществ, среди которых оксиды углерода и азота, формальдегид, соединения свинца и др. В этот перечень входят вещества, вызывающие многие заболевания, например, возбудитель раковых заболеваний (канцероген) бензопирен. Среди жителей больших городов число заболеваний раком легких в три раза выше, чем среди жителей сельской местности. К типичным болезням больших городов относятся аллергические заболевания, болезни верхних дыхательных путей и т. д. Однако загрязнение воздуха — не единственное негативное влияние автотранспорта на окружающую

среду; неполный список проблем от работы автотранспорта в городах России приведен в таблице 1, разработанной автором на основе [5, 11].

Данные таблицы 1 показывают, что здравоохранение и в целом экономика России получает дополнительную нагрузку от неблагоприятного воздействия автотранспорта. А автотранспорт практически освобожден от экономической ответственности перед обществом: кроме налога на транспортное средство владелец автотранспортного средства не платит ничего, общество же практически инвестирует этот вид транспорта (таблица 1, п. п. 2–5).

Рассмотрение роли видов транспорта в контексте сбережения энергии также выявляет слабую позицию автотранспорта и сильную позицию рельсового вида транспорта (таблица 2).

По данным таблицы 2 легко сделать вывод о целесообразности развития именно рельсового транспорта. Поэтому сегодня «зеленая» логистика как стратегия развития транспорта — это прежде всего перевод грузо- и пассажиропотоков с автотранспорта на железнодорожный.

Однако несмотря на, казалось бы, очевидный вывод о целесообразности приоритетного развития именно рельсового транспорта, многие страны продолжают активно вкладывать огромные деньги в развитие автотранспортной инфраструктуры. Так, в Китае за последние десять лет построено около 50 тыс. км автодорог, а к 2020 г. планируется

Таблица 1

Экологические проблемы от автотранспорта в городах России

Проблема	Описание	Негативные последствия	
		здорово-охранение	экономические
1. Загрязнение воздуха и воды в городах РФ (до 80 % загрязнения воздуха в городе приходится на автотранспорт)	Сокращение продолжительности жизни горожан в среднем на четыре года. Повышение нагрузки на здравоохранение	+	+
2. Предоставление автовладельцам дорожной сети, построенной и обслуживаемой на бюджетные средства всех жителей	Недополученные блага (на бюджетные средства) жителями российских городов		+
3. Бесплатная парковка на улицах и во дворах более половины частных автомобилей	Неудобство от загромождения дворов и тротуаров автомобилями	+	+
4. Обеспечение сервиса по сохранению газонов, детских площадок и т.д.	Дополнительные средства из бюджета на установку ограждений, рекультивацию газонов и др.		+
5. Сервис по уборке городской территории от автомобильной грязи, 85 % которой приходится на асфальтовое покрытие, стертые шипами зимней резины	Шипы стирают около 5 мм покрытия в год, а это более 50 т токсичной пыли	+	+
6. Уровень шума, образуемого автотранспортом, устойчив в пределах 85–90 дБа	Негативное влияние на человека от шума мегаполиса на 36 % более значимо, чем от курения табака, сокращение продолжительности жизни на 10–12 лет	+	

Таблица 2

Удельное потребление энергии различными видами транспорта [12]

Транспорт	Удельное потребление энергии, ккал/пасс.-км
Поезд	50
Автобус	300
Самолет	480
Речной транспорт	550
Легковой автомобиль	580

достигнуть показателя в 85 тыс. км. В США общая длина дорог федерального значения — около 73 тыс. км. Индия в ближайшие пять лет собирается полностью обновить свою дорожную сеть и вводит в эксплуатацию около 20 км дорог ежедневно [13].

В последние годы значительно увеличилась доля автомобильного транспорта и в предоставлении логистических услуг. И дело тут в том, что перевозки автотранспортом имеют и ряд преимуществ, например, возможность доставки небольших партий товаров по принципу «от дверей до дверей», что является главной логистической технологией на транспорте. Необходимо также отметить, что у каждого вида транспорта существует свой оптимальный диапазон действия. Так, на коротких расстояниях (150–200 км) и при небольшом грузо- или пассажиропотоке железнодорожному транспорту трудно, а зачастую невозможно конкурировать с автотранспортом [14, 15]. Диапазон эффективного действия автотранспорта определяется точкой смены сценария транспортного обслуживания CP (change point), которая рассчитывается по формуле (1):

$$CP = \frac{F_1 - F_2}{V_2 - V_1}, \quad (1)$$

где F_1 и F_2 — постоянные затраты первого и второго видов транспорта соответственно; V_1 и V_2 — переменные затраты этих же видов транспорта (рис. 3).

Из графика (рис. 3) видно, что грузо- или пассажиропоток, попадающий в диапазон от 0 до точки CP экономически выгодно перевозить именно автотранспортом. Задача «зеленой» логистики по снижению неблагоприятного воздействия автотранспорта на городскую среду трансформируется в задачу интеграции различных видов транспорта, осуществления их взаимодействия с минимальным участием автотранспорта, то есть в задачу организации мультимодальных или интермодальных перевозок.

В качестве примера успешного развития мультимодальных перевозок в России можно предложить проект внедрения и развития мультимодальных железнодорожно-водных перевозок лесных грузов на полигоне Свердловской железной дороги в страны СНГ [16].

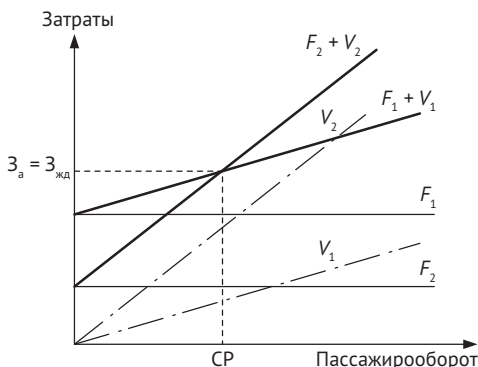

Рис. 3. Зависимость между объемами отправок и издержками перевозки при выборе вида транспорта [14]

$\frac{F_{1,2}}{}$ — постоянные затраты 1-го и 2-го видов транспорта; $\frac{V_{1,2}}{}$ — переменные затраты 1-го и 2-го видов транспорта; $\frac{F+V}{}$ — общие затраты видов транспорта

Перспективен также пилотный проект организации контрейлерных перевозок с участием ОАО «РЖД» на маршруте Екатеринбург — Москва. Контрейлерные перевозки — это комбинированные железнодорожно-автомобильные перевозки, при которых перевозятся трейлер, полуприцеп, или съемный кузов на железнодорожной платформе [17]. Контрейлерные перевозки успешно функционируют в Европе уже более 30 лет, с каждым годом увеличивая железнодорожную составляющую. К 2030 г. планируется 30 % всех действующих автомобильных грузопотоков передать на железнодорожный транспорт, а к 2050 г. — 50 %.

Проект «Екатеринбург — Москва» включает экономико-технологическое обоснование организации контрейлерных перевозок и комплекс мероприятий, направленных на повышение привлекательности данного вида перевозок

с точки зрения экологической безопасности. В рамках этого проекта изучены современные логистические технологии организации контейнерных перевозок в странах ЕС и рассмотрена возможность использования лучшего зарубежного опыта для российских условий. Разработана классификационная матрица технологий контейнерных систем с учетом различных способов погрузки автотранспортных средств на железнодорожные платформы (таблица 3 [17]).

Далеко не все применяемые в странах ЕС контейнерные технологии эффективно ассимилируются в российских условиях, поэтому автором предлагается

использовать наиболее простой и экономичный способ осуществления погрузо-разгрузочных работ (ПРР) с контейнерами. Он заключается в возможности заезда автотранспортного средства на железнодорожную платформу под любым углом и с любых направлений, так как предполагается наличие специальной терминальной инфраструктуры — повышенной площадки, находящейся в один уровень с полом вагона. Согласно введенной классификации, этот вид осуществления ПРР относится к классу SH, подклассу 4. Технологический процесс работы контейнерного терминала с участием «маневровых» тягачей представлен на рис. 4.

Таблица 3

Матрица классов контейнерных технологий

Использование средств механизации	Плоскость выполнения погрузо-разгрузочных работ	
	Н (от англ. <i>horizontal</i> — горизонтальный)	V (от англ. <i>vertical</i> — вертикальный)
S (от англ. <i>self</i> — самостоятельный)	SH-1 (Modalohr)	—
	SH-2 (MegaSwing)	—
	SH-3 (ROLA)	—
М (от англ. <i>mechanization</i> — механизированный)	MH-1 (CargoBeamer)	MV-1 (Kombiverkehr)

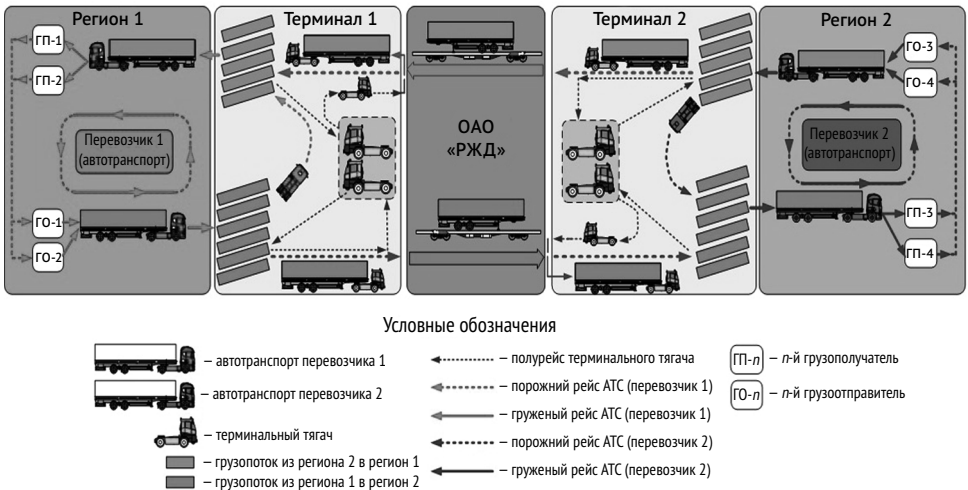

Рис. 4. Принципиальная схема организации грузоперевозок с использованием контейнерных технологий в РФ [17]

Контейнерные перевозки для российских железных дорог — относительно новый транспортный продукт, интересный с точки зрения технологий и логистики, способный укрепить статус ОАО «РЖД» как компании, ориентированной на «зеленые» технологии, «зеленую» логистику.

Говоря об успешном опыте реализации мультимодальных проектов в России нельзя не сказать о пассажирских перевозках*.

Несмотря на примеры успешного опыта, широкое распространение принципы «зеленой» логистики получают, только если будет создана экономическая основа. На первом этапе развитие «зеленых» технологий может быть весьма затратным [19]. От государства требуется проведение политики, призванной сглаживать различия в ценах на «коричневые» технологии (характеризующиеся высоким уровнем загрязнения окружающей среды) и «зеленые». Именно высокая цена на электромобили до сих пор служит одним из главных сдерживающих факторов развития этого сектора. Несмотря на значительные дотации, доля электромобилей в общих продажах автомобилей на рынке Западной Европы до сих пор не превышает 1%.

Среди других важных ограничений внедрения «зеленых» технологий стоит отметить: недостатки регулирования этой сферы (не только в России, но и в развитых странах); длительность процесса их разработки и внедрения зачастую при непредсказуемых результатах (что влияет на решения компаний); сложность перестройки громоздкой энергетической и транспортной инфраструктуры; дефицит квалифицированных исследователей и управленцев; психологическая неготовность людей к серьезным переменам в бизнесе и частной жизни.

Экологические налоги занимают существенное место в налоговых систе-

мах большинства стран Евросоюза [20]. В этих странах в области налоговой политики реализуется ресурсосбережение, повышение уровня экоэффективности и решение одновременно с экологического широкого круга социальных проблем. Что касается природоохранных направлений современной налоговой политики, то они сегодня охватывают различные уровни экономики, включая глобальный, концентрируются также на приоритетных с точки зрения загрязнения секторах. Основная цель экологических платежей — не пополнение государственного бюджета, а стимулирование плательщика к позитивному, с точки зрения охраны окружающей среды, поведению. Экологические налоги — это налоги, которые служат преимущественно охране окружающей среды.

В Евросоюзе 27 налогов на энергию составляют практически 72% всех эконалогов, что в денежном выражении — 220 млрд евро, или 1,8% ВВП. В основе экологизации налоговых систем лежит идея двойного выигрыша (дивиденда). Согласно этой идее, экономическое стимулирование охраны окружающей среды и ресурсосбережения посредством введения экологических налогов (платежей) должно одновременно сопровождаться пропорциональным снижением налогового бремени, связанного с социальными выплатами.

Автором настоящего исследования с целью регулирования зоны эффективного действия вида транспорта предлагается ввести систему GreenS. Для этого в формулу (1) вставим «зеленый» штраф (green strafe) с последующей разработкой системы штрафов для каждого вида транспорта, причем как по переменным, так и по постоянным затратам, или зеленое преимущество (green start). Предлагается обозначить их (и штраф, и преимущество) одним термином: GreenS. Но тогда GreenS

*Ученые Уральского государственного университета путей сообщения уже несколько лет ведут работу по реализации проекта «Городская электричка» [18]. Проект рассматривает изменение транспортной сети на основе ограничения неэффективного движения и создания более безопасной и более удобной общественной транспортной услуги, особенно в больших городах.

(штраф) будет иметь значение больше 1, а GreenS (преимущество) находится в диапазоне от 0 до 1:

$$\begin{cases} \text{GreenS} > 1 \Rightarrow \text{Strafe} \\ 0 < \text{GreenS} \leq 1 \Rightarrow \text{Преимущество} \end{cases} \quad (2)$$

Сумма штрафов-преимуществ по каждому виду транспорта даст некий коэффициент (назовем его «зеленый»); результаты расчета представим в виде таблицы 4, при этом разработка системы GreenS является темой отдельного исследования и в данной статье не приводится.

Таблица 4

Расчет зеленых коэффициентов для определения зоны эффективного действия различных видов транспорта

GreenS		Постоянные затраты, F_i	Переменные затраты, V_i
Преимущество	GreenS ₁
	GreenS _{j-1}
Штраф	GreenS _j
	GreenS _k
Итого		a_i	b_i

Тогда формула (1) примет вид

$$CP = \frac{a_1 F_1 - a_2 F_2}{b_2 V_2 - b_1 V_1}, \quad (3)$$

где a_1, a_2 — зеленый коэффициент постоянных затрат 1-го и 2-го вида транспорта:

$$a_{1,2} = \sum_{j=1}^k \text{GreenS}_j, \quad (4)$$

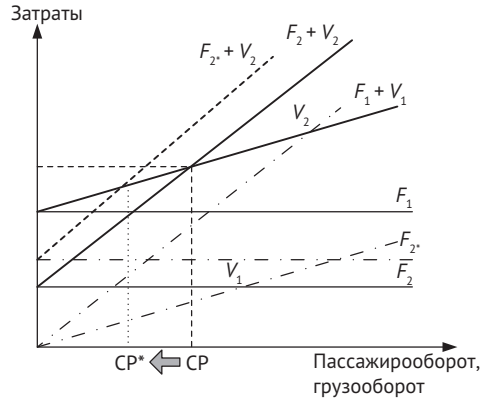
b_1, b_2 — зеленый коэффициент переменных затрат 1-го и 2-го вида транспорта:

$$b_{1,2} = \sum_{j=1}^k \text{GreenS}_j. \quad (5)$$

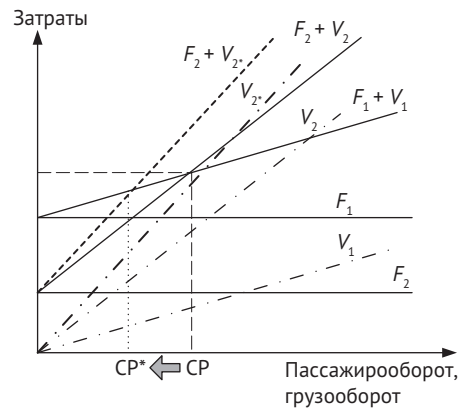
Получение значений параметров в правых частях формул (4) и (5) — предмет отдельного исследования. Они

могут определяться методами экспертных оценок либо математического моделирования [21, 22].

Наглядно представить, как изменится точка смены сценария транспортного обслуживания CP с введением системы GreenS можно с помощью графика (рис. 5).

$\overline{F_{1,2}}$ — постоянные затраты 1-го и 2-го видов транспорта; $\overline{V_{1,2}}$ — переменные затраты 1-го и 2-го видов транспорта; $\overline{F+V}$ — общие затраты видов транспорта

$\overline{F_{2*}}$ — постоянные затраты 1-го и 2-го видов транспорта; $\overline{V_{2*}}$ — переменные затраты 1-го и 2-го видов транспорта; $\overline{F+V}$ — общие затраты видов транспорта

Рис. 5. Смещение точки смены сценария транспортного обслуживания при введении зеленых штрафов для постоянных затрат (а) и переменных затрат автотранспорта (б)

На графике видно, что с введением системы GreenS зона эффективного действия автотранспорта (на рис. 5 — транспорт № 2) резко сокращается, а зона действия железнодорожного транспорта (на рис. 5 — транспорт № 1) увеличивается. Такой подход оценивания видов транспорта в условиях их интеграции в логистические цепочки не только справедлив, но и эффективен, т.к. использование принципов «зеленой» логистики — обязательный путь развития как отдельного вида транспорта, так и всей транспортной отрасли.

Наиболее значимые меры экологической стратегии, реализуемой ОАО «РЖД», приведены в таблице 5, составленной автором по материалам [6, 23].

Необходимо, чтобы подобные меры разрабатывались и на других видах транспорта. Сегодня вопросы экологизации транспортных услуг волнуют и авиа-торов; так, в Международной ассоциации воздушного транспорта (ИАТА)

принято решение заморозить уровень вредных выбросов к 2020 г., а к 2050 г. снизить его на 50%.

На морском транспорте с 1 января 2015 года ужесточился контроль выбросов серы на Северном и Балтийском морях, планируется, что уровень содержания этого химического элемента снизится. Есть на морском транспорте и примеры реализации успешных экологических проектов, например, газопровод «Северный поток», проложенный по дну Балтийского моря.

Таким образом, предложенная автором система GreenS, основанная на поощрении видов транспорта, внедряющих «зеленые» технологии и штрафованиях тех видов транспорта, которые не уделяют должного внимания вопросам экологии, позволит оценить вклад каждого вида транспорта в решение экологических проблем на благо будущих поколений. ■

Таблица 5

Экологическая политика ОАО «РЖД»

Меры, направленные на реализацию экологической стратегии ОАО «РЖД»			
инфраструктурные	технические	технологические	культурные
Переворужение инфраструктуры	Устройства для возобновления энергии солнца и ветра	Применение энергооптимальных графиков движения поездов	Формирование корпоративной культуры путем вовлечения персонала холдинга в дело сохранения природы
Модернизация подвижного состава	Акустические системы отпугивания животных	Безбумажные технологии документооборота	
	Шумозащитные экраны		

Литература

- Alexandrova K. The links of one Chain. The RZD Partner International 2014. № 3 (39). — P. 38–39.
- Günter E. Ökologieorientiertes Management Stuttgart : Lucius und Lucius, 2008. 388 p.
- Actual problems of logistics. Monografia : edited by A. Sladkowski. Gliwice. 2012. P. 28–29.
- Angheluta A., Costea C. Sustainable go-green logistics solutions for Istanbul metropolis. Transport problems. 2011. Vol. 6 issue 2. P. 59–67.
- Воронков А. Н., Точков А. Г., Вакуленко Р. Я. Направления применения «зеленых» технологий в логистике // Вестник СамГУПС. 2012. № 2. ISSN 2079-6099.
- Кизим А., Кабертай Д. Современные тренды «зеленой» логистики в условиях глобализации // Логистика. 2013. № 1. С. 46–49.
- Об экологической стратегии ОАО «РЖД» на период до 2015 года и на перспективу до 2030 года : Распоряжение от 13.02.2009 № 293-р.

8. Гаврюшков Е. Н. Методические основы выработки управленческих решений при управлении процессом организации мультимодальных перевозок грузов : дисс. ... на соиск. уч. ст. канд. техн. наук. Владивосток. 2006. 228 с.
9. Solntsev A. Sustainable development in Logistics. The RZD-Partner international. 2014. № 3 (39). С. 31–32.
10. Facts on the rail supply industry. UNIFE the European Rail Industry Association. 2014. С.8.
11. Морозов К. Кому мешает общественный транспорт. Протранспорт. Пассажирский транспорт (спецвыпуск). 2014. С. 26–28.
12. Башмаков И. А., Мышак А. Д. Российская система учета повышения энергоэффективности и экономии энергии. М. : Центр по эффективному использованию энергии (ЦЭНЭФ). 2012.
13. Экологически чистый транспорт. URL: <http://www.autodesk.ru/adsk/servlet/pc/item?siteID=871736&id=15667376>. (дата обращения: 19.02.2015).
14. Журавская М. А., Казаков А. Л., Парсюрова П. А. О размещении остановочных пунктов при осуществлении мультимодальных пассажирских перевозок // Транспорт Урала. 2012. № 4 (35). С. 50–53. ISSN 1815-9400.
15. Брусянин Д. А., Сай В. М., Вихарев С. В. Обоснование транспортных средств на маршрутной сети регулярных автомобильных и железнодорожных пассажирских перевозок // Вестник УрГУПС. 2013. № 1 (17). С. 50–64. ISSN 2079-0392.
16. Журавская М. А., Макаренко И. О. Роль и задачи железнодорожного транспорта при организации мультимодальных перевозок (на примере лесных грузов) // Инновационный транспорт. 2012. № 3 (4). С. 47–52. ISSN 2311-164X.
17. Журавская М. А., Макаренко И. О. Контейнерные перевозки как точка роста логистического бизнеса ОАО «РЖД» // Транспорт Урала. 2013. № 3 (38). С. 74–79. ISSN 1815-9400.
18. Сай В. М., Брусянин Д. А. Этапы создания маршрута «Городская электричка» // Экономика железных дорог. 2014. № 12. С. 68–78. ISSN 1727-6500.
19. Пискулова Н. Преимущества и недостатки «зеленых» технологий. URL: <http://ecology.ru.livejournal.com/1070555>. (дата обращения: 21.01.2015).
20. Центр международных исследований факультета международных отношений Белорусского государственного университета. URL: <http://www.mfa.gov.by/>. (дата обращения: 21.01.2015).
21. Лемперт А. А., Казаков А. Л., Бухаров Д. С. Математическая модель и программная система для решения задачи размещения логистических объектов / Управление большими системами : сборник трудов. 2013. № 41. С. 270–284.
22. Казаков А. Л., Лемперт А. А., Бухаров Д. С. Об одном численном методе решения некоторых задач оптимизации, возникающих в транспортной логистике // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. № 6 (53). С. 6–12. ISSN 1814-3520.
23. Зеленой, а то проиграешь // РЖД-Партнер. 2014. № 22. С.1

References

1. Alexandrova K. The links of one Chain. The RZD Partner International 2014. № 3 (39). — P. 38–39.
2. Günter E. Ökologieorientiertes Management Stuttgart: Lucius und Lucius, 2008. 388 p.
3. Actual problems of logistics. Monografia : edited by A. Sladkowski. Gliwice. 2012. P. 28–29.
4. Angheluta A., Costea C. Sustainable go-green logistics solutions for Istanbul metropolis. Transport problems. 2011.Vol. 6 issue 2. P. 59–67.
5. Voronkov A. N., Tochkov A. G., Vakulenko R. Ya. Napravleniya primeneniya «zelenykh» tekhnologiy v logistike [Fields of application of «green» technologies in logistics] // Vestnik SamGUPS. 2012. № 2. ISSN 2079-6099.
6. Kizim A., Kabertay D. Sovremennye trendy «zelenoy» logistiki v usloviyakh globalizatsii [Modern trends of «green» logistics in the context of globalization] // Logistika. 2013. № 1. P. 46–49.
7. Ob ekologicheskoy strategii ОАО «RZD» na period do 2015 goda i na perspektivu do 2030 goda: Rasporyazhenie ot 13.02.2009 № 293-r [Regarding environmental strategy of JSC «Russian Railways» for the period up to 2015 and for long-term perspective up to 2030 : Order of 13.02.2009. № . 293-p].

8. Gavryushkov E. N. Metodicheskie osnovy vyrabotki upravlencheskikh resheniy pri upravlenii protsessom organizatsii multimodalnykh perevozok грузов : diss. ... na soisk. uch. st. kand. tekhn. nauk. [Methodical basis for administrative decision making in multimodal transport management: PhD in Engineering Thesis] Vladivostok. 2006. 228 s.
9. Solntsev A. Sustainable development in Logistics. The RZD-Partner international. 2014. № 3 (39). С. 31–32.
10. Facts on the rail supply industry. UNIFE the European Rail Industry Association. 2014. С. 8.
11. Morozov K. Komu meshaet obshchestvennyy transport. [Who is bothered by public transport.] Protransport. Passazhirskiy transport (spetsvypusk). 2014. p. 26–28.
12. Bashmakov I. A., Myshak A. D. Rossiyskaya sistema ucheta povysheniya energoeffektivnosti i ekonomii energii. [Russian system for accounting energy efficiency improvement and energy saving.] М. : Tsentr po effektivnomu ispolzovaniyu energii (TsENEF). 2012.
13. Ekologicheski chistyiy transport. [Environmentally friendly transport.] URL: <http://www.autodesk.ru/adsk/servlet/pc/item?siteID=871736&id=15667376>. (date accessed: 19.02.2015).
14. Zhuravskaya M. A., Kazakov A. L., Parsyurova P. A. O razmeshchenii ostanovochnykh punktov pri osushchestvlenii multimodalnykh passazhirskikh perevozok [Regarding placement of stopping points for multimodal passenger transport.] // Transport of the Urals. 2012. № 4 (35). p. 50–53. ISSN 1815-9400.
15. Brusyanin D. A., Say V. M., Vikharev S. V. Obosnovanie transportnykh sredstv na marshrutnoy seti regul'yarnykh avtomobilnykh i zheleznodorozhnykh passazhirskikh perevozok [Justification of vehicles for the route network of regular road and rail passenger transport] // Herald of USURT. 2013. № 1 (17). p. 50–64. ISSN 2079-0392.
16. Zhuravskaya M. A., Makarenko I. O. Rol i zadachi zheleznodorozhnogo transporta pri organizatsii multimodalnykh perevozok (na primere lesnykh грузов) [The role and tasks of railway transport in the organization of multimodal transport (by the example of timber)] // Innovatsionnyy transport. 2012. № 3 (4). p. 47–52. ISSN 2311-164X.
17. Zhuravskaya M. A., Makarenko I. O. Kontreylernye perevozki kak tochka rosta logisticheskogo biznesa OAO «RZD» [Piggy-back transportation as a point of growth of the logistics business of JSC «Russian Railways»] // Transport of the Urals. 2013. № 3 (38). p. 74–79. ISSN 1815-9400.
18. Say V. M., Brusyanin D. A. Etapy sozdaniya marshruta «Gorodskaya elektrichka» [Steps for creating the «Urban Train» route] // Ekonomika zheleznnykh dorog. 2014. № 12. p. 68–78. ISSN 1727-6500.
19. Piskulova N. Preimushchestva i nedostatki «zelenykh» tekhnologiy. [Advantages and disadvantages of «green» technologies.] URL: <http://ecology-ru.livejournal.com/1070555>. (date accessed: 21.01.2015).
20. Center for International Studies, Department of International Relations of the Belarusian State University. URL: <http://www.mfa.gov.by/>. (date accessed: 21.01.2015).
21. Lempert A. A., Kazakov A. L., Bukharov D. S. Matematicheskaya model i programmna-ya sistema dlya resheniya zadachi razmeshcheniya logisticheskikh ob'yektov [Mathematical model and software system to solve the problem of allocation of logistics facilities] / Upravlenie bolshimi sistemami : sbornik trudov. 2013. № 41. p. 270–284.
22. Kazakov A. L., Lempert A. A., Bukharov D. S. Ob odnom chislennom metode resheniya nekotorykh zadach optimizatsii, vznikayushchikh v transportnoy logistike [A numerical method for solving some optimization problems arising in transport logistics] // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2011. № 6 (53). P. 6–12. ISSN 1814-3520.
23. Zeleney, a to proigraesh [Go green or lose] // RZD-Partner. 2014. № 22. S.1

Статья сдана в редакцию 18 февраля 2015 года

К.В. Корсаков

Концепт эквивалентности как связующее звено между идеей социальной справедливости и институтом уголовного наказания

UDC 343.01

K. V. Korsakov

The concept of equivalence as a link between the idea of social justice and the institute of criminal punishment

Аннотация

В данной научной статье рассматривается злободневная и актуальная теоретическая проблема, находящаяся в центре современного философско-правового научного поиска, — соотношение идеи социальной справедливости и института уголовного наказания посредством анализа их связующего элемента — идеи эквивалентности (соразмерности).

Работа имеет междисциплинарный характер и написана на стыке теоретической юриспруденции, пенологии, криминологии и философии права. При написании статьи были использованы методы абстрагирования, анализа и синтеза, моделирования, а также формально-логический и диалектический методы познания.

Обоснованно и аргументировано указывается на некорректность попыток выделения коммуникативной справедливости как первичной по отношению к дистрибутивной справедливости. В составляющие социальной справедливости помимо общеизвестных

и принятых в правовой доктрине общественных и частного элементов предлагается включать компонент, который бы отражал государственную волю по отношению к первой.

Автором дан критический анализ ряда наиболее распространенных в юридической и философской науках подходов к объяснению принципа равновозмездности в феноменологии уголовного наказания и представлениях общественного большинства о социальной справедливости. Сформулированы выводы о причинах прослеживаемой тесной связи принципа эквивалентности с публичным правом и моральными установками.

Пенологический концепт эквивалентности, закрепленный не только в Уголовном кодексе Российской Федерации, но и в законодательстве многих развитых западноевропейских стран, не смог быть опровергнутым целым рядом исследователей. Автором аргументировано доказывается, что принцип равновозмездности

выступает связующим звеном между вневременными представлениями людей о социальной справедливости и уголовным наказанием как отражением идей социальной справедливости и общественного порядка.

Указывается на опасность развития теорий наказания, пенологических доктрин и концепций, не знающих демаркаций и границ вмешательства в сферу правовых благ, свобод и интересов человека, которые отрицают принцип эквивалентности уголовного наказания. Утверждается, что фиксация принципа равновозмездности не только в действующем законодательстве, но и в области массовой компонентов обыденного правосознания требует обязательного учета при проведении последовательной уголовной политики.

Ключевые слова: уголовное наказание; принцип эквивалентности; воздаяние; кара; государственное принуждение; талион; реагирование на преступление; социальная справедливость.

Константин Владимирович Корсаков, канд. юр. наук, доцент; старший научный сотрудник отдела права Института философии и права УрО РАН; Екатеринбург, Россия. E-mail: korsakovekb@yandex.ru.

Konstantin Vladimirovich Korsakov, PhD in Law, Associate Professor; Senior Researcher, Law Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences; Ekaterinburg, Russia. E-mail: korsakovekb@yandex.ru.

Статья подготовлена при поддержке гранта президента Российской Федерации № МК-6928.2015.6.

The article was prepared with the support of the grant of the President of the Russian Federation № МК-6928.2015.6

Summary

This scientific article addresses topical and relevant theoretical problem, which lies in the center of modern philosophical and legal scientific research: the relationship between the idea of social justice and the institution of criminal punishment through analysis of their binding element — the idea of equivalence (proportionality).

The paper is interdisciplinary in nature and is written at the interface of theoretical law, penology, criminology and law philosophy. Working on the article, the author employed abstraction, analysis and synthesis, simulation methods, as well as formal logical and dialectical cognition methods.

Unreasonableness of attempts to highlight communicative justice as primary in relation to distributive justice is shown in a reasonable and supportable manner. It is proposed

to add to social justice components, in addition to well-known and established in the legal doctrine public and private elements, a component that reflects the will of the state in relation to the former.

The author provides critical analysis of some of the most common approaches in the legal and philosophical science to explanation of the principle of equal retribution in phenomenology of criminal punishment and public concept of social justice. Conclusions are formulated about the causes of strong observed correlation between the equivalence principle and public law and moral precepts.

A number of researchers failed to refute the penological equivalence concept, enshrined not only in the Criminal Code of the Russian Federation, but also in the legislation of many developed Western countries. The author convincingly proves

that the principle of equal retribution acts as a link between timeless human views of social justice and criminal penalty as a reflection of the ideas of social justice and public order.

The author points to the danger of the development of theories of punishment, penological doctrines and concepts that have no limits, intervening in the field of legal benefits, freedoms and interests of human, and deny the principle of equivalence of criminal punishment. It is argued that the idea of capturing the principle of equal retribution not only in the current legislation, but also as a component of ordinary legal consciousness, must be taken into account in consistent criminal policy-making.

Keywords: criminal penalties; the principle of equivalence; retribution; punishment; state coercion; talion; response to crime; social justice.

Социальная справедливость все больше рассматривается не просто как общественная добродетель, универсальная этико-философская категория, а как примат системы принципов общественной организации, основной критерий жизнеобеспечения, и поэтому происходит упрочнение и развитие аксиологических подходов к пониманию правовой культуры, базовой ценностью для которой является идея справедливости. В этой связи концепции справедливости античных философов, прежде анализировавшиеся лишь немногими правоведами (С. С. Алексеевым, В. С. Нерсесянцем, Нено Неновски) в рамках традиций, заложенных еще М. Монтенем и В. фон Гумбольдтом, сегодня все чаще осмысливаются в работах ученых-юристов [3].

В центре исследовательского внимания оказываются учение Сократа, для которого справедливость — это воздаяние каждому по заслугам, теория Платона, определявшего справедливость в его «Законах» как равное воздаяние

неравным, согласно с их природой, воззрения Аристотеля, разработавшего реализованную затем в прецедентной системе права, концепцию правосудия как процесса восстановления справедливости, а наказания — как справедливого воздаяния. Показательна тенденция, которая прослеживается в трудах исследователей, обращающихся к выделенным еще Аристотелем двум видам справедливости — уравнивающей (коммуникативной) и распределительной (дистрибутивной): большинство из них (Д. Ролз, В. В. Степанян) подчеркнуто отмечают, что первая форма вторична по отношению ко второй.

Подобное ранжирование, проистекающее, быть может, из желания подтвердить максимуму справедливости современного периода — «Не всем одно и то же, а каждому свое, ибо для неравных равное стало бы неравным» — неоправданно, так как момент возникновения уравнивающей (репрессивной, воздающей) справедливости и ее первоначальной формулы — принципа та-

лиона, распространявшегося на нарушавших формальное равенство, основу, базовую ценность указанного исторически первого вида справедливости. Представления о таком виде справедливости вытекают из самой природы человека, естества его первоначального свободного состояния и солидарности как одного из интегрирующих факторов в процессе социогенеза, хронологически предшествует времени появления так называемой дистрибутивной справедливости. Нормативы последней позже наслоились на стандарты и схемы, предлагаемые воздающей, и были призваны скорректировать их исходя из осознания обозначавшегося по мере социального развития естественного неравенства людей.

Однако формулы коммуникативной справедливости от эволюционировавшего материального подхода и связанного с ним сугубо механического воздаяния (правила талиона) до метафизического, позволяющего, согласно Г. В. Ф. Гегелю, подвести преступника «под тот самый способ действия, который он установил, и тем самым восстановить нарушенное им равенство» [2], признающие справедливым одинаково прилагающееся ко всем и требующие равного отношения к представителям всего человеческого рода и поэтому устанавливающие границы свободы усмотрения дистрибьютора в ходе его деятельности, являются не только первичными, но и стержневыми для идеи справедливости.

Их положение как в дихотомии двух форм справедливости, так и в массиве, образованном заданными ими стандартами, отражено и в правовой сфере, в этом плане показательны примеры, которые приводит А. Ф. Черданцев: «Нормы о возмещении вреда основываются на принципе равенства, эквивалентности... УК РФ также ориентирован на формулу равенства, принцип соответствия тяжести наказания тяжести преступления (ст. 6 УК РФ), но этот принцип корректируется формулой, требующей учета особенностей, напри-

мер, субъекта преступления: ... с учетом личности закон допускает снижение наказания» [8].

По мнению профессора Ю. В. Голика, «именно с уголовным правом большая часть населения связывает оценку права вообще как справедливого или несправедливого» [5], и как в уголовном праве, так и на уровне общественной психологии проблема справедливости связана прежде всего с принципами воздаяния, эквивалентной кары за преступление, именно с ними законодатель увязывает идею справедливости в уголовном праве.

В то же время в нормах ныне действующего уголовного закона, выражающих его стремление к торжеству справедливости, используется понятие, в которое в последнее время универсализируется справедливость вообще, — «социальная справедливость».

В социальной справедливости как одной из целей уголовного наказания И. Я. Козаченко выделяют два компонента: восстановление общественной справедливости и индивидуальной (личной) справедливости относительно пострадавшего от преступления.

Первая составляющая связывается им с неотвратимостью уголовной ответственности и наказания, которая, будучи напрямую связана с идеей справедливости в слоях правосознания народа, так и не нашла своего законодательного закрепления в виде принципа российского уголовного законодательства, вобравшего, тем не менее, большую часть идей Ч. Беккариа, помещавшего неизбежность наказания на вершину иерархии средств, предупреждающих совершение преступлений, и с обязанностью понести наказание, соответствующее тяжести совершенного им преступления.

При этом, на наш взгляд, этот правовед правильно говорит о приоритете данного аспекта социальной справедливости в уголовном праве по отношению к ингредиенту, требующему возмещения имущественного ущерба и морального вреда потерпевшему, удовлетворения его чувства обиды. Такой же

подход, выражающий публичные начала уголовного права, отражен в работах известных теоретиков современности, воплощен в Тезисе 3 Манифеста юриста-антиглобалиста, в котором указывается на необходимость перехода от концепции ультраиндивидуализма к «доктрине общественной безопасности и обеспечения прав большинства населения, без чего невозможно гарантировать права каждого отдельного человека» [7].

Думается, что под таким углом зрения, помимо элементов, выражающих задачи соответствия публичным воззрениям (всеобщей, общественной, коллективной воле) и удовлетворения приватных (частных, личных, индивидуальных, партикулярных) чувств, будет оправданным включение в составляющие социальной справедливости компонента, который бы отражал таковые по отношению к государственной воле (законодательному интересу); ведь еще М. Фуко писал, что «наказание есть также способ, каким добиваются возмездия одновременно личного и государственного, поскольку физическо-политическая сила государя в каком-то смысле присутствует в законе» [10].

Даже если представлять политическую волю исключительно как объективирующую социальную волю, а ее властный ресурс — как некую эманацию силы общественного воздействия, нельзя отрицать имеющий при этом место момент преломления последней и, скажем более, привнесение собственного, отражающего интересы государства, неразрывно, тем не менее, связанные с высокой целью достижения общественного блага.

Фундаментальный для уголовно-правовой концепции справедливого возмездия принцип эквивалентности отражен в ст. ст. 6 и 60 УК РФ; он сформулирован как соответствие тяжести уголовного наказания параметрам общественной опасности преступления, раскрывающее нам суть принципа справедливости, который, в свою очередь, предстает ядром, базисом современной

идеи права и выражает высшие гуманистические идеалы и аксиологические ориентиры эпохи, указывающее также на логику построения санкций статей уголовного законодательства, на дифференциацию наказания за отличные по характеру и степени общественной опасности преступные деяния.

На современном этапе развития российской правовой культуры, в рамках ныне существующей системы нравственных ценностей и правосознания, чрезмерное либо недостаточное наказание подрывает идею социальной справедливости.

Однако рассматриваемая нами пропорциональность (эквивалентность) отнюдь не означает, что объем налагаемого уголовного наказания коррелятивен лишь с тяжестью последствий преступления: уголовная кара должна уравновешиваться не только с ущербом, нанесенным преступлением вредом, но и с обстоятельствами его совершения, характерологическими качествами преступника и иными факторами, которые детерминировали его противоправное поведение, хотя и нельзя не согласиться с замечаниями Н. Рулана, что в большинстве своем в уголовных кодексах современности наказание «в меньшей степени зависит от совершенной ошибки (в какой мере виновный мог предвидеть или хотеть последствий совершенного им акта), нежели от результата деяния (характера и тяжести нанесенных ран): здесь ясно просматривается тенденция к объективной оценке нанесенного ущерба» [9].

Помимо наблюдаемой тенденции в позитивном праве, ряд российских философов и юристов (Р. Р. Абдуллин, Е. М. Телкова), попирая принцип индивидуализации наказания, зигждущийся на представлениях о степени вины и мотивации, пишут, что совокупность личностных обстоятельств, психологические свойства и моральные качества субъекта преступления не должны выступать в качестве одного из оснований дифференциации уголовной ответственности.

Возражая против подобного подхода, отметим, что задолго до идей классической школы уголовного права и ее английских последователей (В. Блэкстоуна, У. Идена, Д. Стифена и др.), выдвинувших знаменитый лозунг — «Пусть наказание соответствует преступлению» — и указавших на необходимость учета при этом субъективной стороны деяния, в 1640 г. английский правовед и философ Д. Сельден писал, что «уголовное наказание должно быть соизмеряемо с совершенным преступлением» [1] и находил обязательным принятие во внимание не только суммы наступивших негативных последствий, но и интенсивности проявления злой воли (*mens rea* в британской уголовно-правовой традиции).

Концепция свободной воли является центральной в учении классиков, которые дополнили ее переосмысленной ими доктриной возмездия и предложили свою систему уголовного правосудия, сохранявшую начала воздаяния, но гипотеза абсолютной свободы выбора поведенческих решений и сама категория свободы использовались в виде отправного пункта при рассмотрении и оценке принципа соразмерности многими приверженцами теории возмездия, выступали звеньями их стройных логических систем [4].

На наш взгляд, данный принципиально новый подход был детерминирован результатами непрекращающегося развития идеи эквивалентности, долгого поиска равноценного эквивалента, обнаруженного на определенном этапе в свободе человека, поэтому юристы-кантианцы (А. Гейер, К. Цехарие), апологеты теории материального возмездия И. Канта, исходя из воззрений на преступное деяние как покушение на свободу другого индивида видели суть наказания в лишении свободы, измеряя его размер сроком лишения свободы, соответствующим степени насилия над человеческой свободой, иные же ученые — криминалисты-гегельянцы (Ю. Абегт, К. Кестлин), приверженцы теории диалектического воз-

мездия Г.В.Ф. Гегеля — говорили, что преступлением каждый раз отрицается чужая свобода, а уголовное наказание, посредством которого к человеку прилагается та же самая мерка, которую он сам прилагает к другим людям, восстанавливается социальная справедливость и авторитет нарушенного преступным актом закона представляет собой отрицание этого отрицания.

Пенологический концепт эквивалентности в его современном понимании, закрепленный не только в УК РФ, но и в законодательстве многих развитых западноевропейских стран, пыталась опровергнуть группа немецких правоведов под началом немецкого профессора Э. Дреера: выдвинув гипотезу, что справедливое и, следовательно, соответствующее преступлению наказание определяется рамками закона, которые социально и исторически обусловлены и изменчивы, а потому не могут сводиться к абсолютно определенным санкциям, и вторую гипотезу, сведенную к утверждению, что точно соответствующее деянию и, следовательно, справедливое наказание не должно зависеть от установленного в законе, германские теоретики ввиду явного логического противоречия между двумя гипотезами пришли к выводу, что принцип соответствия неопровержим.

Как верно отмечал М. Н. Марченко, принцип эквивалентности в равновозмездной модели реагирования на преступные посяательства долгое время противостоял так называемой доктрине устрашения (известной также под названием «теория гипертрофированной социальной превенции») [6], превращение которой в жизнь в сфере пенитенциарной практики было сопряжено с безмерными наказаниями, призванными внушать страх, тревогу и тем самым повышать эффективность карательного воздействия.

Помимо указанной выше концепции, пенологическая доктрина справедливого возмездия и принцип эквивалентности уголовного наказания преступлению подвергались критике либо отвергались

целым рядом криминологических школ и учений. Последние брали свое начало из позитивистского и социологического направлений в криминологии, в рамках которых были разработаны, основанная на выдвинутой К. Грольманом идее преступной воли (предложенная им модель предупредительного принуждения), доктрина опасного состояния (А. Принс, Ж. Пинатель), неоломброзианские теории (Э. Хуттон, Э. Кречмер) и концепция социальной защиты (Ф. Граматика, М. Ансель). Модель социальной защиты уже одним своим названием выдавала антагонизм по отношению к модели воздаяния, так как, в отличие от возмездия как справедливой расплаты за совершенное ранее, ретроспективного акта, не распространяющегося на образ мыслей и всегда направленного вспять, защита возможна только в отношении чего-либо будущего, не наступившего.

Отказываясь от возмездного характера уголовного наказания, а также от понятий «преступление» и «наказание», которые заменялись другими терминами и эвфемизмами, и гиперболизируя роль специальной превенции, их авторы предлагали обусловленные как антрополого-психическими, так и социокультурными факторами терапевтические меры социальной защиты и методы некарательного обращения с правонарушителями, средства медицинского и воспитательного воздействия вместо основанных на теоретических догматах и юридических конструкциях, представлениях о должном, справедливом системе уголовно-правовых способов реагирования.

Попытки сторонников названных принудительных мер, не знающих границ вмешательства в сферу правовых благ, свобод и интересов человека, подлежащего нейтрализации как носителя неустранимой общественной угрозы либо полному исправлению по завершении мероприятий, традиционных для лечебных и психиатрических

учреждений, в практике применения незамедлительно обнаруживали свою несостоятельность. Здесь отрицались принцип эквивалентности наказания и вина как объективный критерий оценки преступного поведения; попытки остаться в рамках правового подхода оказывались неудачными, так как эквивалентная кара, наказание на началах равновозмездности, преимущественно рассматриваемые как сугубо правовая и справедливая реакция на преступление вместе с презумпцией невиновности, идеей свободы воли, институтом уголовной ответственности и иными современными теоретическими наполнителями уголовно-правовой материи составляют единое и завершенное логическое целое. Исключение же любого его элемента или звена приводит к разрушению всего метафизического фундамента, на котором покоится система нормативных предписаний современного уголовного права; также от этого страдает неразрывно связанный с позитивным правом механизм предупредительных мероприятий в отношении преступности, переживающий в настоящее время кризисную ситуацию [3, 5].

В то же время следует признать, что идеи и результаты научной деятельности правоведов-детерминистов обратили на себя внимание многих исследователей и оказали большое воздействие на их разработки, связанные с проблемой ресоциализации осужденных за совершение преступления, заметно повлияли на направления, нацеленные на повышение эффективности работы по исправлению преступников как реализации одной из целей уголовного наказания, оживив при этом в очередной раз непрекращающиеся научные дискуссии по извечному вопросу о соотношении метафизического и практического, абсолютного и утилитарного, воздающей справедливости и целесообразности в институте уголовного наказания. ■

Литература

1. Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 321.
2. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 2. М., 1973. С. 47.
3. Корсаков К. В. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых на транспорте в условиях предкриминальных ситуаций // Вестник УрГУПС. 2012. № 3. С. 70. ISSN 2079-0392.
4. Корсаков К. В. Нравственность и право — сообщающиеся средства общественного упорядочивания и очерчивания поведенческих границ // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2008. № 2. С. 27. ISSN 2072-8549.
5. Корсаков К. В. Предупреждение преступных деяний корыстной направленности на железнодорожном транспорте в Российской Федерации // Вестник УрГУПС. 2011. № 4. С. 50. ISSN 2079-0392.
6. Корсаков К. В. Причины и условия возникновения институтов кровной мести и изгнания в социальной практике // Российский юридический журнал. 2005. № 4. С. 141. ISSN 2071-3797.
7. Кулыгин В. В. Этнокультура уголовного права. М., 2002. С. 180.
8. Общая теория государства и права. Т. 2 : учебник / под ред. М. Н. Марченко. М., 1998. С. 614.
9. Побегайло Э. Ф. Современная криминологическая ситуация и кризис российской уголовной политики // Российский криминологический взгляд. 2005. № 1. С. 35. ISSN 1997-4310.
10. Теория государства и права : учебник / под ред. А. Ф. Черданцева. М., 1999. С. 338.
11. Рулан Н. Юридическая антропология. М., 2000. С. 183.
12. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 72.

References

1. Budzinskiy S. Nachala ugovornogo prava. [Fundamentals of criminal law.] Warsaw, 1870. p. 321.
2. Gegel G. V. F. Raboty raznykh let. [Works of various years.] T. 2. M., 1973. P. 47.
3. Korsakov K. V. Viktimologicheskaya profilaktika prestupleniy, sovershaemykh na transporte v usloviyakh predkriminalnykh situatsiy [Victimological prevention of crimes committed on transport in pre-criminal context] // Vestnik UrGUPS. 2012. № 3. P. 70. ISSN 2079-0392.
4. Korsakov K. V. Nravstvennost i pravo — soobshchayushchiesya sredstva obshchestvennogo uporyadochivaniya i ocherchivaniya povedencheskikh granits [Morality and law as communicating means of public ordering and delineating behavioral boundaries] // Vestnik Uralskogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. 2008. № 2. P. 27. ISSN 2072-8549.
5. Korsakov K. V. Preduprezhdenie prestupnykh deyaniy korystnoy napravlenosti na zheleznodorozhnom transporte v Rossiyskoy Federatsii [Preventing venal criminal acts on railways in the Russian Federation] // Vestnik UrGUPS. 2011. № 4. P. 50. ISSN 2079-0392.
6. Korsakov K. V. Prichiny i usloviya vznikhoveniya institutov krovnoy mesti i izgnaniya v sotsialnoy praktike [Causes and conditions for emergence of blood vengeance and exile institutions in social practice] // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. 2005. № 4. P. 141. ISSN 2071-3797.
7. Kulygin V. V. Etnokultura ugovornogo prava. [Ethnic culture of criminal law.] M., 2002. P. 180.
8. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. [The general theory of state and law.] T. 2 : a textbook / under the editorship of M. N. Marchenko. M., 1998. p. 614.
9. Pobegaylo E. F. Sovremennaya kriminologicheskaya situatsiya i krizis rossiyskoy ugovornoj politiki [Modern criminological situation and the crisis of the Russian Criminal Policy] // Rossiyskiy kriminologicheskii vzglyad. 2005. № 1. P. 35. ISSN 1997-4310.
10. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik [Theory of state and law : a textbook] / under the editorship of A. F. Cherdantsev. M., 1999. p. 338.
11. Rulan N. Yuridicheskaya antropologiya. [Legal anthropology.] M., 2000. P. 183.
12. Fuko M. Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy. [Discipline and punish. Birth of the prison.] M., 1999. P. 72.

Статья сдана в редакцию 11 февраля 2015 года

Управление. Экономика

УДК 330.15

В. А. Антропов, Е. Н. Морозова

Экологический менеджмент в промышленности

UDC 330.15

V. A. Antropov, E. N. Morozova

Environmental management as a scientific sector of modern knowledge

(Окончание. Начало см.: Антропов В. А., Морозова Е. Н. Экологический менеджмент как научная отрасль современного знания // Вестник УрГУПС. № 4. 2014. С. 59.)

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы методологического подхода, который предполагает гибкое встраивание разработанной СЭМ как подсистемы целостной системы управления. Систематизируются проблемы устойчивости системы экологического менеджмента. От парадигмы переделывания природы под себя необходимо переходить к новой: возвращение человека к природе и обучение жизни с нею в гармонии. Дается авторское понимание методологии ЭМ. В связи с этим авторским коллективом УрГУПС создается система подготовки и повышения квалификации кадров в рамках проекта «RECOAUD — экологический менеджмент в российских компаниях».

Ключевые слова: экологическое производство; система экологического менеджмента; экологическая стратегия; экологическая безопасность; повышение квалификации.

Summary

This article discusses the issued of methodological approach, which involves flexible integration of the developed EMS as a subsystem in integrated management system. Stability issues of environmental management system are classified. It is necessary to replace the paradigm of adjusting nature according to human needs with the new one: return of man to nature and learning to live in harmony with it. The author's understanding of EM methodology is described. In this connection, USURT authors' team is working on personnel training and skills development system within the framework of the project «RECOAUD — environmental management in Russian companies».

Keywords: environment friendly production; environmental management system; environmental strategy; environmental safety; professional development.

Владимир Алексеевич Антропов, д-р экон. наук, профессор; кафедра «Управление в социальных и экономических системах» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: antrvl@list.ru.

Елена Николаевна Морозова, канд. экон. наук, доцент; кафедра «Экономика транспорта» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: EMorozova@usurt.ru.

Vladimir Alekseevich Antropov, DSc in Economics, Professor; «Management in Social and Economic Systems» Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: antrvl@list.ru.

Elena Nikolaevna Morozova, PhD in Economics, Associate Professor; «Transport Economics» Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: EMorozova@usurt.ru.

Гибкость внедрения системы экологического менеджмента (СЭМ) в промышленности предполагает рассмотрение и возможное использование гибридных структур управления, использующих как традиционные, так и виртуальные, облачные и другие современные структуры (см. [2]).

В статье [1, с. 70] нами обсуждался методологический подход, который предполагает гибкое встраивание разработанной СЭМ как подсистемы целостной системы управления. Такое встраивание повлечет за собой изменение не только внутренних элементов системы, но и потребует пересмотра видения и миссии развития предприятия, формирования политики в области ЭМ, обучения персонала работе в новых условиях. Это обязательное условие. На предприятиях, в том числе и железнодорожном транспорте, внедряя СЭМ, экономят на повышении квалификации сотрудников. Результат получается плачевный. Работники не знают, что им делать с теми видами отчетности, которые необходимо заполнить, и, как следствие, многие документы не информативны.

Разрабатываемая методология экологического менеджмента (ЭМ) должна учитывать не только внешнюю среду и соответственно на нее реагировать, но и внутреннюю. А это прежде всего люди, человеческие ресурсы предприятия, их психология, отношение к изменениям, организационная культура.

От парадигмы переделывания природы под себя нужно переходить к новой: возвращение человека к природе и обучение жизни с нею в гармонии. В этом направлении пока много лозунгов, мало дела.

Если все-таки руководители предприятия занялись внедрением СЭМ, то тут же встает на уровне здравого смысла финансовый вопрос: стоит ли внедрять систему ЭМ, если можно отделаться небольшим штрафом? Налицо рассогласование интересов бизнеса и общества. Здесь поможет только социальная ответственность бизнеса как не-

отъемлемая часть внешней и внутренней сред предприятия.

Социально ориентированная экономика автоматически снимет проблемы внедрения СЭМ на промышленных предприятиях, потому что из разряда желательных она переведет их в разряд обязательных к исполнению.

Эволюция производства заключалась в последовательном овладении человеком процессами функционирования природы. Управление в своих целевых и организационных параметрах было направлено на производство, на его развитие. Но оно до сих пор не учитывает экологических последствий развития производства.

Экология влияет и на окружающую человека среду, и на демографические, биосоциальные, социокультурные, социально-экономические, природопреобразовательные процессы развития человека и человечества в целом.

Экология все более политизируется, а политика экологизируется. Наглядный пример тому — деятельность «Гринписа». Экология все более влияет на человеческое измерение прогресса, общественную мораль, ценностные (аксиологические) подходы к управлению.

Сегодня необходимо создание системы экологического менеджмента, механизмов управления экологическими процессами как вне, так и внутри предприятий на базе современной методологии, то есть *целостное экологическое производство*.

Такое производство должно строиться на приоритетах обеспечения цивилизованной жизнедеятельности человека через гармонию своего развития в соответствии с законами развития природы. В этом аспекте современная стратегия управления экологическим производством — это целостный комплекс решения проблем формирования новых технологий, нового общественного сознания, новых тенденций развития производства, новых подходов и концепций управления, построенных на интеграции человека и природы [4].

Экология своими проблемами объединяет — редкий случай! — ноосферу Земли и конкретного человека, она вышла на уровень своего глобального осмысления с реализацией в каждом человеке.

И тут необходимо ввести в науку еще одно понятие: «глоболокализация» (З.Р. Жукоцкая, Л.Е. Ковалева). При рассмотрении проблем ЭМ оно более чем уместно наряду с уже широко используемыми «конвергенция», «коэволюция человека и природы» и др. Они активно дополняют понятийный аппарат проблем ЭМ.

Рассматривая системные проблемы экологии, ученые ввели понятие «экологическое производство». Его основные черты [3]:

- целевая установка на факторы интеграции и гармонии взаимоотношения человека и природы,
- диверсифицированное производство по критерию безотходности производственных процессов,
- производство с развитой научной компонентой, позволяющей находить экологически благоприятные технологии,
- экологическая среда цивилизованного рынка, главный фактор экономического успеха — экологичность продукции,
- экологическая культура персонала, базирующаяся на менталитете, образовании и новом образе жизни,
- экологическое качество — определяющий фактор экономического развития.

Можно согласиться с этими чертами (или установками) и назвать их существенными признаками понятия «экологическое производство».

А далее, борясь за чистоту понятий, можно предложить замену «экологического производства» на «экологически ориентированное производство».

Это «экологически ориентированное производство» и должна обеспечить новая отрасль экономики — экологический менеджмент как методология и теория подсистемы управления предприятием,

отвечающая потребностям и особенностям экологически ориентированного производства.

Если разрабатываемая методология ЭМ не встретит полного понимания ее необходимости со стороны реальной экономики, то она останется пустым звуком. Необходимо встречное движение.

Нам как работникам вузовской науки актуальность поднятых проблем понятна.

Но как убедить руководителей и персонал предприятий в необходимости внедрения СЭМ? И если проводить внедрение, то не только на бумаге и по документам, а реально обеспечить соблюдение стандартов в работе.

Для чего данная система? Что даст предприятию ее внедрение? Зачем использовать стандарты ISO 14000?

Разработка и внедрение систем экологического менеджмента — это:

- эффективный инструмент управления,
- сертификация системы ЭМ — требование рынка,
- сохранение и улучшение качества окружающей среды.

С помощью системы экологического менеджмента организация (предприятие) может управлять всей совокупностью своих воздействий на окружающую среду и приводить собственную деятельность в соответствие с разнообразными требованиями.

Проблемы устойчивости системы экологического менеджмента

Система экологического менеджмента — это прежде всего ряд планируемых и скоординированных управленческих действий, процедур, документов и регистров информации в рамках специальной структуры со своими функциями, отчетностью и ресурсами, направленными на предупреждение отрицательного воздействия на состояние окружающей среды, а также на содействие проведению мероприятий по сохранению или повышению качества окружающей среды.

Наличие сертификата по МС ISO 14000 подчеркивает устойчивость предприятия. ЕЭС, например, объявил о своем намерении допускать на рынок стран Содружества только ISO-сертифицированные компании.

Сейчас активно разрабатываются и внедряются СЭМ на предприятиях ОАО «Газпром». Одно из намерений экологической политики ОАО — учет экологических факторов при разработке политики закупок технологий, материалов и оборудования, выполнения работ и услуг подрядчиками; механизм же его реализации будет осуществляться «посредством закрепления в договорах с подрядчиками и поставщиками компании обязательств в области охраны окружающей среды в регионах, в которых предполагается осуществление деятельности компании» [3].

Клиенты, участвующие в международных сделках, банки и страховые компании все чаще стали требовать общепризнанную сертификацию систем экологического менеджмента на соответствие требованиям стандарта ISO 14001 в качестве доказательства, что организации можно доверять в области экологической деятельности с точки зрения непрерывного улучшения процесса решения экологических проблем.

Внедрение устойчиво функционирующей СЭМ — это повышение конкурентоспособности предприятия, так как экологические аспекты, связанные с продукцией и технологиями, могут играть существенную роль в международной конкуренции, снижении рисков появления барьеров в международной торговле.

Социально ответственные предприятия уже сейчас озабочены сохранением и улучшением качества окружающей

среды. Организации всех типов и масштабов все большее внимание обращают на уровень влияния своей деятельности, продукции или услуг на окружающую среду. Каждый руководитель любого предприятия осознает высокую степень ответственности за результаты деятельности своей организации перед нынешними и будущими поколениями и, следовательно, реализует принцип устойчивого развития*.

Роль делового сообщества в обеспечении устойчивого развития является одной из ключевых. Фактически именно бизнес реализует потребности человечества: обеспечивает их ресурсами, определяет эффективность использования ресурсов, осуществляет выбор между истощимыми и возобновимыми ресурсами.

Экологический менеджмент в каждой организации должен быть внесен в число корпоративных приоритетов высшего порядка, потому что именно он систематизирует подход компаний к вопросам, связанным с состоянием окружающей среды, и включение экологически значимых целей в стратегию бизнеса как ее неотъемлемых компонентов.

Развитие и саморазвитие системы экологического менеджмента

Внедренная СЭМ должна далее развиваться и саморазвиваться** в соответствии со своим жизненным циклом. Для этого должна быть отработана технология всех процессов.

Авторское понимание методологии ЭМ заключается в следующем:

— экологический менеджмент — это современная отрасль научного знания, находящаяся на второй стадии своего развития,

*Устойчивое развитие — это развитие общества, которое позволяет удовлетворять потребности нынешних поколений, не нанося ущерба возможностям будущих поколений по удовлетворению их собственных потребностей.

Вопросы устойчивого развития предприятий и организаций сейчас активно разрабатываются (В.О. Краснослободцев, В.В. Попков, С.Н. Бобылев, С.В. Соловьева, Ю.С. Власов). Имеющиеся материалы в полной мере могут обеспечить теоретическую базу для развития идей устойчиво функционирующей СЭМ.

**Теория саморазвития предприятий — это отдельная отрасль менеджмента. См., например: Антропов В.А., Морозова Е.Н. Кадровая политика саморазвития предприятий // Вестник УрГУПС. 2010. № 3. С. 95–104.

- ЭМ — это научная категория данной отрасли знания и основополагающее понятие в менеджменте,
- ЭМ граничит со многими гуманитарными и естественными науками, создавая эффект эмерджентности,
- информационное поле исследований ЭМ — это целостное ноосферное пространство, включающее в себя в том числе экологию человеческого разума, тем самым претендуя на глобальность, идеологическую платформу развития многих наук,
- ЭМ — это важнейший раздел современной формирующейся парадигмы развития человеческого общества, на базе отказа от идей общества потребления,
- ЭМ, являясь самостоятельной отраслью человеческого знания, пронизывает и другие науки, корректируя их развитие, создавая граничные условия для их развития.

Решение экологических проблем является одним из приоритетов развития России: органы государственной власти предпринимают действия, направленные на ужесточение государственного экологического контроля и повышение как административной, так и имущественной ответственности нарушителей природоохранного законодательства.

ОАО «РЖД» постоянно ищет пути эффективного использования всех видов ресурсов и снижения антропогенного воздействия на окружающую среду. В настоящее время обеспечение экологической безопасности такой отрасли промышленности, как железнодорожная характеризуется устойчивой динамикой снижения негативного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду, в первую очередь за счет реализации экологических программ, инвестиционных проектов и технического перевооружения, а также совершенствования действующей системы управления природоохранной деятельностью. Снижение

выбросов вредных веществ в атмосферный воздух от стационарных источников структурных подразделений ОАО «РЖД» снизилось за семь лет почти вдвое (рис. 1).

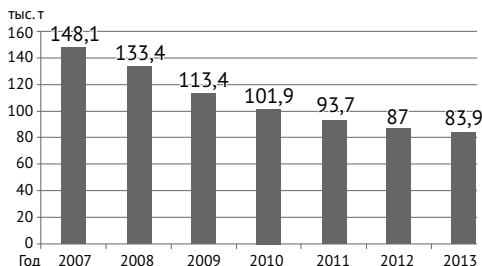

Рис. 1. Выбросы вредных веществ в атмосферу от стационарных источников в железнодорожной отрасли, 2007–2013 гг., тыс. т [5, с. 6]

В рамках реализации Экологической стратегии ОАО «РЖД» на период до 2015 г. и на перспективу до 2030 г., за период с 2008 по 2013 г. по сравнению с 2007 (базовым) годом достигнуты следующие результаты: сокращение на 43 % выбросов вредных веществ в атмосферу от стационарных источников; сокращение эмиссии парниковых газов на 11 %; снижение на 26 % сбросов загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты; увеличение доли использования и обезвреживания отходов на 14,7 % от общего образования.

Динамика сокращения выбросов вредных веществ в атмосферный воздух, уменьшение объемов водопотребления, водоотведения, увеличение доли использования и обезвреживания отходов от общего образования является результатом успешной реализации инвестиционных проектов, совершенствования системы управления природоохранной деятельностью и повышения экологической ответственности ОАО «РЖД». На рис. 2 представлена концептуальная модель природоохранной деятельности ОАО «РЖД», составляющей систему экологического менеджмента.

	Управление и администрирование	Развитие природоохранной деятельности	Природоохранные мероприятия	Экологический контроль и мониторинг	Взаимодействие с надзорными и контролирующими органами
Стратегия		Программа развития Планирование инвестиций	Программа реализации стратегии Программа управления выбросами, сбросами, отходами	Программа экологического мониторинга и контроля	Политика взаимодействия с надзорными, контролирующими и сертифицирующими органами
Управление и контроль	Управление эффективностью природоохранной деятельности Бюджетирование природоохранной деятельности Формирование позитивного имиджа в части экологической безопасности Организация работы координационных и совещательных органов	Методология, регламентация, нормирование природоохранной деятельности Управление развитием ИТ-решений	Управление экологическими рисками Контроль за эксплуатацией природоохранных объектов Стандартизация управления отходами (кадастр, нормирование, регламентация, в т.ч. по отходам 4 класса опасности)	Методология, регламентация проведения производственного экологического контроля Методология, регламентация проведения экологического аудита Анализ полученных результатов природоохранной деятельности Контроль соблюдения природоохранного законодательства	Взаимодействие с надзорными органами по разработке стандартов, ТУ, нормативов, разрешениям на выбросы и пр. Взаимодействие с ОИВ субъектов РФ. Идентификация законодательных требований Сертификация СЭМ в международных сертифицирующих органах
Исполнение	Обучение персонала Эксплуатация экологических ИТ-систем Экологическое страхование	Проведение НИР Реализация инвестиционных природоохранных проектов	Выполнение природоохранных мероприятий Ликвидация экологического ущерба от производственной деятельности и аварийных ситуаций, в том числе последствий прошлых лет Работа с отходами, в т.ч. со шпалами (обезвреживание, сбор, сортировка, хранение, переработка, реализация, утилизация) Учет и отчетность	Производственный экологический контроль и мониторинг (проведение измерений, анализов, инвентаризация источников выбросов и сбросов) Экологический аудит Информирование подразделений о фактическом воздействии на окружающую среду	Расчет экологических и иных платежей Защита интересов холдинга в надзорных органах и судах Получение разрешительной документации Лицензирование Формирование установленной отчетности для контролирующих органов

Рис. 2. Концептуальная модель природоохранной деятельности холдинга

Таким образом, все недочеты внедрения СЭМ учтены в представленной на рис. 2 модели, включая обучение персонала и планирование развития.

На сегодняшний день активно идет процесс внедрения СЭМ на передовых предприятиях России, однако до сих пор еще не преодолен дух протеста коллектива этих предприятий против подоб-

ных инноваций. Любой коллектив сопротивляется изменениям, в т. ч. и внедрению СЭМ. В связи с этим актуально создание систем подготовки и повышения квалификации кадров в этом аспекте как на передовых предприятиях, так и в университетах. Такая программа обучения разрабатывается нами в рамках проекта [6]. ■

Литература

1. Антропов В. А., Морозова Е. Н. Экологический менеджмент как научная отрасль современного знания // Вестник УрГУПС. № 4. 2014. С. 59–71. ISSN 2079-0392.
2. Антропов В. А., Морозова Е. Н. Кадровая политика саморазвития предприятий // Вестник УрГУПС. 2010. № 3. С. 95–104. ISSN 2079-0392.
3. Коротков Э. М. Концепция российского менеджмента. М. : ДеКА, 2004. 896 с. ISBN 5-89645-036-2.
4. Радченко В. И., Рачек С. В., Бельский А. Ю. Методология согласования управленческих решений // Экономика железных дорог. 2012. № 3. С. 97. ISSN 1727-6500.
5. Экологическая стратегия ОАО РЖД на период до 2017 года и на перспективу до 2030 года. Утверждена распоряжением президента ОАО «РЖД» № 1143р от 12 мая 2014 г.
6. RECOAUD — экологический менеджмент в российских компаниях 544024 : TEMPUS-1-2013-1-DE-TEMPUS-JPHES. Дрезден. Technische Universität Dresden, 2013.

References

1. Antropov V. A., Morozova E. N. Ekologicheskiy menedzhment kak nauchnaya otrasl sovremennogo znaniya [Environmental management as a scientific branch of modern knowledge] // Herald of USURT. № 4. 2014. p. 59–71. ISSN 2079-0392.
2. Antropov V. A., Morozova E. N. Kadrovaya politika samorazvitiya predpriyatiy [Self-development HR policy of enterprises] // Herald of USURT. 2010. № 3. p. 95–104. ISSN 2079-0392.
3. Korotkov E. M. Kontseptsiya rossiyskogo menedzhmenta. [Russian management concept] M. : DeKA, 2004. 896 p. ISBN 5-89645-036-2.
4. Radchenko V. I., Racheck S. V., Belskiy A. Yu. Metodologiya soglasovaniya upravlencheskikh resheniy [Methodology for approval of managerial decisions] // Ekonomika zheleznikh dorog. 2012. № 3. P. 97. ISSN 1727–6500.
5. Environmental Strategy of the Russian Railways for the period up to 2017 and up to 2030. Approved by order of the President of JSC «Russian Railways» № 1143r on May 12, 2014.
6. RECOAUD — environmental management in Russian companies 544024: TEMPUS-1-2013-1-DE-TEMPUS-JPHES. Drezden. Technische Universität Dresden, 2013.

Статья сдана в редакцию 16 февраля 2015 года

УДК 656.2 (09)

А. А. Конов

Оплата труда на железнодорожном транспорте Урала в 1956–1990 гг.

UDC 656.2 (09)

А. А. Konov

Remuneration of labour in Urals railway industry in 1956–1991

Аннотация

В статье раскрыта проблема совершенствования системы оплаты труда работников железнодорожного транспорта в условиях интенсивной модернизации. Показаны основные принципы советской государственной политики по материальному стимулированию эффективного труда для обеспечения успешной модернизации транспорта, создания кадровой базы для развития научно-технического прогресса на транспорте. В 1956–1991 гг. в связи с реализацией Генерального плана электрификации железных дорог заработная плата рабочих и служащих транспорта была существенно увеличена и перестала тяготеть к прожиточному минимуму. Однако в оплате труда различных категорий работников возобладал уравнилительный принцип, согласно которому разрыв в оплате труда специалиста и рабочего стал сокращаться, обесценивая инженерный интеллектуальный труд. В результате произошло падение престижа инженерно-технического труда на транспорте, что подрывало основы модернизации транспорта, противоречило логике ее развития. Как следствие, увеличилась текучесть специалистов и квалифицированных рабочих на транспорте.

Ключевые слова: оплата труда; модернизация на транспорте; стимулирование труда; тарифная ставка; должностной оклад.

Summary

The article deals with the problem of improving the system of remuneration of railway workers in the context of intensive modernization. The basic principles of the Soviet state policy of providing financial incentives for effective work are shown that ensured successful modernization of transport sector and created talent pool for the purpose of fostering scientific and technical progress in transport industry. In 1956–1991, in connection with implementation of the Railway Electrification Master Plan, wages of workers and employees of transport industry were significantly increased and no longer gravitated towards subsistence minimum. However, egalitarian principle prevailed in the pay of various categories of workers, reducing wage gap between skilled engineers and blue collars, which devaluated intellectual labor of engineers. The result was a decline of status of transport engineers, undermining the basis for modernization of transport industry, contrary to the logic of its development. As a consequence, turnover of engineers and skilled workers in transport industry increased.

Keywords: remuneration of labor; modernization of transport industry; labor incentives; tariff rate; salary.

Алексей Александрович Конов, канд. ист. наук, доцент; кафедра «Философия и история» Уральского государственного университета путей сообщения; Екатеринбург, Россия. E-mail: alek.konov2012@yandex.ru.

Aleksey Aleksandrovich Konov, PhD in History, Associate Professor; «Philosophy and History» Department, Ural State University of Railway Transport; Ekaterinburg, Russia. E-mail: alek.konov2012@yandex.ru.

Оплата труда является ключевой проблемой любого производственного процесса. Политика в области оплаты труда непосредственно определяет жизненный уровень каждого работника и его семьи, оказывает решающее влияние на производительность труда работника, его желание трудиться. Вопрос оплаты труда приобретает особое значение в условиях интенсивной модернизации предприятия, когда становится необходимым материальное стимулирование эффективного труда и учебной деятельности работников по освоению научно-технических инноваций.

В связи с этим большой научный интерес сегодня приобретает изучение политики советского государства в области оплаты труда на транспорте в период его коренной технической реконструкции. Обращение к историческому опыту советского государства позволит не только провести параллели в решении социальных проблем современности, но и увидеть как положительные, так и отрицательные стороны многих решений и реформ в области оплаты труда в сложный период экономического развития страны и модернизации каждого предприятия.

В середине 50-х гг. XX в. проблема оплаты труда на транспорте находилась не только в поле зрения политики советского правительства, Министерства путей сообщения, но и требовала приоритетного развития.

Во-первых, несмотря на достигнутые результаты в ликвидации последствий войны 1941–1945 гг., они еще чувствовались на транспорте. Нерешенность многих социальных вопросов, даже таких, как стабильное снабжение продовольствием и водой приводили к заметному снижению работоспособности советских железнодорожников, росту недовольства в трудовых коллективах и даже резким выступлениям против руководства дороги, провоцировали высокую текучесть кадров на предприятиях.

Во-вторых, интенсивные модернизационные процессы в материально-технической базе железнодорожного транс-

порта во второй половине XX в., связанные с началом реализации в 1956 году «Генерального плана электрификации железных дорог», находились во взаимосвязи с изменениями в области оплаты труда.

В 1956 г. Совет Министров СССР принял Генеральный план электрификации железных дорог, предусматривающий в 1956–1970 гг. электрифицировать 40 тыс. км линий, то есть увеличить протяженность электрифицированных железных дорог в девять раз. Намечалось перевести на электрическую тягу в первую очередь важнейшие грузонапряженные линии, линии с большими размерами пассажирского движения и пригородные участки в 59 крупнейших промышленных центрах [1]. Реализация Генерального плана электрификации железных дорог предъявила повышенные требования к оплате труда. Без достойной зарплаты нельзя было осуществлять модернизацию железнодорожного транспорта. Квалифицированные рабочие и специалисты нуждались в систематическом повышении оплаты труда в условиях роста производительности труда, его качественных результатов. Освоение нового оборудования и сложной техники также требовало значительного повышения оплаты труда.

В соответствии с решениями XX съезда КПСС, с конца 1956 г. началась реформа заработной платы. Изменения в политике преследовали цели: поднять уровень потребления низкооплачиваемых работников, устранить обоснованно высокую (по мнению руководства партии и государства) дифференциацию в оплате труда, создать условия для систематического совершенствования организации заработной платы и, прежде всего, ее основы — системы ставок и окладов и тем самым обеспечить материальную базу для действительного стимулирования производства. В Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану особо подчеркивалось, что новая система заработной платы должна строиться таким обра-

зом, чтобы каждый работник получал заработную плату в соответствии с количеством и качеством затрачиваемого им труда. При этом реальная заработная плата рабочих и служащих повышалась примерно на 30 % [2].

Большой разницей в условиях оплаты труда, низкий уровень тарифных ставок и большое количество всякого рода наслоений на тарифные ставки и должностные оклады привели к резкому ухудшению нормирования труда на предприятиях промышленности и транспорта. А это сильно подорвало материальные стимулы улучшения организации труда и повышения его производительности. Крупные средства, которые государство ежегодно расходовало на повышение заработной платы, использовались неорганизованно и во многих случаях неэффективно. Но это лишь одна из причин пересмотра заработной платы. Другая причина состояла в том, что на новом этапе строительства коммунизма правительство принимало меры к постепенному сближению уровней оплаты труда различных групп трудящихся.

Для повышения заработной платы низкооплачиваемым группам трудящихся государством на 1956–1965 гг. было выделено 100 млрд руб. Первый этап повышения зарплаты низкооплачиваемым рабочим и служащим — в среднем на 33 % — был осуществлен с 1 января 1957 г. Минимальный размер заработной платы составлял 270–350 руб. К лету 1960 г. минимальный размер заработной платы этой категории работников вырос до 400–450 руб. [3].

В конце 1960 г. реформа заработной платы активно осуществлялась и на Свердловской железной дороге. К 1961 г. при общем контингенте на Свердловской дороге в количестве 135,5 тыс. чел. на новые условия оплаты труда было переведено 114 тыс. чел., или 84,1 % к числу работников, подлежащих переводу согласно графику МПС. В 1961 г. заработная плата в целом по дороге в результате ее упорядо-

чения повысилась на 17,7 %, а основных групп работников дороги еще больше. Так, зарплата движенцев повысилась на 27,3 %, путейцев — на 28,1, связистов — на 38,1, электрификаторов — на 25, работников грузового хозяйства — на 24, пассажирского — на 46 [4].

Однако среднемесячный заработок работника Свердловской дороги был все-таки невысоким. Низкий уровень заработной платы явился важной причиной текучести кадров. Причины увольнения были разные, но низкая заработная плата и отсутствие жилья были весьма распространены. В 1964 г. уволился 21 % рабочих от общего количества работников массовых профессий, причем свыше 65 % уволились по неуважительным причинам.

На Южно-Уральской железной дороге при подготовке к реформе оплаты труда в 1959–1960 гг. были проведены мероприятия, направленные на повышение производительности труда: введение механизация трудоемких процессов и автоматизация управления тяговыми подстанциями, упрощена структура управления предприятиями и цехами за счет уплотнения рабочего времени и совмещения некоторых профессий. В частности, служба электрификации перевела на телеуправление участок Челябинск — Курган и оборудовала полной автоматизацией тяговые подстанции на участке Челябинск — Кропачево, что позволило высвободить значительное количество обслуживающего персонала тяговых подстанций и заметно повысить производительность труда.

Однако недостаточность выделенного железной дороге фонда заработной платы заставила перенести повышение заработной платы работников социокультурной инфраструктуры дороги на последующие годы. Работники школ, детских учреждений, лечебно-санитарных учреждений, торговли и общественного питания, коммунальных и культурно-бытовых учреждений переводились на новые условия оплаты труда в 1962 г. Для того чтобы уложиться в выделенный фонд заработной

платы и реализовать реформу, руководству Южно-Уральской дороги пришлось провести значительное сокращение штата. Всего по дороге в 1960 г. было высвобождено 5227 чел. Кроме того, была снижена заработная плата у 1960 чел., в том числе на Златоустовском отделении дороги — 515 чел., Челябинском — 771, Курганском — 267 и Карталинском — 407. Снижение заработной платы преимущественно коснулось локомотивных бригад, обслуживавших маневровые локомотивы, и работников на ремонте подвижного состава. Руководство дороги сочло их заработка необоснованно высокими [6]. Средняя заработная плата на одного работника по отделениям дороги была увеличена (таблица 1).

Из таблицы 1 видно, что повышение заработной платы коснулось прежде всего самых низкооплачиваемых работников дороги — служащих и младшего обслуживающего персонала. Минимальный рост заработной платы — у инженерно-технических работников, что полностью противоречило установкам модернизации на увеличение доли квалифицированного интеллектуального труда специалистов. Так закладывались основы уравнительного принципа в оплате труда рабочего и инженера, инженера и служащего. Разрыв в оплате труда специалиста и рабочего начал быстро уменьшаться, обесценивая сложный интеллектуальный труд специалиста.

Рост заработной платы осуществлялся не только за счет повышения денежных выплат, но и за счет снижения налогов, сокращения продолжительности рабочего дня, увеличения продолжительности оплачиваемых отпусков. С 1956 г. для рабочих и служащих железных дорог СССР устанавливался сокращенный на два часа рабочий день в предвыходные и предпраздничные дни. За 1956–1957 гг. на железных дорогах Урала, как и в целом по стране, было проведено частичное сокращение подоходного налога и налога с холостяков, одновременно увеличен размер пособий по беременности и родам. Эти мероприятия повысили уровень реальной заработной платы. В 1960–1961 гг. отменен подоходный налог с заработка менее 60 руб. в месяц, на 40 % были снижены налоги с заработка до 70 руб. Государственная политика по повышению оплаты труда рабочих и служащих транспорта способствовала росту их трудовой активности, позволила улучшить экономические показатели железных дорог.

Существенные изменения в системе оплаты труда железнодорожников произошли в ходе реформы председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина 1966 г. постановлением Совета Министров СССР от 30 апреля 1966 г. предписывалось перейти с 1 июля 1966 г. на новые условия хозяйствования в порядке эксперимента Горьковской и Свердловской дорогам.

Таблица 1

Рост среднемесячной заработной платы
на Южно-Уральской железной дороге в 1960 году, % [6]

Отделение	Златоустовское	Челябинское	Курганское	Карталинское
Всего	20,5	23,7	19,3	20,1
в т. ч. рабочие	20,7	23,3	18,9	20,0
инженерно-технические работники	20,2	18,9	18,2	19,5
служащие	35,0	36,1	35,7	31,0
младший обслуживающий персонал	55,0	55,0	55,0	55,0

Реформа 1966 г. мыслилась как комплексная. Она предоставляла дороге гораздо больше экономических прав, открывала простор инициативе. Планом «сверху» для нее устанавливались параметры, продиктованные ее ролью в народном хозяйстве страны, однако на очерченной таким образом «территории» она была вправе и найти себе дополнительные заработки и по своему распоряжаться заработанными средствами. Тот же принцип проводился и в отношении ее подразделений — отделений, линейных предприятий.

Свердловской железной дороге предоставлялось право самой распределять перевозки по видам тяги, устанавливать нормы использования подвижного состава, уровень производительности труда, численность работников и средний размер заработной платы, даже структуру собственных органов управления.

Дорога получила возможность самостоятельно определять сумму доходов от перевозки грузов, пассажиров, почты, багажа, а с другой стороны — норму эксплуатационных затрат и себестоимость перевозок (при условии выполнения государственного плана по прибыли). Выполняя больший объем работ при сниженной себестоимости, дорога могла зарабатывать и затем тратить заработанные деньги на внедрение новых технологий, обновление оборудования, устранение узких мест и, в конечном счете, на дальнейшее повышение эффективности своей работы. Часть заработанных денег переводилась в премиальный фонд.

Таким образом, железнодорожники могли теперь неплохо зарабатывать: во-первых, в рамках сохраняющегося фонда заработной платы можно было выполнить тот же объем работы меньшим составом, то есть получать повышенную основную зарплату; во-вторых, дополнительные выплаты из премиального фонда при эффективной работе коллектива могли значительно увеличить заработанную сумму [7].

Реформа ставила материальное поощрение работника в зависимость

не просто от количества сделанного: она стимулировала работать больше, лучше, экономичнее. Благодаря реформе в фонд материального поощрения от прибыли за 1966–1970 гг. было отчислено 7 млн 548 тыс. руб., а за предыдущие пять лет — всего около 1,5 млн. Реформа создала заинтересованность в выполнении плановых заданий каждым предприятием. Производственно-финансовая деятельность Свердловской и Южно-Уральской дорог резко улучшилась [8].

Начальникам железных дорог и отделений дорог было предоставлено право производить доплату работникам за совмещение в случае целесообразности должностей и профессий в размере до 30 % тарифной ставки (должностного оклада) заменяемого работника. Доплата производилась в случаях, если в результате совмещения должностей и профессий происходило сокращение численности работников предприятий по сравнению с численностью, полагающейся по нормативам или нормам обслуживания.

Однако довольно скоро паритет между трудом и заработной платой был нарушен: рост заработной платы стал опережать рост производительности труда. На Свердловской дороге перестал выполняться важнейший показатель основной деятельности дороги — производительность труда.

Основными причинами отставания производительности труда на дороге от роста заработной платы являлись: увеличение количества сверхурочных часов работы по таким службам, как локомотивная, вагонная, движения, грузовая, пути, пассажирская, сигнализации и связи; увеличение размера премий из фонда заработной платы и фонда материального поощрения одному работнику по всем службам; увеличение среднего размера районного коэффициента в связи с принятием в эксплуатацию Сургутского отделения дороги; увеличение удельного веса высокооплачиваемых работников (локомотивных бригад), установление доплат

за совмещение профессий и расширение зон обслуживания.

Тем не менее уровень зарплаты на железнодорожном транспорте оставался невысоким. В 1960–1970-е гг. административные и общественные органы широко использовали такие меры морального воздействия, как присвоение почетных званий, награждение орденами и медалями, различными значками и знаками. В условиях, когда зарплата была низкой и фактически не действовали экономические стимулы, различные формы поощрения побуждали людей лучше работать. Одним из средств сокращения текучести кадров и их закрепления на предприятиях явилась выплата вознаграждения за общие итоги года пропорционально зарплате и непрерывному стажу работы. Это тем более важно было сделать, ибо средний размер вознаграждения в 1966 г. составил лишь 38,8 руб. В 1966 г. 70,8% производственного персонала Свердловской железной дороги получили вознаграждение, в 1970 г. — 77,1%. Средний размер вознаграждения стал 73 руб. Несмотря на увеличение среднего вознаграждения, сумма была так невелика, что не могла стимулировать эффективный труд.

В определенной степени стимулировала эффективный труд и способствовала закреплению работников на производстве существовавшая на железных дорогах Урала система премирования рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Выплата премий осуществлялась за создание и внедрение новой техники, экономию топлива, электрической и тепловой энергии и за лучшие результаты работы по итогам социалистического соревнования. Приказ Министерства путей сообщения № 56Ц от 21 августа 1967 г. ввел новый порядок премирования, который, в отличие от прежних, большое внимание уделял созданию у рабочих заинтересованности в повышении качества выполняемых работ и обеспечении безопасности движения поездов. Впервые приказом предусматривалась выплата

премий за выполнение и перевыполнение установленных заданий по объемным и качественным показателям, высокое качество работ и содержание пути, связи, СЦБ и других технических устройств в соответствии с требованиями, обеспечивающими их бесперебойную работу [8].

С 1970 г. наступил третий этап повышения заработной платы рабочим и служащим транспорта. По решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР с 1 июля 1971 г. была увеличена до 70 рублей в месяц минимальная заработная плата на железнодорожном транспорте, увеличены ставки и оклады среднеоплачиваемых рабочих и служащих [9]. Повышение заработной платы проводилось за счет увеличения тарифных ставок для рабочих железнодорожного транспорта в среднем на 27,4%, повышения должностных окладов руководящим и инженерно-техническим работникам на 13,6% и служащим на 17,4%. Намечалось также повысить на 10% тарифные ставки и должностные оклады работникам, занятым на погрузочно-разгрузочных работах и в службе связи МПС. При этом условия оплаты труда работников предприятий и организаций, не относившихся к основной деятельности железнодорожного транспорта, а также должностные оклады младшего обслуживающего персонала оставались без изменения. Таким образом, происходило постепенное сближение оплаты труда специалистов и неквалифицированных рабочих, но на прежнем уровне оставалась заработная плата работников социокультурной инфраструктуры транспорта: учителей, врачей, работников культуры и быта.

Постановление предусматривало также введение дополнительных отпусков работникам эксплуатационных предприятий в зависимости от непрерывного стажа работы на одном предприятии. Устанавливались повышенные на 15% тарифные ставки и должностные оклады работникам отдельных наиболее тяжелых по условиям труда

участков железных дорог. Предусмотренные в постановлении меры должны были сократить текучесть рабочих кадров на транспорте.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 июня 1971 г., на новые условия оплаты труда с 1 июля были переведены более 2,3 млн железнодорожников. Учитывая важную роль в перевозочном процессе дежурных по станции, поездных диспетчеров, мастеров, электромехаников, инженеров и техников, должностные оклады им были повышены на 20–25 % [9].

Переход на новые условия оплаты труда оказал положительное влияние на укомплектование и закрепление кадров на железнодорожном транспорте. Постановление позволило полностью укомплектовать кадрами 17 железных дорог, а на остальных заметно сократить текучесть кадров (на 12%). В 1971 г. на железных дорогах Урала значительно уменьшился недостаток кадров по таким ведущим профессиям, как осмотрщики вагонов, стрелочники и сигналисты, составители поездов, электромонтеры контактной сети. Наибольшее снижение текучести кадров достигнуто на таких дорогах, как Среднеазиатская (на 30%), Свердловская (на 19%), Северная (на 17%). Переход на новые условия оплаты труда способствовал повышению объема

перевозок грузов и улучшению эксплуатационной работы железных дорог [9].

Таким образом, в середине 1950–1970-х гг. оплата труда работников массовых профессий и неквалифицированных работников транспорта края значительно возросла. Заработная плата уральских железнодорожников перестала тяготеть к прожиточному минимуму и постепенно поднялась до уровня, обеспечивающего неплохой достаток (таблица 2). Улучшилась укомплектованность железных дорог всеми категориями работников.

Таблица 2 свидетельствует о постоянном росте среднемесячной заработной платы на железных дорогах Урала. Она заметно превышала аналогичный показатель по сети железных дорог, что связано главным образом с двумя причинами: наличие у локомотивных бригад значительного количества сверхурочных часов работы ввиду роста интенсивности перевозок и введение более высокой оплаты работникам, занятым на эксплуатации Сургутского отделения дороги. По этой же причине среднемесячная заработная плата на Свердловской дороге в 1980-е гг. значительно превышала среднемесячную заработную плату на Южно-Уральской дороге. Необходимо также отметить другую интересную тенденцию: если до 1980 г. размер среднемесячной заработной платы на транспорте уступал

Таблица 2

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих
на железнодорожном транспорте Урала в 1958–1990 гг., руб. [10]

Показатель	1958	1960	1963	1964	1965	1970	1971	1980	1983	1988	1990
Промышленность	87,1	91,3	98,4	100,5	104,2	133,3	137,9	185,4	199,4	240,8	296,2
Сельское хозяйство	53,1	53,9	67,1	70,6	75,0	101,0	106,3	149,2	168,5	210,6	276,2
Железнодорожный транспорт СССР	83,5	85,1	97,3	99,3	100,7	123,6	136,3	187,4	209,8	257,8	312,3
Свердловская железная дорога	84,6	85,6	—	103,6	106,1	119,4	147	197,2	235,8	292,9	341
Южно-Уральская железная дорога	83,1	83,5	101,2	101,8	103,9	128,2	132,5	—	212,6	261,2	311,1

размеру заработной платы в промышленности, то, начиная с этого года, рост заработной платы на транспорте начинает существенно опережать рост заработной платы в промышленности. Это явное свидетельство того, что в 1980-е годы, на транспорте были проведены дополнительные меры по стимулированию труда с целью сокращения текучести кадров.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по развитию железнодорожного транспорта в 1976–1980 гг.» были осуществлены дополнительные меры по повышению материальной заинтересованности работников основной деятельности железных дорог и метрополитенов в улучшении эксплуатационной работы, а также по закреплению кадров на решающих участках производства. С 1 января 1977 г. работники основной деятельности железных дорог и метрополитенов за работу в ночное время получали дополнительную оплату в размере 35 % тарифной ставки или оклада за каждый час работы ночью.

К началу 1980-х гг. производственные показатели Свердловской магистрали заметно ухудшились. Темпы развития дороги, ее техническая оснащенность перестали соответствовать

потребностям развития промышленности Урала и восточных районов страны. По восьми решающим отраслевым хозяйствам дороги ощущались серьезные затруднения в работе из-за высокой текучести кадров [11]. В 1979 г. на дороге был огромный некомплект по таким ведущим профессиям, как монтеры пути, слесари по ремонту локомотивов, осмотрщики вагонов, стрелочники. В целом по восьми хозяйствам дороги не хватало около 1200 чел. Особенно серьезные трудности из-за отсутствия слесарей по ремонту локомотивов испытывали депо Тюмень, Свердловск, Березники, Егоршино, Ишим [12].

В 1979 г. Министерство путей сообщения вынуждено было просить Совет Министров СССР направить на железные дороги Дальнего Востока, Сибири, Урала и на заводы по ремонту подвижного состава 45 тыс. квалифицированных рабочих с предприятий других отраслей народного хозяйства сроком на два-три месяца. Для оплаты труда командированных рабочих Министерству путей сообщения выделялся дополнительный фонд заработной платы в размере 25 млн руб. Значительная часть квалифицированных рабочих направлялась на железные дороги Урала (таблица 3).

Таблица 3

Сведения о командированных
на железные дороги Урала работниках в 1979–1980 гг., чел. [13]

Дорога	Монтеры пути	Маляры и строители	Слесари по ремонту вагонов	Электросварщики, электромонтеры	Токари	Кузнецы, кочегары	Слесари по ремонту тепловозов	Помощники машинистов локомотивов	Слесари-электрики	Грузчики	Всего
Свердловская	2300	185	154	53	22	42	200	30	40	310	3336
Южно-Уральская	1300	65	27	30	10	17	200	30	40	290	2009
В целом по сети	25460	1736	2157	541	253	307	1910	330	380	3590	36664
Доля командированных работников на Урал, %	14	14,4	8,4	15,3	12,6	19,2	21	18,1	21	16,7	14,5

Данные таблицы 3 показывают, что на Свердловской дороге к 1980 г. сложился достаточно острый дефицит работников, занятых тяжелым физическим малооплачиваемым трудом. Это прежде всего рабочие по ремонту пути, рабочие строительных профессий, кузнецы и кочегары, слесари-электрики, слесари по ремонту подвижного состава. Эти категории работников были наиболее подвержены высокой текучести кадров в связи с несоответствием тяжести их труда размеру заработной платы.

Помимо направления на железные дороги Урала временных работников с предприятий других отраслей народного хозяйства, Совет Министров СССР предусмотрел меры по закреплению рабочих и инженерно-технических кадров, получившие окончательное оформление в постановлении Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по закреплению кадров на железнодорожном транспорте» (1979 г.) [13].

1. Работникам Свердловской железной дороги, связанным с основной деятельностью, а также работникам предприятий промышленности, межотраслевого промышленного железнодорожного транспорта и строительных организаций Министерства путей сообщения, расположенных в районах этих железных дорог, установлена надбавка к заработной плате в размере 20% тарифной ставки (оклада) в связи с особо сложными условиями труда. Прибавка к заработной плате одному работнику составила в среднем около 30 рублей в месяц.

2. Существенно увеличивалось вознаграждение работникам за выслугу лет на транспорте. При стаже работы на железнодорожном транспорте свыше 15 лет вознаграждение за выслугу лет составляло в размере 1,5 должностного оклада (тарифной ставки), а средний размер вознаграждения за выслугу лет составил около 130 рублей.

3. Постановлением были введены районные коэффициенты к заработной плате работников, связанных с основной деятельностью железных дорог, а также к заработной плате работников

предприятий межотраслевого промышленного транспорта, промышленных и строительных предприятий, расположенных в районах железных дорог Урала.

4. Для железных дорог Урала и Сибири на 1980 г. предусматривался новый организованный набор 3000 рабочих. Советам министров союзных республик предписывалось бронировать жилую площадь за руководящими, инженерно-техническими работниками и квалифицированными рабочими, прибывшими на железные дороги из других районов страны, при условии заключения работниками трудового договора на срок не менее трех лет. Для работников, связанных с движением поездов в Тюменской, Свердловской, Челябинской, Курганской областях, выделялась дополнительная жилая площадь.

5. Южно-Уральской железной дороге предоставлялось исключительное право направлять выпускников средних общеобразовательных школ, средних специальных и профессионально-технических учебных заведений на учебу в вузы Министерства путей сообщения как стипендиатов предприятий [14].

Перечисленные меры должны были стабилизировать кадровый потенциал железных дорог Урала, пополнить его новыми кадрами и снизить высокую текучесть кадров, вызвать спрос на рабочие профессии среди населения региона путем решения двух социальных проблем — жилищной и оплаты труда. В целом предложенный комплекс модернизационных мероприятий в сложившихся условиях был своевременным, вполне эффективным, но не устранял уравнительный принцип оплаты труда специалиста и рабочего, квалифицированного и неквалифицированного рабочего.

К 1980-м гг. движение по пути социализма привело к глубокому разрыву между трудом и его вознаграждением. Сам принцип экономического устройства общества предполагал обобществление значительной части заработанного. Зарплата, выдаваемая железнодорожнику на руки, была по-прежнему

мала. Часть заработанного возвращалось затем через так называемые общественные фонды потребления — в виде бесплатной квартиры, бесплатной медицины, бесплатного образования, путевки на курорт или в дом отдыха за символическую плату. Львиная же доля заработанного поступала в распоряжение государства. Между тем, поступления из общественных фондов либо доставались кому-то другому, либо оказывались неудовлетворительными. У многих железнодорожников возникало ощущение, что кто-то бесцеремонно присваивает их труд. Отчуждение работника от результатов своего труда не просто обнаруживалось в условиях развитого социализма, но становилось главным психологическим барьером на пути технического и социального прогресса.

В 1981–1985 гг. были вновь увеличены на 20 % ставки и оклады среднеоплачиваемым категориям рабочих и служащих железнодорожного транспорта. Наиболее высокую прибавку получили квалифицированные работники, выполняющие сложные операции: рабочие пунктов технического обслуживания вагонов, электромонтеры и электромеханики контактной сети, работники по ремонту пути и искусственных сооружений. За этот период зарплата в локомотивных бригадах возросла на 6,4 %, у слесарей — на 4,8 %, а у путейских работников — на 9,2 %. Возросли предельные размеры премий рабочих, занятых подготовкой, формированием и обслуживанием грузовых и пассажирских поездов повышенного веса и длины, работников оперативных диспетчерских пунктов по управлению движением поездов.

Вместе с тем положение с укомплектованностью рабочей силой заводов по ремонту подвижного состава и локомотивных депо Урала продолжало оставаться напряженным и неустойчивым. В 1987 г. Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков разрешил руководителям предприятий Министерства путей сообщения привлекать к выполнению неотложных работ по содержанию и ремонту подвижного

состава рабочих и специалистов из других организаций на условиях совместительства за пределами рабочего дня по основному месту работы [15]. Оплата труда таких работников осуществлялась за фактически выполненный объем работ по сдельным расценкам.

В общем увеличении средней заработной платы возрастал удельный вес государственных централизованных мероприятий по повышению минимума заработной платы, ставок и окладов низко- и среднеоплачиваемым рабочим и служащим, вводились льготы по зарплате лицам, работающим в тяжелых и опасных для здоровья условиях. В результате выравнивание в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных работников продолжалось и во второй половине 1980-х гг. Престиж труда специалиста, инженера и руководителя продолжал падать, что хорошо видно из динамики роста заработной платы рабочих и инженерно-технических работников на Свердловской железной дороге (таблица 4).

Таблица 4 показывает, что разрыв в оплате труда квалифицированного инженера и рабочего был минимальным. Политика советского правительства и КПСС в 1956–1990 гг. по социальному выравниванию слоев общества, в том числе по выравниванию заработной платы квалифицированных и неквалифицированных работников на железнодорожном транспорте привела к снижению престижа труда руководителей, инженерно-технических кадров, мастеров. Тем самым был нанесен значительный ущерб развитию научно-технического прогресса на железнодорожном транспорте Урала. Знания и опыт специалистов оказались невостребованными на производстве, где господствовал тяжелый ручной труд. Недооценка роли инженерно-технического труда на транспорте вела к росту текучести специалистов на транспорте и сокращению доли интеллектуального высококвалифицированного труда на железных дорогах. Замедлялись темпы освоения новой техники и введения

Таблица 4

Данные по заработной плате работников Свердловской железной дороги по категориям персонала в 1966–1990 гг., руб. [16]

Год	Рабочие	ИТР	Служащие	МОП	Всего
1970	128	128	85	75	120
1971	155	162	110	84	147
1972	157	165	154	89	151
1973	160	169	116	89	152
1974	167	169	116	94	158
1975	160	169	122	93	155
1976	164	170	118	94	157
1977	172	174	121	100	165
1978	180	180	126	110	173
1979	189	187	127	114	181
1980	218	226	153	134	211
1981	219	227	152	138	211
1982	222	228	155	138	214
1983	224	230	155	135	216
1984	228	234	157	139	219
1985	237	240	159	140	227
1986	243	245	165	141	233
1987	260	263	182	148	250
1988	275	285	213	—	277
1989	289	293	218	—	290
1990	319	320	233	—	320

инновационных технологий в перевозочный процесс. Страдали и сами рабочие, так как теряли опытных руководителей и наставников в деле освоения новой техники — инженерно-технические работники осваивали ее первыми и выступали в роли педагогов для рабочих.

Рассмотренные в статье материалы позволяют сделать ряд выводов.

1. Политика советского государства в области оплаты труда на транспорте повысила жизненный уровень уральских железнодорожников, способствовала активному вовлечению их в модернизационные процессы. Практически все категории работников осваивали в короткие сроки новые виды техники новейшие технологии, повышали свой образовательный уровень, принимали активное участие в новом строительстве. Реформа оплаты труда на транспорте позволила существен-

но снизить высокую текучесть кадров, привлечь к модернизации лучших специалистов и квалифицированных рабочих, создать потенциал новых профессий научного прогресса.

2. Для сложившейся на транспорте системы оплаты труда были характерны следующие черты: поддержка и стимулирование прежде всего труда рабочего класса, ограниченность выделяемых железным дорогам фондов заработной платы, уравнительный принцип оплаты труда различных категорий работников. Существенными издержками такой системы оплаты труда стали постепенное обесценивание труда и знаний специалистов, материальная недооценка труда работников социальной сферы транспорта — врачей, учителей, работников культуры, значительные потери железных дорог в молодых специалистах. ■

Литература

1. Крючков М. Т., Мацкевич Б. И., Конов А. А. Анализ модернизации железнодорожного транспорта на Урале в 1956–1991 гг. // Вестник УрГУПС. 2012. № 3 (15). С. 103–119. ISBN 2079-0392.
2. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 2. С. 51.
3. Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января–5 февраля 1959 г. : Стенографический отчет. М., 1959. Т. 2. С. 525.
4. Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-65. Оп. 10. Д. 39. Л. 60–75.
5. Свердловская магистраль (1878–1990 гг.) / под ред. проф. М. Т. Крюčkова. Екатеринбург, 1994. С. 186.
6. Сектор архивов службы управления делами Южно-Уральской железной дороги. Ф. 1. Оп. 16/17. Д. 20. Л. 98–99.
7. Лукьянин В. П. Больше века на службе России. Екатеринбург : СВ-96, 1998. С. 293.
8. Тверской К. Н. Новые экономические условия работы на железнодорожном транспорте М. : Транспорт, 1969. С. 104–106.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5446. Оп. 105. Д. 1021. Л. 213–214.
10. Таблица сост. по: ГАСО. Ф. Р-65. Оп. 10. Д. 64. Л. 85; Д. 39. Л. 55–60. Д. 57. Л. 80–84; Д. 29. Л. 75–85; Оп. 15. Д. 55. Л. 86–90; ОГАЧО. Ф. Р-1607. Оп. 2. Д. 2496. Л. 6. Д. 2509. Л. 2–3; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Стат. ежегодник. М., 1990. С. 398.
11. ЦДООСО. Ф. 161. Оп. 64. Д. 3. Л. 7.
12. Сектор архивов управления делами Свердловской железной дороги. Доклад по работе с кадрами на Свердловской ордена Ленина и ордена Октябрьской революции железной дороги за 1979 г. Л. 48–83.
13. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 135. Д. 1115. Л. 15–16.
14. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 135. Д. 1119. Л. 93–97.
15. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 162. Д. 668. Л. 56.
16. Из справки заместителя начальника Свердловской железной дороги по экономике и финансам И. Н. Колесникова.

References

1. Kryuchkov M. T., Matskevich B. I., Konov A. A. Analiz modernizatsii zheleznodorozhnogo transporta na Urale v 1956–1991 gg. [Analysis of modernization of rail transport in the Urals in 1956–1991] // Herald of USURT. 2012. № 3 (15). P. 103–119. ISBN 2079–0392.
2. XX syezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. 14–25 fevralya 1956 g. Stenograficheskiy otchet. [XX Congress of the Communist Party of the Soviet Union. February 1–25, 1956. Verbatim record] M., 1956. T. 2. P. 51.
3. Vneocherednoy XXI syezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz. 27 yanvarya–5 fevralya 1959 g. : Stenograficheskiy otchet. [Extraordinary XXI Congress of the Communist Party of the Soviet Union. January 27 — February 5, 1959: Verbatim record.] M., 1959. T. 2. P. 525.
4. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti. [State Archive of Sverdlovsk Oblast.] F. R-65. Op. 10. D. 39. L. 60–75.
5. Sverdlovskaya magistral (1878–1990 gg.) [Sverdlovsk Railway (1878–1990)] / under the editorship of prof. M. T. Kryuchkov. Ekaterinburg, 1994. P. 186.
6. Sektor arkhivov sluzhby upravleniya delami Yuzhno-Uralskoy zheleznoy dorogi. [Archives Sector of the Administration of the South-Ural Railways.] F. 1. Op. 16/17. D. 20. L. 98–99.
7. Lukyanin V. P. Bolshe veka na sluzhbe Rossii. [More than a century in the service of Russia.] Ekaterinburg : SV-96, 1998. P. 293.
8. Tverskoy K. N. Novye ekonomicheskie usloviya raboty na zheleznodorozhnom transporte [New economic conditions of work in railway industry] M. : Transport, 1969. P. 104–106.
9. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. [State Archive of the Russian Federation.] F. 5446. Op. 105. D. 1021. L. 213–214.
10. Table compiled using: GASO. F. R-65. Op. 10. D. 64. L. 85; D. 39. L. 55–60. D. 57. L. 80–84; D. 29. L. 75–85; Op. 15. D. 55. L. 86–90; OGACHO. F. R-1607. Op. 2. D. 2496. L. 6. D. 2509. L. 2–3; Narodnoe khozyaystvo SSSR v 1990 g. Stat. ezhegodnik. [National economy of the USSR in 1990. Yearbook.] M., 1990. P. 398.

11. TsDOOSO. F. 161. Op. 64. D. 3. L. 7.
12. Sektor arkhivov upravleniya delami Sverdlovskoy zheleznoy dorogi. Doklad po rabote s kadrami na Sverdlovskoy ordena Lenina i ordena Oktyabrskoy revolyutsii zheleznoy dorogi za 1979 g. [Archives Sector of the Administration of the South-Ural Railway. Personnel Management Report of the Order of Lenin, Order of the October Revolution Sverdlovsk Railway,] L. 48–83.
13. RF State Archive. F. 5446. Op. 135. D. 1115. L. 15–16.
14. RF State Archive. F. 5446. Op. 135. D. 1119. L. 93–97.
15. RF State Archive. F. 5446. Op. 162. D. 668. L. 56.
16. Iz spravki zamestitelya nachalnika Sverdlovskoy zheleznoy dorogi po ekonomike i finansam I. N. Kolesnikova. [From the reference prepared by I. Kolesnikov, Deputy Director for Economics and Finance of the Sverdlovsk Railway].

Статья сдана в редакцию 10 января 2015 года

Философские параллели

УДК 17.022.1

Н. А. Черняк

Мораль в эпоху постмодерна

UDC 17.022.1

N. A. Chernyak

Morality in the postmodern era

Аннотация

В статье рассматривается состояние моральной проблематики в современной философской мысли и предпринимается попытка выяснения причин релятивизации морали в современной культуре. Диагноз современной эпохе, поставленный М. Фуко («эпоха без морали»), нуждается в соответствующих интерпретациях и разъяснениях. Важно выяснить, к каким социокультурным последствиям приведет утверждение и повсеместное распространение постмодернистских установок в массовом сознании. В отношении морали ставится задача выяснения тех мировоззренческих оснований, которые позволяют делать вывод об утрате морали статуса высшей оценивающей инстанции. Таким основанием, на наш взгляд, является интерпретация человека как продукта наличных эмпирических условий (социально-исторических или биологических и т. д.), отказ от признания нефеноменальной природы человека.

Ключевые слова: мораль; свобода; моральный закон; трансценденция; этика постмодернизма.

Abstract

The article discusses the state of the moral issues in contemporary philosophical thought and attempts to clarify the reasons of making relative morality in contemporary culture. The diagnosis of the modern era, the set M. Foucault («epoch without morality»), requires appropriate interpretations and explanations. It is important to figure out how socio-cultural implications of the adoption and widespread postmodern installations in the mass consciousness. In morality seeks to clarify those philosophical foundations that allow to conclude about the loss of the moral status of the highest evaluation instance. Such basis, in our opinion, is the interpretation of man as a product of cash empirical conditions (socio-historical or biological, and so on), a waiver of phenomenology of human nature.

Keywords: the moral; liberty; the moral law; transcendence; the ethics of postmodernism.

В одной из своих работ М. Фуко, диагностируя мышление нашей эпохи, определил ее как эпоху без морали («современное мышление никогда не было способно предложить какую-нибудь мораль, ... для современного мышления мораль невозможна») [1, с. 420, 421]. Возникает вопрос: что означают его слова — логический парадокс, эмпирически констатируемый факт или своеобразный симптом сдвигов в мировоззренческих установках современного способа существования и понимания мира?

Философия была чувствительна к грядущим трансформациям в общественном сознании и практике задолго до того, как эти преобразования становились фактом жизни. А обсуждение проблем морали, этики, как правило, служило поводом к критике наличных социокультурных реалий и поиска новых культурных форм жизни. И, в сущности, такая направленность философской мысли характеризует философию в целом на разных этапах ее исторического развития.

Отличительная особенность современной социально-философ-

Наталья Алексеевна Черняк, д-р философ. наук, доцент; кафедра философии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; Омск, Россия. E-mail: chernjaknat@rambler.ru.

Natalya Alekseevna Chernyak, DSc in Philosophy, Associate Professor; Department of Philosophy, F.M. Dostoevsky Omsk State University; Omsk, Russia. E-mail: chernjaknat@rambler.ru.

ской мысли — проблематизация самой морали — «лишение морали ее трансцендентального пьедестала», разоблачение морали если не как прямого заблуждения и предрассудка, то, по крайней мере, как способа нормирования, не имеющего ничего общего с высшими целями и смыслом человеческой жизни [2]. Действительно, еще философия жизни и особенно философия Ф. Ницше в категорической форме выразили это умоностроение антитезой «мораль — жизнь» и поставили под сомнение общезначимость и общезначительность моральных норм как существеннейшего измерения человеческой жизни. Радикализация ницшевской критики морали осуществлена в экзистенциализме Ж.-П. Сартра под углом зрения отчуждения человека и насилия над его свободой. Любая социальная норма, в т. числе моральная, по Сартру, это всегда анонимная сила, противостоящая человеку и порабащая его. Все декларации об Истине, Добродетели, Морали суть лишь мистификации, вуалирующие фактическое угнетение и поддерживающие отчуждение и насилие.

Но самое главное, что не приемлет Сартр, это то, что универсальные нормы освобождают человека от риска и, следовательно, от ответственности. Мораль есть в таком случае «способ выйти сухим из воды и спастись в абсолюте» [3, 24]. В толковании этических норм Сартр, как и многие представители постклассической философии, сознательно противопоставляет свою позицию кантовскому учению о нравственном законе, носящем универсальный и императивный характер. Универсальность и категоричность морального закона означали, что человек должен исполнять его установления независимо от эмпирических условий его реализации. Задача Канта заключалась в том, чтобы дать трансцендентальное обоснование морального закона и тем самым исключить его релятивизацию. Единственным способом такого обоснования, по Канту, являлось утверждение уопостижаемой,

нефеноменальной природы человека. Человек как существо психофизическое принадлежит эмпирическому, феноменальному миру, но в этом мире не существует никаких необходимых оснований для морали. Поэтому Кант и определяет человека как «двумирное» существо, принадлежащее также и noumenальному миру.

Согласно Сартру, допущение помимо посюстороннего, эмпирического мира другого, нефеноменального мира, является онтологическим обоснованием господства анонимных сил, отчуждения, утраты свободы, всего того, что можно обозначить термином «чужое».

Вольно или невольно, но именно утверждение трансцендентной сущности человека, предлежащей ее феноменальному проявлению, допущение неких метафизических абсолютов, обеспечивающих устойчивость и гармонию мира, стало предметом крайнего неприятия современной философской мыслью всего классического наследия западноевропейской философии и ее критики. Мораль в свете заявленных позиций утрачивает свой абсолютный характер как высшей, безусловно-значимой, инстанции, как выражения метафизической природы человека. Она рассматривается как разновидность социальных норм, обычаев или же превращается в «частное» дело отдельного человека, тем самым релятивизируется.

И все же следует сказать, что, несмотря на резкую критику Ницше христианской морали и опирающейся на нее современной ему западноевропейской морали, несмотря на полемику Сартра с кантовской концепцией универсального морального закона, в философии и Ницше, и Сартра мораль окончательно не устраняется. Сохранение моральной ситуации находит свое выражение, в частности, в тезисе Сартра об абсолютном характере ответственности, являющейся логическим следствием свободы, и в силу этого неснимаемой [4, с. 557].

В философии постмодернизма концепция относительности морали доводится до логического конца, т. е.

до отрицания морали как таковой. Как замечает Е. А. Стеценко, «многообразие мира и путей его развития может трактоваться как абсолютный хаос, свобода — как уничтожение всяких запретов и ограничителей, отсутствие жесткого причинно-следственного каркаса — как возможность спонтанного, рефлекторного следования эмоциям и желаниям. При этом парадоксальным образом трактуется и человеческая свобода воли — хаос ничем не связывает личность, но он делает бессмысленным любое целенаправленное действие» [5]. «Смерть Бога, — пишет Фуко, — освобождает существование от существования, которое его ограничивает» [6, с. 115–116]. Это означает, что субъект в постмодерне оказывается не детерминированным ни социальными институтами, ни внешними по отношению к нему этическими нормами, ни внешними по отношению к его сознанию культурными ценностями. Такая установка постмодернистов объясняется тем, что во всем — социальных институтах, культурных механизмах, межличностных отношениях и т. д. — они видят ту или иную форму реализации власти, подавления и порабощения творческой индивидуальности и всякой жизненной силы.

Разные авторы дают разные оценки феномену постмодернизма. Например, А. Генис определяет его задачу как глубоко позитивную, ибо «постмодернизм, как бы он ни назывался и какое бы обличие он ни принял, должен создать новую цельность на принципиально иной — плюралистической — основе» [5]. А. А. Якимович признает, что благодаря постмодернистской парадигме складывается более точное понимание мироздания. «Мы прикоснулись к новым, альтернативным, «досократовским» началам мысли и культуры и начали изживать двухтысячелетнюю традицию дифференциального структурирования картины мира» [5].

З. Бауман, У. Бек, напротив, негативно оценивают культуру постмодерна, поскольку постмодерн знаменует

собой разложение всех прежних ценностей и регулятивных механизмов морали [7]. Мораль в постмодерном обществе если не аннигилирует окончательно, то утрачивает свою презумпцию высшей инстанции либо эстетизируется, либо уподобляется различным жизненным практикам.

Е. В. Беляева утверждает, что интеллектуальная критика этических учений эпохи модерна, а также всей классической культуры косвенно показывает ограниченность как современной, так и традиционной нравственности для решения принципиально новых моральных проблем, с которыми столкнулись современные общества [8]. Складывается новая интерпретация старых этических норм. Возникают новые нравственные понятия, а старые изменяют свое содержательное наполнение, структуру и статус. И это связано с тем, что появляются новые субъекты морали, следовательно, новый тип регуляции [8]. В связи с этим возникает вопрос: можно ли новый тип регуляции аттестовать как моральный и являются ли новые субъекты в полной мере моральными субъектами, если одним из основополагающих принципов постмодернизма становится принцип радикального демонтажа и даже «смерти субъекта»?

Совершенно противоположную этой точке зрения высказывает М. А. Можейко. Согласно ей, в семантико-аксиологическом пространстве постмодерна этика — в традиционном ее понимании — вообще не может быть конституирована как таковая. Этика в традиционном ее понимании невозможна вне презумпции субъекта — и как автономного субъекта морального выбора, и как активного субъекта морального поступка, и как рефлексирующего субъекта моральной ответственности [9].

Возникают резонные вопросы: какие метафизические основания делают возможной и гарантируют такую презумпцию? И следствием каких метафизических установок является вывод современных философов об утрате морали статуса презумпции и индиф-

ферентности морального содержания человеческих поступков?

Пытаясь ответить на эти вопросы, мы, хотим того или не хотим, вынуждены обращаться уже не исключительно к этическим вопросам, но иметь в виду более широкий спектр проблем и прежде всего проблему определяющих оснований человеческого бытия, то есть проблему метафизики.

Как уже было сказано выше, в свое время вопросом обоснования возможности морали был озадачен Кант. Проблема, стоявшая перед этикой в XVIII в., — проблема выявления трансцендентальной основы, наличие которой делает возможным нравственность по необходимости, а не в силу случайного сцепления обстоятельств (социально-исторического порядка, обыденно-жизнейского или какого-либо другого). Иными словами, речь идет о проблеме свободы, ибо без предположения свободы мораль невозможна.

Кант категорически отвергал натуралистические, детерминистские обоснования морали, рассматривающие ее в русле космологических, антропологических и психологических представлений, потому что в этих подходах специфическая природа морали оставалась невыясненной. В качестве натуралистического рассматривал Кант и онтологическое обоснование морали, опирающееся в объяснении нравственности на понятие субстанции или самодостаточного абсолюта.

В этой ситуации свою задачу Кант определяет не иначе, как «спасение» свободы. Решение ее, как он полагает, ему удалось найти благодаря «превосходному открытию» [10, с. 422]. А именно: открытию умопостигаемого мира, точнее, того, что человек есть представитель двух миров — феноменального, т. е. эмпирического, чувственного, наблюдаемого и ноуменального, сверхчувственного, умопостигаемого. Кант полагал, что только благодаря такому делению можно спасти свободу. Ибо, если признавать только один мир — эмпирический, то свободы нет, поскольку в эмпи-

рическом мире все жестко детерминировано. Существование эмпирического мира не нуждается в доказательстве. Об этом мире мы можем иметь и имеем теоретическое знание. Доказательством существования сверхчувственного мира служит моральный опыт — голос совести, чувство долга и т. д. При этом ноуменальный мир рассматривается как условие, основание всей сферы феноменального и в силу своей безусловности ставится вне порядка чувственно воспринимаемого мира.

К каким теоретически значимым последствиям в объяснении морали приводит это открытие Канта? Благодаря допущению умопостигаемого мира, стало возможным обоснование автономии морального субъекта, опирающегося в своих действиях не на требования внешнего вещественно-предметного мира, а на требования исключительно категорического императива, т. е. морального закона. По Канту, именно нормы морали являются определяющими основаниями специфически человеческих свободных действий. Свобода — это возможность поступать независимо от эмпирических причин, от законов физического чувственного мира. Но при этом и не по принципу «что хочу», потому что последний содержит в себе естественную детерминацию, т. е. обусловленность или природно-биологической, или утилитарно-практической необходимостью.

Философия модерна, пришедшая на смену классического рационализма, не только поставила под сомнение достижения классической мысли, но и принципиально перестроила мировоззренческие установки западноевропейской культуры. На место мира, гарантированного в своей устойчивости трансцендентными абсолютами, была поставлена изменяющаяся, становящаяся «жизненная реальность», не нуждающаяся в каком-либо внешнем обосновании, будь то субстанция, божественный абсолют или другая инстанция. В области морали эта критическая настроенность выразилась в сомнении в ценности

морали вообще (Ницше, Сартр). Общезначимость моральных требований стала рассматриваться как схематизация, игнорирующая индивидуально-личностные характеристики человека, а мораль аттестоваться как средство камуфлирования власти и господства как такового.

Постмодернизм, продолживший разрушительную работу общемировоззренческих основ классического рационализма и западного мышления в целом, как и философия модерна сделал главной мишенью критики понятие трансценденции, т. е. умопостижимого, пред-заданного божественной или природной субстанции, мира, который служит основой меняющейся жизненной реальности. У Канта, правда, в понятии «трансценденция» делается акцент на недоступность ее научному познанию в отличие от феноменального, эмпирического мира, но так или иначе именно допущение трансцендентной реальности в кантовской концепции служит спасением морали от релятивизации.

Как бы ни трактовалась трансценденция в классической рационалистической традиции в целом как центральное понятие философского мышления, познания, социального устройства, морали, искусства это понятие есть ориентация на некий всеопределяющий центр, задающий меру и смысл происходящего. Это инстанция, судящая и оценивающая, задающая порядок и обосновывающая его правомочность [11, с. 120].

Предметом критики в постмодернизме становится вся интеллектуальная традиция как классической, так и современной культуры, связанная с признанием каких-либо нормообразующих трансцендентальных структур как основания эмпирической конкретности. В социокультурном плане оспаривается значимость и гуманность не только политико-правовых, но и религиозных, и нравственных норм как носителей властных отношений, ориентированных на подавление, регламентацию, подчинение и т. д.

В нашу задачу не входит детальный и обстоятельный анализ мировоззренческих оснований постмодернизма. В философской отечественной и зарубежной литературе достаточно работ по критическому исследованию феномена постмодерна в целом и философских концепций его наиболее известных представителей. Мы лишь пытаемся ответить на сформулированные выше вопросы о состоянии морали в современную эпоху.

Выше уже сказано, что Кант выводит мораль за границы посюстороннего чувственного мира, помещая ее в noumenальный, умопостижимый мир, и тем самым обосновывает возможность автономной, не детерминированной внешними физическими, эмпирическими причинами, воли. В нравственности, таким образом, мы сами являемся законодателями. Этот тезис о самопроизвольной, самоосновной воле не оспаривается, в принципе, и в экзистенциализме, в частности в концепции Сартра. Но вот вопрос: чем руководствуется эта самозаконодательная воля в свободном поступке? Согласно Канту — моральным законом или категорическим императивом. Сартр с этим не согласен и обвиняет Канта в формализме и абстрактности. Для Сартра критерием аутентичной (истинной) позиции в мире является соответствие поведения индивида достоверностям его сознания (дорефлексивного *cogito*), искренняя вера в то, что поступать следует только так, а не иначе, и, следовательно, признание всей полноты ответственности за принимаемое решение. Эта абсолютная ответственность, которую несет на себе человек за собственный выбор, и является онтологическим гарантом аутентичности человеческой позиции в мире и истинности его понимания.

По Канту, моральный поступок не имеет конкретного содержания, это — форма или идея нравственного закона в отличие от «индивидуально-личностной авантюры» Сартра, совершающейся в конкретных условиях здесь и теперь. Для Канта всякая попытка определить

конкретное содержание свободного поступка в теоретико-методологическом плане означают натурализацию морали и, следовательно, отрицание чистоты морального мотива, обоснованием которой озабочен Кант. Поступок должен соотноситься с законом умопостигаемого мира, в котором отсутствует содержание, но есть идея закона как такового [12, с. 81].

Если поступок не соотносится с законом, то он детерминирован не умопостижимым, а феноменальным миром, т. е. эмпирической (вещественно-предметной), а не собственно человеческой) необходимостью. Значит, из свободы умопостигаемого мира мы попадаем в мир жесткой детерминации феноменов. Альтернативы не существует. Получается, что человека держит, сохраняет как человека только закон умопостигаемого мира, т. е. моральный закон в его формальности [12, с. 82]. Только та воля, «законом для которой может служить одна лишь чистая законодательная форма максимы, есть свободная воля» [10, с. 344–345].

Моральный поступок, по Канту, действительно нравственен, если совершается исключительно во имя закона, из уважения к нравственному закону. Но опыт морали — это всегда живой опыт конкретного поступления. И здесь сам человек выбирает, какими законами ему руководствоваться — законами феноменального мира или же умопостигаемого, т. е. морали как таковой. Но и выбор в пользу морали не ве-

дет автоматически к тому, что поступок будет нравственным. Необходимо личностное усилие, постоянное и напряженное сознание и решимость поступать только так и не иначе и, значит, нести всю полноту ответственности за принятое решение.

Итак, всякий раз человек стоит перед альтернативой: либо руководствоваться не гарантированным феноменальным миром и не вытекающим из него и, следовательно, нигде не прописанным, моральным законом, либо прописанными, зафиксированными в правовых и других актах нормами, предопределяющими его поступок. Но тогда человек несвободен. Свобода в полном смысле слова, как и мораль, — это категории метафизического порядка. Лишь признание существования нефеноменального мира в полной мере дает возможность трансцендентального, т. е. необходимого, а не случайного обоснования морали. А отрицание существования, кроме феноменального, эмпирического мира, умопостигаемого мира, божественной или иной трансценденции, своим закономерным следствием имеет упразднение морали.

Обретет ли мораль в нашу эпоху статус высшей инстанции или же окончательно его утратит, подменив юридическими или эстетическими нормами, или «практиками» повседневного поведения — это во многом будет зависеть от того, на каких метафизических основаниях будут строиться мировоззренческие установки нашего времени. ■

Литература

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. 488 с.
2. Кузьмина Т. А. Мораль, общество, история в философии Ж.-П. Сартра // Историко-философский ежегодник 1995. М., 1996. С. 72–96.
3. Sartre J.-P. Cahiers pour une morale. 1983. — P. 498.
4. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2004. 639 с.
5. Стеценко Е. А. Постмодернизм и современная теория хаоса. URL: http://journal.mosinyaz.com/page_82_34/ (дата обращения: 30.11.14).
6. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб, 1994. С. 271–308.
7. Бауман З. Индивидуализированное общество. — М., 2002. С. 390; Бек, У. Что такое глобализация. — М., 2001. С. 213.
8. Беляева Е. В. Нравственные ценности эпохи постмодерна. URL: http://file:///C:/Documents%20and%20Settings/Admin/Мои%20документы/pages%20from%20ph&ss_2010-1.%2060-65pdf.pdf (дата обращения: 15.11.14).

9. Можейко М. А. От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформация нравственного сознания в современной культуре. URL: <http://lib.icr.su/node/1239> (дата обращения: 03.12.14).
10. Кант И. Соч. в 6-ти т. — Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 544.
11. Кузьмина Т. А. Философия постмодернизма как культурный симптом // Философия и культура. 2012. № 11. С. 120–127.
12. Кузьмина Т. А. Концепция свободы в этике И. Канта // Этика Канта и современность. Рига, 1989. С. 69–90.

References

1. Fuko M. Slova i veshchi. [Words and things.] Arkheologiya gumanitarnykh nauk. M., 1977. 488 s.
2. Kuzmina T. A. Moral, obshchestvo, istoriya v filosofii Zh.-P. Sartra [Morality, society, history in the philosophy of J.-P. Sartre] // Istoriko-filosofskiy ezhegodnik 1995. M., 1996. P. 72–96.
3. Sartre J.-P. Cahiers pour une morale. 1983. — P. 498.
4. Sartr Zh.-P. Bytie i niente. Opyt fenomenologicheskoy ontologii. [Being and nothingness. Experience of phenomenological ontology.] M., 2004. 639 s.
5. Stetsenko E. A. Postmodernizm i sovremennaya teoriya khaosa. [Postmodernism and modern chaos theory.] URL: http://journal.mosinyaz.com/page_82_34/ (date accessed: 30.11.14).
6. Fuko M. O transgressii [About transgression] // Tanatografiya Erosa. Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl serediny KhKh veka. SPb, 1994. P. 271–308.
7. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. [Individualized society.] — M., 2002. p. 390; Bek, U. Chto takoe globalizatsiya. — M., 2001. P. 213.
8. Belyaeva E. V. Nravstvennye tsennosti epokhi postmoderna. [Moral values of the postmodern era.] URL: http://file:///C:/Documents%20and%20Settings/Admin/Moi%20dokumenty/pages%20from%20ph&ss_2010-1.%2060-65pdf.pdf (date accessed: 15.11.14).
9. Mozheyko M. A. Ot «etiki kodeksa» k «etike tvorchestva»: transformatsiya нравственного сознания в современной культуре. [From «code ethics» to «creativity ethics»: transformation of moral consciousness in contemporary culture.] URL: <http://lib.icr.su/node/1239> (date accessed: 03.12.14).
10. Kant I. Soch. v 6 tt. [Collection of works in 6 volumes.] Vol. 4. Part 1. M., 1965. P. 544.
11. Kuzmina T. A. Filosofiya postmodernizma kak kulturnyy simptom [The philosophy of postmodernism as a cultural symptom] // Filosofiya i kultura. 2012. № 11. С. 120–127.
12. Kuzmina T. A. Kontseptsiya svobody v etike I. Kanta [The concept of freedom in Kant's ethics] // Etika Kanta i sovremennost. Riga, 1989. P. 69–90.

Статья сдана в редакцию 26 декабря 2014 года

О. В. Тарасова

Теория флуктуации социально-культурных систем П. Сорокина

UDC 658.014

O. V. Tarasova

Sorokin's theory of fluctuation welfare systems

(Окончание. Начало см.: Тарасова О. В. Теория циклического развития культуры Н. Данилевского // Вестник УрГУПС. № 4. 2014. С. 72.)

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема развития культуры как единой системы ценностей. Обосновывается идея, что в истории существовали и существуют три типа культурных систем: идеациональная, чувственная и идеалистическая. История представляет закономерный процесс смены данных культурно-исторических типов; статья посвящена комплексному исследованию взглядов на развитие культуры выдающегося русского ученого П. А. Сорокина.

Целью статьи является анализ концепции развития культуры. Особое внимание уделено раскрытию механизма возникновения и функционирования различных культурных феноменов, а также вопросу о смене культур, их диалогу и противостоянию.

Автор анализирует законы формирования культурных феноменов, сущность и наполнение различных культурных систем. Основное внимание в работе акцентируется на актуальности взглядов П. А. Сорокина в связи с кризисом современной западной цивилизации, переходом к новой культурно-исторической системы и тем глобальным изменениям в обществе, которые имеют место быть.

Вопрос о кризисе культуры и переходе к новому культурно-историческому типу относится к актуальным проблемам культуры, геополитики, экономики. Используются методы: историко-генетический, сравнительно-исторический, культурно-типологический.

Ключевые слова: цивилизация; флуктуация; локальная культурно-историческая система; цикличность развития культур; идеациональность.

Summary

The paper deals with the issue of development of culture as an integrated system of values. The idea is substantiated that three types of cultural systems have existed in the history and still exist today: ideational, idealistic and sensual. The history is a natural process of replacement of these cultural and historical types. The article is dedicated to complex research of views of the outstanding Russian scientist P. A. Sorokin on the development of culture.

The paper aims to analyze the concept of culture development. Particular attention is paid to description of the mechanism of emergence and functioning of various cultural phenomena, as well as the issue of changing cultures, their dialogue and confrontation.

The author analyzes the laws of formation of cultural phenomena, the nature and content of various cultural systems. The paper is focused on the relevance of the views of P. A. Sorokin in connection with crisis of the modern Western civilization, the transition to a new cultural and historical system and the global changes in society that are taking place.

The question of the crisis of culture and transition to a new cultural and historical type refers to actual problems of culture, geopolitics, and economics. Methods used: historical and genetic, comparative and historical, cultural and typological.

Keywords: civilization; fluctuation; local cultural and historical system; cyclical development of cultures; ideationality.

Без сомнения наступил жесточайший кризис. Мы оказались в эпицентре громадного пожара, сжигающего все до основания. Всего за несколько недель он уносит миллионы человеческих жизней, за несколько часов он уничтожает города с их многовековой историей, за несколько дней стирает с лица земли целые королевства. Красная человеческая кровь широким бескрайним потоком течет по земле. Нищета, растущая день ото дня, простирает свою зловещую тень, охватывая все новые территории. И вот уже наступил конец удачи, исчезли счастье и благополучие, свобода превратилась просто в некий миф. Солнце западной культуры закатилось. Громадный вихрь накрыл собой все человечество.

П. Сорокин

Эти апокалипсические слова принадлежат Питириму Сорокину (1889–1968), выдающемуся русскому и американскому ученому [5].

Американский ученый русского происхождения П. Сорокин состоялся и в России, и в Америке. Будучи профессором, преподавателем Петербургского университета (юриспруденция и социология) в России, Сорокин практически создал американскую социологическую школу, а с 1960 г. возглавлял Американскую социологическую ассоциацию.

Судьба П. Сорокина во многом типична для представителей русской интеллигенции, которые не приняли большевистский переворот 1917 г. Будучи близким к политике как лидер партии эсеров, секретарь А. Керенского, Питирим Сорокин неоднократно выступал с лекциями и статьями (журнал «Воля народа») против свершившейся революции и тех людей, которые явились носителями новой идеологии. Он говорил: «По глубокому убеждению, при внимательном изучении культуры и духовного роста своего народа совершенно ясно, что ничего путного не будет, если у власти станут большевики, ... наш народ еще не прошел тот этап развития человеческого духа, этап патриотизма, сознания единства нации и мощи своего народа, без которого нельзя войти в двери социализма» [3, 22].

В 1922 г. по указанию В.И. Ленина началась подготовка к высылке (без суда!) старой русской интеллигенции.

По существу, это была первая расправа над инакомыслием, попытка власти установить жесточайший контроль, удалив из страны интеллектуальную элиту — тех людей, которые могли мыслить

свободно и высказывать свои идеи, а зачастую критиковать существующий режим. В 1918–1922 гг. более 2,5 млн образованных и культурных людей покинули Родину. Многие уезжали добровольно, понимая что в революционной России они вряд ли найдут применение своим знаниям и талантам. Другие опасались за свою жизнь, будучи уверенными в том, что новая власть не простит аристократическое происхождение и близости к свергнутой власти. Это была утечка умов, эмиграция первой волны, которая привела к понижению духовного потенциала России. О судьбе русской эмиграции того времени написано много научной и художественной литературы.

Эмиграцией всегда было принято считать самостоятельное решение о переселении лица или семьи, депортацией — насильственную высылку.

В 1922 г. депортации подвергнуты такие выдающиеся ученые философы, как Н. Бердяев, С. Франк, Л. Карсавин, социолог П. Сорокин и многие другие.

Судьба эмигрантов в дальних странах различна, часто трагическая, полная лишений. Но жизнь П. Сорокина — это пример яркой и успешной карьеры, признания в обществе, счастливого и материально благополучного личного существования. Удачно сложилась преподавательская деятельность: в 1923 г. он работал на должности профессора в Миннесоте, затем в 1929–1959 гг. возглавил социологический факультет Гарвардского университета. Последние годы жизни, вплоть до кончины в 1968 году, Питирим Сорокин жил и работал в г. Винчестере, штат Массачусетс. Именно тогда созда-

ны основные труды ученого: «Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ» (1937–1941), «Кризис нашего времени» (1941), «Восстановление гуманности» (1948), «Альтруистическая любовь» (1950), «Социальные философии в век кризиса» (1950), «Смысл нашего кризиса» (1951), «Пути и власть любви» (1954), «Интегрализм — моя философия» (1957), «Власть и мораль» (1959), «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР к смешанному социокультурному типу» (1960), «Дальняя дорога. Автобиография» (1963), «Человек, цивилизация, общество» (1963), «Главные тенденции нашего времени» (1964), «Социология вчера, сегодня и завтра» (1968).

Творческое наследие Питирима Сорокина интересно тем, что он, будучи американским гражданином, принявшим ценности иной культуры, никогда не прекращал интересоваться европейской и российской историей и политикой, мечтал побывать в России. Это был взгляд издалека, взгляд человека, который чувствовал и предвидел многие социальные потрясения, но никогда не был сторонним наблюдателем. Напротив, научная миссия Сорокина состояла в том, чтобы открыть законы функционирования культуры и цивилизации, объяснить причины социальных кризисов и определить пути выхода на новый уровень развития.

В методологическом плане концепция П. А. Сорокина перекликалась с учением О. Шпенглера и А. Тойнби. Но, в отличие от этих ученых, Сорокин допускал наличие прогресса в общественном развитии, не считал, что локальные культуры погибают безвозвратно. Признавая глубокий кризис западной культуры, он оценивал его не как «Закат Европы» (название книги О. Шпенглера, вышедшей в 1923 г.), а как необходимую фазу в становлении новой, формирующейся культуры

и цивилизации, объединяющей все человечество.

Есть еще одно существенное различие сорокинской концепции от предшествующих теорий. П. Гуревич считает, что «морфологическом учении о культурах можно выделить два направления. К одному из них можно отнести Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби. К другому — американского антрополога Ф. Нортропа, А. Кребера и П. Сорокина. Отличие второго направления заключается в том, что его сторонники стремятся найти в океане мировых феноменов не отдельные строго очерченные системы, а объединяющие их «культурные суперсистемы» (термин П. Сорокина) и именно их считают культурными целостностями, являющимися определенными символами» [1, с. 192].

В конце 1980–начале 1990-х гг. в России возродился интерес к творчеству Сорокина, произошла переоценка социологической концепции ученого.

Было признано, что «Питирим Александрович Сорокин — безусловный авторитет, непревзойденный исследователь и теоретик в сфере изучения социальных изменений. Механизмы смены общественных систем и их взаимодействие — вот красная нить его творчества» [4, с. 123].

Будучи профессором факультета социологии в Гарварде, Сорокин организовал международный сравнительный междисциплинарный проект, призванный проанализировать все исторические перемены в истории Европы, России. Исследования на базе большого статистического материала имело целью определение места радикальных перемен в историческом процессе. Были выдвинуты различные гипотезы для объяснения причин развития и изменения общества. В результате этого исследования возникла концепция циклической смены, или *флуктуации культурных суперсистем**.

Флуктуация — случайное отклонение величины от ее среднего значения; циклические колебания, нестабильность (прим. Авт.).

Эта концепция принципиально отличалась от уже существующих учений в социологии, например, марксистской. В марксизме история представлена как закономерная смена общественно-экономических формаций, в основе которых лежит способ производства. Движение общества рассматривалось как восхождение от простой организации материальной и духовной жизни к более высокому уровню организации; это был прямолинейный процесс, характеризующийся совершенствованием производительных сил и, соответственно, изменением производственных отношений. Механизмом подобного перехода являлась социальная революция.

Для Сорокина же «история человечества — это повторение одних и тех же типов, основанных на определенной системе ценностей, имеющих лишь различное конкретно-историческое содержательное направление» [4, с. 125].

Опираясь на собственное видение исторического процесса, Сорокин обосновал, как ему представлялось, «основной закон истории». Согласно этому закону, происходит перманентная флуктуация как социокультурных систем, так и обществ, равно как их конкретных сфер: типы политики, экономики, морали, религии не являются постоянными и не развиваются по непрерывно восходящей линии, а непрерывно качаются между полюсами тоталитаризма и свободы.

По Сорокину, процесс флуктуации социокультурной системы проходит через ряд этапов: дезинтергация — кризис — мобилизация сил — новый социокультурный порядок.

В своих работах «Социальная и культурная динамика» и «Человек, цивилизация, общество» П. Сорокин размышляет о типологии и динамике культуры. Для того чтобы выделить культуру в историческом процессе как целостность, своеобразную реальность, ученый вводит понятия «культурный менталитет», «менталитет культуры». Эти понятия означают «ценности и значения, определенные образы и желания,

чувства, эмоции. Они образуют сферу духа и внутреннего опыта, которые воплощаются, реализуются во внешних событиях, объектах, процессах» [8, с. 344].

Сорокин понимает культуру не как конгломерат разнообразных явлений, никак не связанных друг с другом, а как «единство или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну и главную ценность... Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры» [там же, с. 429]. Доминирующие ценности единой культуры охватывают всю духовную жизнь: искусство и науку, философию и религию, этику и право, нравы, и обычаи, образ жизни и мышление, экономическую и политическую организацию. Каждая культура индивидуальна: она имеет собственный менталитет, свою систему познания, собственные философию и мировоззрение, тип религии и образцы «святости», формы искусства и литературы, правила нравственности и кодексы поведения, свою экономику и политику, законы и наказания. На этой основе возникает особый, присущий именно данной культуре тип личности, обладающий специфическим менталитетом и поведением. Все ценности, сколь различными они бы ни были, хорошо согласуются друг с другом и логически, и функционально. Они разделяются большинством членов общества, воспринимаются как «единственно верные», передаются от поколения к поколению. Интеграция ценностей обеспечивает стабильность общества.

В соответствии с характером доминирующей ценности, Сорокин выделяет три типа культур: идеациональная, чувственная и идеалистическая культуры.

За исходные основания выделения и описания типов культур Сорокин предлагает принимать четыре признака: природа реальности и способ ее восприятия людьми, природа потребностей и целей, требующих удовлетворения, степень и формы удовлетворения потребностей, способы удовлетворения потребностей [5, с. 503].

Идеациональный (идеационный) тип культуры

Данный тип культуры базируется на принципе сверхчувственности и сверхразумности бога как единственной реальности и ценности. Иначе говоря, главными являются ценности религии; они интегрируют все сферы культуры.

В это время реальность делится на две противоборствующие части: мир телесный и мир духовный. Этот раздел проходит по самому человеку, он как бы распадается на две части, тело и душу, соединить которые возможно только одним способом — систематически угнетая плоть, высвободить духовное начало. Идеалом человеческой личности становится аскет, монах-отшельник, презирующий мирские удовольствия.

Реальность воспринимается как сверхчувственное, нематериальное бытие. Чувственная среда растворяется в бесконечной божественной реальности. К этому типу культуры Сорокин относит прежде всего средневековую культуру. В этой культуре, по его словам, «господствующие нравы и обычаи, образ жизни, мышления поддерживали свое единство с Богом как единственную высшую цель, а также свое отрицательное или безличное отношение к чувственному миру, его богатству, радостям и ценностям» [8, с. 430].

Вся жизнь была пропитана религиозными смыслами и символами. Это относилось ко всем сферам духовной культуры — морали, искусству, праву. Человек, по меткому высказыванию С. Аверницева, читал библию как европеец читает утреннюю газету. Образование было отдано в руки церковнослужителей. В стенах монастырей изучались такие предметы, как риторика, логика, теология, арифметика, музыка. Первые европейские университеты возникли на базе монастырских школ — это Кембриджский и Оксфордский университеты в Англии, Болонский университет в Италии.

В основании средневековой философии лежали принципы креационизма (онтология) и провиденциализма

(гносеология), призванные обосновать и доказать существование божественной реальности.

Чувственный мир, реальность воспринималась как неподлинное бытие, а человек считал себя временным странником, который пришел в этот мир, чтобы страдать. Страдания специфическим образом обожествлялись: чем больше человек страдал, тем вероятнее было его приближение к вратам рая, за которыми и начиналась, в сущности, истинная, подлинная реальность. Все испытания, выпадающие на долю человека, надлежало принимать спокойно и достойно, не усомнившись в необходимости их присутствия на жизненном пути (книга Иова). «Короче говоря, — заключает П. А. Сорокин, — интегрированная часть средневековой культуры была не конгломератом различных культурных реалий, явлений и ценностей, а единым целым, все части которого выражали один и тот же высший принцип объективной действительности и значимости: бесконечность и сверхчувственность божества — Бога вездесущего, всемогущего, всеведущего, абсолютно справедливого, прекрасного, создателя мира и человека» (там же).

На смену средневековой культуре приходит новая культура. Это период начался в Европе с конца XII в. с выдвижения новых ценностей и утверждения чувственного типа культуры.

Чувственный (сенситивный) тип культуры

Формирование чувственной культуры начинается с XVI в. и достигает апогея в XX в. «Только то, что мы видим, слышим, осязаем, ощущаем и воспринимаем через наши органы чувств — реально и имеет смысл. Вне этой чувственной реальности или нет ничего, или есть что-то такое, чего мы не можем почувствовать, а это эквивалент нереального, несуществующего» [8, с. 430].

Чистая возвышенная духовность отходит на второй план, возникает новый менталитет и новый тип личности. Главными ценностями становятся

чувственный удовольствия, стремление к наслаждению, интерес к практической пользе. Концепции и теории, основанные на сверхчувственной реальности, отвергаются как заблуждение. Наука и искусство обслуживают потребности широких масс людей. Но эти потребности связаны с реализацией физиологических желаний. Поэтому в приоритетных направлениях науки преобладают отрасли, которые занимаются проблемами экономики, косметологии, фармацевтики, геронтологии, психологии и медицины. Вся производственная машина запрограммирована на удовлетворение потребностей, сформированных чувственной культурой.

П. А. Сорокин выделяет различные варианты крайностей чувственной культуры: эпикуреизм* активный, пассивный эпикуреизм и цинический.

В первом варианте преобладает культура активного чувственного менталитета. Этот тип связан с преобразовательной деятельностью человека, результатом которой становятся открытия новых технологий получения приятных, комфортных ощущений от жизни. Субъектами данного процесса являются артисты, мореплаватели, композиторы, ученые.

Во втором варианте менталитет меняется, здесь не требуется активная работа по изменению реальной жизни. Человек паразитирует и утилизирует внешнюю реальность. Жизнь становится большим приключением, цель которого — наслаждение жизнью во всех ее проявлениях. Человек не утруждает себя вопросами о смысле жизни и не желает нести бремя ответственности за свои деяния. Этот вид эпикуреизма напоминает эстетическую стадию в триаде развития личности С. Кьеркегора, датского философа-экзистенциалиста**.

Третий вариант — это менталитет, который характеризуется распро-

странением лицемерия, комедией масок, приспособленчеством ради наживы и выгоды. Ядром этого менталитета является массовое искусство, которое призвано развлекать и снимать усталость, давать отдых и расслабление. Это искусство вызывает к жизни самые низменные инстинкты, оно свободно от моральных запретов и религиозных догматов. Персонажи такого искусства — простые люди, среда обитания которых — повседневная реальность, хорошо знакомая каждому. «Чувственное общество живет в настоящем и ценит только настоящее. Так как прошлое необратимо и уже более не ясно, то только настоящий момент реален и желанен. Отсюда: ухвати сегодняшний поцелуй; быстро обогащайся; захвати власть; цени популярность, славу и возможности текущего момента, так как осознаются ценности только настоящего» [8, с. 470].

Отрицание общезначимых ценностей, базирующихся на традициях, опыте и мудрости прошлого, приводят к культурному нигилизму. Когда грань между добром и злом становится прозрачной, все ценности переворачиваются с ног на голову. История переосмысливается, переписывается, друзья и враги меняются местами, трагическое становится комическим, а прекрасное отдает свои права безобразному. Такое состояние не может длиться долго, и хаос приводит общество или к гибели, или к новой системе ценностей.

Идеалистический (смешанный тип культуры)

Идеалистическую систему культуры П. Сорокин считает промежуточной между идеациональной и чувственной. «Ее основной посылкой было то, что объективная реальность частично сверхчувственна и частично чувственна, она охватывает сверхчувственный

*Эпикур, древнегреческий философ, разработавший теорию о том, что жизнь человека — это стремление к счастью. И в этом стремлении большая роль принадлежит чувственному наслаждению.

**По Кьеркегору, личность проходит три стадии в своем развитии — эстетическую, этическую и религиозную. На первой ступени развития человек движим только голосом удовольствия, вожделения и жажды наслаждения.

и сверхрациональный аспект, образуя собой единство этого бесконечного многообразия» [8, с. 431]. Эта культура всеми своими основными подразделениями утверждает основные положения идеализма как философского направления. Да, существует мир чувственных вещей, но этот мир лишь тень мира иного, идеального, где есть эталоны-идеалы всех материальных объектов, человека и человеческой души. Более того, в этом идеальном мире есть образцы чистой Красоты, Добра, Блага. В реальности могут попирааться только материальные заместители идей, но сами идеи вечны и неизменны.

В данном типе культуры существует некий баланс между ценностями предыдущих типов культур, но этот баланс достигается не равным присутствием той или иной культуры на чаше исторических весов. Баланс достигается гармонией между материальными и духовными ценностями. В идеалистической культуре материальное начало представлено как набор необходимых и достаточных для выживания средств.

Духовное начало, напротив, приподнимает человека над жизнью и дает ему надежду на существование в самых критических условиях.

Если идеалистический тип культуры есть синтез чувственного и идеационального типов, где чувство уравнивается интеллектом, вера — наукой, эмпирическое восприятие — интуицией, то, по выражению Сорокина, «человеческими умами будет руководить истина разума» [8, с. 433].

В таблице 1 представлена типология культур по Сорокину.

Комплекс указанных признаков в разных модификациях образует различные типы культуры.

Сорокин замечает, когда идет смена культурных систем, общество находится в тяжелом состоянии.

В работах «Социальная и культурная динамика», «Кризис нашего времени» ученый пишет о механизмах смены культурно-исторических систем: «Периоды перехода от одной фундаментальной формы культуры и общества к другой, когда рушится здание

Таблица 1

	Идеациональный тип культуры	Чувственный тип культуры	Идеалистический тип культуры
Природа реальности, способ ее восприятия людьми	Подлинная реальность сверхъестественная, сверхчувственная	Подлинная реальность материальная	Гармония материальной и духовной реальности, но духовная реальность первичная
Природа потребностей и целей, требующих удовлетворения	Духовные потребности, спасение души, служение богу, очищение тела от грехов	Чувственные потребности, прежде всего удовлетворение физиологических потребностей. Материальные потребности комфорта и безопасности жизни	Смешанные телесно-духовные потребности. Душа и тело равноправные части целого — человека
Степень и формы удовлетворения потребностей	Диапазон от праведного верующего до монаха-отшельника	Диапазон зависит от материальных (финансовых) возможностей человека, его статуса	Диапазон зависит от различных комбинаций материального и духовного. Могут доминировать те, или другие способы удовлетворения
Способы удовлетворения потребностей	Молитва, служение богу, господину, Прекрасной Даме	Образование, власть, престижные профессии, финансы	Наука, образование, благотворительность, творчество

старой культуры, а новая структура еще не возникла, когда социокультурные ценности становятся почти полностью «атомизированными» и конфликт между ценностями различных людей и групп становится особенно непримиримым, неизбежно порождает борьбу особой интенсивности, отмеченную широчайшей вариативностью форм. В рамках общества она принимает в дополнение к другим конфликтам форму роста преступности и жестокости наказаний, особенно «взрыва бунтов, восстаний и революций» [7, с. 362].

Сорокин подчеркивает, что чем более велик переход от одной культурной формы к другой, тем больше насилия присутствует в войнах, революциях, наказаниях. Эти периоды надолго остаются в памяти поколений как время особых зверств и политического безумия.

В работе «Социальная и культурная динамика» ученый изучил 967 войн и 1629 смуты. Ввел индекс — соотношение между количеством военных конфликтов и количеством жертв на миллион населения. Затем сопоставил данные по войнам с показателями развития общества в Западной Европе и установил закон возрастания индекса в определенные периоды, сопровождающиеся повышенной степенью конфликтности либо в обществе (гражданские войны), либо между государствами (межгосударственные войны). Именно эти периоды отражали флуктуационную динамику смены социокультурной системы.

Свои исследования Сорокин представил в виде наглядных таблиц (таблица 2).

Из таблицы 2 видно, что бремя войны было пиковым в XVIII в., XIX в. можно считать относительно спокойным, но в XX в. идет нарастание масштаба военизированности [6, с. 362].

Радикальные перемены в истории человечества: первая мировая война, разделившая мир на две противоборствующие стороны, ее катастрофические последствия для народов Европы, затем возникновение нацизма стали не только всемирной катастрофой, но и личной трагедией ученого. В своей книге «От войны к миру, у истоков сознательного альтруизма Питирима Сорокина» П. Кротов и А. Долгов обращаются к биографии ученого и отмечают тот факт, что Сорокин стоял у истоков антигитлеровской коалиции в США. В 1941 г. был образован фонд помощи воюющему СССР, в организации которого активную роль играла семья Сорокиных. Супруга ученого, Е. Сорокина, возглавляла Винчестерский филиал данного фонда [4, с. 237].

Какие признаки переходного периода выделяет автор? Это, во-первых, международные войны, во-вторых, рост душевных болезней и самоубийств, в-третьих, рост дезинтеграции и дезорганизации общества, в-четвертых, разрушение существующей системы ценностей и, как следствие, заполнение культурного пространства чуждыми культурными идеалами и нормами.

Сорокин называет период первой четверти XX столетия переходным и считает, что с этого времени в культуре начинается время столкновения различных политических систем, а значит, время войн, революций и конфликтов.

Таблица 2

Динамика изменения общественного бремени войн

Столетие	Абсолютная численность армии	Потери на войне	90 % населения	Относительная армия	Уровень потери
XX	60425000	22035150	401000000	150685	54955
XIX	24333800	3645627	238000000	101823	15234
XVIII	31055500	4505990	135000000	230041	33377
XVII	25796000	3711090	100000000	257960	37111

Основной причиной кризиса этого времени является противоречие внутри общества, основанного на чувственной культуре.

В своей работе «Кризис нашего времени», которая является популярной версией «Социальной и культурной динамики», Сорокин констатирует кризис западной культуры. Ученый выражается образно: «...за три-четыре десятилетия умирающая чувственная культура смела все материальное богатство и другие ценности, созданные за предыдущие столетия. Человек сидит среди руин своего былого прекрасного общественного здания, в окружении — в буквальном и переносном смысле — устрашающей массой трупов» [7, с. 358].

Согласно логике автора, данный кризис будет сопровождаться войнами, смутами и политическими переворотами. Можно ли избежать этого? И почему в мире нет устойчивого движения к исчезновению войн? Сорокин отвечает, что диалектика войны и мира существует и имеет примерно равные шансы на доминирование. Нет универсальной тенденции в динамике войн. И на вопрос — будут ли войны продолжаться или постепенно уходить с политической арены? — ответ ученого будет скорее всего: «Не знаю». Очевидно лишь то, что период войн будет сменяться периодом мира. Но ожидать голубя с оливковой ветвью в ближайшее историческое время — это лишь благое намерение. «Великая трагедия с ее *forte* и *piano* будет продолжаться» [7, с. 547].

Эти взгляды ученого вряд ли можно назвать пессимистическими — все великие культуры подвергались подобным изменениям. В истории человечества не было культуры с бесконечным потенциалом возможностей. Все культуры рано или поздно становились непродуктивными. Но разрушение старой культуры не означает исчезновения культуры вообще.

Какая культура приходит на смену чувственной? Если следовать логике Сорокина, то это будет идеациональная культура. «Такие переходы, особенно когда перезревшая чувственная культура заменяется идиациональной, сопровождаются колоссальной и часто неожиданной экономической катастрофой и понижением уровня жизни» [7, с. 359].

Внутри каждой культурной системы существуют возможности, которые обеспечивают жизнедеятельность системы, считает Сорокин. Эти возможности столь значительны, что они выбраковывают, выбрасывают чуждые элементы. Это помогает системе сохранять свои уникальные индивидуальные свойства и не менять качество развития, не прерывать судьбоносный исторический ход. Это отличает концепцию Сорокина от взглядов Шпенглера, который приписывал каждой культурной системе историческую безысходность.

Нельзя назвать теорию социокультурных систем П. Сорокина мейнстримовским учением. Но ценность и актуальность взглядов мыслителя не вызывает сомнения. В создании своей теории ученый опирался на большой социологический материал, который помог выстроить логику развития культуры и цивилизации, а значит, дал возможность прогнозировать будущее.

Мы живем во времени распада чувственной социокультурной системы, в анамнезе этого периода лежат процессы драматического, а, нередко, катастрофического свойства. Но культура, с точки зрения Питирима Сорокина, носит созидательный характер. Связь времен не прерывается, идет закономерный процесс рождения новой социокультурной системы. Она обладает творческой энергией, большим духовным потенциалом. Это вселяет надежду, что время войны обязательно сменится временем мира, и этот период будет продолжительным и плодотворным для человечества. ■

Литература

1. Гуревич П. С. Культурология. М., 1994. С. 336.
2. Гуревич П. П. Философия культуры. М., 2005. С. 352. ISBN X-X00-0-00008-029-6.
3. Жуковская Д. Причины и судьбы эмиграции после революции 1917 года [Историк: электронный журнал]. URL: http://www.historicus.ru/sudba_emigratsii (дата обращения: 11.02.2015).
4. Кротов П. П., Долгов А. Ю. От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. — Сыктывкар, Вологда : «Древности севера», 2011. С. 400. URL: [Pitirim.org/files — war-to-peace-pdf](http://Pitirim.org/files-war-to-peace-pdf). (дата обращения: 15.01.2015).
5. Солонин Ю. А., Коган М. С. Культурология. М., 2007. С. 556. ISBN 5-9692-0098-0.
6. Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Американская социологическая мысль // М-1996 С. 357–371 Электронная библиотека: RoyalLib.com UPL: http://royallib.com/book/sorokin_pitirim/krizis_nashego_vremeni.html (дата обращения: 24.01.2015).
7. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб, 2006. С. 1176. ISBN 5-271-13359-1.
8. Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 543.

References

1. Gurevich P. S. Kulturologiya. [Cultural Studies.] M., 1994. p. 336.
2. Gurevich P. P. Filosofiya kultury. [Philosophy of culture.] M., 2005. p. 352. ISBN X-X00-0-00008-029-6.
3. Zhukovskaya D. Prichiny i sudby emigratsii posle revolyutsii 1917 goda [Causes and fate of Russian emigrants after the 1917 revolution] [Istorik: e-magazine]. URL: http://www.historicus.ru/sudba_emigratsii (date accessed: 11.02.2015).
4. Krotov P. P., Dolgov A. Yu. Ot voyny k miru: u istokov teorii sozidatel'nogo altruizma Pitirima Sorokina. — Syktyvkar, Vologda: «Drevnosti severa », [From war to peace: at the origins of the theory of creative altruism of Pitirim Sorokin. — Syktyvkar, Vologda, «Antiquities of the North»,] 2011. p. 400. URL: [Pitirim.org/files — war-to-peace-pdf](http://Pitirim.org/files-war-to-peace-pdf). (date accessed: 15.01.2015).
5. Solonin Yu. A., Kagan M. S. Kulturologiya. [Cultural Studies.] M., 2007. P. 556. ISBN 5-9692-0098-0.
6. Sorokin P. A. Krizis nashego vremeni. Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl [The crisis of our time. American Sociological Thought] // M-1996 p. 357–371 E-library: RoyalLib.com UPL: http://royallib.com/book/sorokin_pitirim/krizis_nashego_vremeni.html (date accessed: 24.01.2015).
7. Sorokin P. A. Sotsialnaya i kulturnaya dinamika. [Social and Cultural Dynamics.] SPb, 2006. P. 1176. ISBN 5-271-13359-1.
8. Sorokin P. A. Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo. [Man, civilization and society.] M., 1992. P. 543.

Статья сдана в редакцию 20 февраля 2015 года

А. В. Барковский

Молодежь как субъект политического участия: предпочтения, мотивация, перспективы

UDC 321.02

A. V. Barkovskiy

Youth as a policy actor: preferences, motivation, prospects

Аннотация

Проведен анализ способов, методов, а также причин, способствующих участию россиян и в частности молодежи в политической жизни. Описана современная политическая история России с позиции активного участия в ней населения.

Социологическое исследование показывает способы молодежи (студенчества) принимать активное или пассивное участие в политической жизни. Надеяться на активное участие студентов в политической жизни не приходится. Оптимальной формой участия является посещение избирательного участка в день выборов. Причина участия — осознание значимости собственной личности в делах государства. При этом значимость неэлекторальных способов участия в политической жизни минимальна. Законодательно-нормативная база участия в политике устраивает большинство респондентов.

В процессе обучения студенты готовы принимать некое участие в политической жизни, но ориентация на построение политической карьеры в мировоззрении молодежи отсутствует. Негативные мысли и ценности по отношению к политике в мировоззрении молодежи минимальны. При этом корреляция, способы взаимодействия между студенчеством и государством не прослеживаются, что говорит о различиях в целях государства с ценностями молодежи.

Ключевые слова: цели государства; потребности населения; молодежь; студенчество; политическое участие; массовое мероприятие.

Summary

Methods, techniques, as well as reasons for participation of Russians, in particular young people, in political life, have been analyzed. The modern political history of Russia is described from the perspective of active participation of public.

The sociological research shows the ways young people (students) take active or passive participation in political life. The outlook on participation of students in political life is quite dim. The optimal form of participation is to visit a polling station on the day elections. The reason for participation is the awareness of importance of self in affairs of the state. At the same time, the importance of non-electoral ways of participation in political life is minimal. Most of the respondents are satisfied with legislative and regulatory framework of participation in political life.

The students are willing to take some part in political life during their studies, but there is no focus on building a political career in the outlook of young people. Negative thoughts and values in relation to politics are minimal in the outlook of young people. With that, no correlation, no ways of interaction between students and the government are observed, suggesting differences in goals of the state and the values of young people.

Keywords: goals of the state; needs of the population; youth; students; political participation; mass event.

Современная история России вызывает различное отношение у ее граждан. С одной стороны, немалая доля населения поддерживает государство в новациях, проводимых во внутренней и внешней политике. С другой, значительное число россиян живет в условиях непредсказуемости и неуверенности в завтрашнем дне, что влияет на возникновение негативного настроения. История России, как, впрочем, и большинства государств, показывает, что при возникновении в обществе негативных тенденций может увеличиться уровень политического участия граждан, что теоретически несет отрицательные последствия для существующей политической элиты.

В 2000–2008 гг. Россия развивалась в рамках статической политической стабильности, негативных настроений в обществе не наблюдалось. Стабильное ежегодное повышение стоимости барреля нефти оказывало влияние на рост российской экономики, что, в свою очередь, сказывалось на повышении жизненного уровня россиян. Безусловно, зависимость бюджета России от стоимости природных ресурсов в долгосрочной перспективе — негативная тенденция, но в краткосрочной нефтяные доллары позволили государству решать значимые и текущие социальные проблемы. Граждане России, ощутив поддержку государства, не пытались себя ему противопоставить. Поколение, пережившее 90-е гг. XX в. (массовые митинги, демонстрации и протесты безработных, пенсионеров, инвалидов и других категорий населения), стало на этот раз свидетелем позитивных изменений в экономической и социальной сферах.

Даже мировой финансовый кризис осенью 2008 г. фактически никак не повлиял на процессы, протекающие в российском обществе. Накопленные государственные капиталы за счет высокой стоимости природных ресурсов позволили российским гражданам с минимальным экономическим ущербом пережить неблагоприятные времена.

Многие отечественные и зарубежные эксперты указывали на возможность более либеральных способов управления страной в 2008–2011 гг. [1]. Но наличие либеральных ценностей требует от населения активного участия в политической жизни, прежде всего умения и желания бороться за свои основные права. Подобных традиций история России не знает.

Отголоски либеральной политики проявились в конце 2011 — в первой половине 2012 гг. Выборы в Законодательное собрание РФ (декабрь 2012) вызвали протестные явления в российском обществе. Ответом на это стало ужесточение законодательства в области проведения массовых манифестаций в 2012–2014 гг. В частности, увеличены финансовые штрафы за несогласованное, неконвенциональное политическое мероприятие и введена уголовная ответственность за неоднократное нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий [2]. Результатом этого явилось усиление политической пассивности населения. Объективно необходимость более строгого законодательства в сфере политических прав и свобод граждан обусловлена комплексом причин: «цветные революции» на постсоветском пространстве, «арабские весны», внешняя политика, направленная на усиление позиций России на мировой арене, стагнация в экономике России, грозящая снижением качества жизни. Безусловно, желание вернуть статус сверхдержавы современной России в какой-то мере побуждает граждан поддерживать текущую политику. Но, быть может, не каждый гражданин России осознает, что подобная политика требует от государства соответствующей политической, экономической и военной мощи. Можно согласиться, что с позиции развития вооруженных сил наше государство можно отнести к статусу сверхдержавы, но с позиции политической и экономической мощи Россия далека от подобного уровня. Соответственно, для продолжения усиления

своего геополитического влияния в современном мире российским властям, похоже, придется снизить качество жизни россиян. Впрочем, это уже произошло: падение реальных доходов из-за девальвации рубля, снижение доступности бесплатной медицинской помощи, большие претензии к системе образования. То есть государство урезает пакет социальных гарантий за счет увеличения бюджетных ассигнований на другие — несоциальные — цели. Подобная политика может вызвать негативные настроения россиян.

От людей всех возрастов и профессий почти всегда можно услышать: «Политика — грязное дело». Поэтому вряд ли стоит удивляться катастрофически низкой явке почти на всех муниципальных и региональных выборах. Причины такой апатии очевидны: снижение конкурентной политической среды — малым партиям и отдельным независимым кандидатам ограничен доступ к власти [3, 4]; игнорирование некоторых демократических избирательных ценностей, в частности, запрет выборных процедур на муниципальном и региональном уровнях [5, 6].

Апатичное отношение к политике можно фиксировать в любой возрастной группе россиян. Даже современная молодежь, ни дня не жившая во времена СССР, судя по всему, политически мыслит и поступает аналогично старшему поколению. Подобная специфика подразумевает сохранение или даже возрождение советской политической ментальности в мировоззрении молодых людей, что очень важно, учитывая текущую внешнюю и внутреннюю политику России.

Безусловно, не каждый современный молодой человек поддерживает нынешние новации в политике. Поэтому важно понять, какие последствия для государства может иметь принятие или неприятие молодежью изменений в политической жизни общества.

Чтобы выявить реальный настрой молодежи, нами в ноябре-декабре 2014 г. проведено социологическое исследование. Объектом исследования

выступали студенты I (23%), II (23%), IV (25%) и V (29%) курсов, в общей сложности 100 чел. Эта социальная категория обладает рядом особенностей. Студенчество максимально организовано (включено в организованный образовательный процесс подготовки квалифицированных кадров), динамично, восприимчиво к новым веяниям и различным влияниям, быстро реагирует на любые изменения в любых сферах социума, инициативно и готово к освоению и выполнению новых социальных ролей, амбициозно, находится на стартовых позициях и потому неизбежно ориентировано на карьерный рост, настроено весьма критично по отношению к предыдущему и настоящему социальному опыту, обладает большей способностью к кооперации [7]. Предмет исследования — выявление степени участия студентов и готовности к такому участию в политической жизни общества. Выборка студентов младших и старших курсов обусловлена необходимостью показать изменения стиля поведения студентов в политической жизни в процессе взросления. В качестве метода была использована гнездовая выборка. Результаты исследования изложены в таблицах с краткой интерпретацией каждой.

Студенты любого возраста и курса обучения не готовы принимать активного участия в политических мероприятиях. Более высокий процент студентов II курса можно объяснить постепенным их вовлечением в активную общественную жизнь в университете, что подразумевает в некоторых случаях не только участие, но и организацию массовых мероприятий. Впрочем, подобная активность практически полностью исчезает к моменту окончания обучения в вузе. Объяснить подобное явление можно сложностью процесса организации подобных мероприятий, взрослением молодежи, соответствующими возникающими проблемами, связанными с работой, семьей или их нарастающим конформизмом и убыванием юношеского максимализма.

Таблица 1

Каково будет ваше поведение в случае подготовке и организации в вашем городе, районе или деревне массового политического мероприятия (%)?

	Всего	I курс	II курс	IV курс	V курс	Работающие студенты	Неработающие студенты
Обязательно буду участвовать, в случае наличия возможности — войду в организационный комитет по подготовке политического мероприятия	6	4,3	21,8	4		11,5	6,7
Приму участие в мероприятии, но в качестве стороннего наблюдателя	23	30,5	17,4	40	3,4	11,5	25,7
Буду следить за политическими мероприятиями в средствах массовой информации или узнавать факты из уст непосредственных участников	54	56,6	47,8	36	72,4	61,6	50
Никак не буду интересоваться проводимыми политическими событиями	17	8,6	13	20	24,2	15,4	17,6

При этом респонденты, не желая принимать активного участия, тем не менее, интересуются подобными событиями в качестве сторонних наблюдателей или через СМИ. Эта закономерность, возможно, обусловлена наличием пассивности в ментальности россиян или нежеланием участвовать, пока конкретная проблема не затронет определенного человека [8]. Согласно результатам приведенного исследования протестных акций становится больше, а число их участников сокращается. Определенная часть молодежи и студентов ушла с улиц, перестала посещать митинги. Оппозиция постарела: костяк протеста сегодня составляет образованная 40-летняя интеллигенция.

Также среди студентов наметился определенный процент абсентеистов, т.е. людей, сознательно уклоняющихся от участия в массовых политических мероприятиях.

Таблица 2 показывает, что оптимальной формой участия для респондента является посещение избирательного участ-

ка (ответ 1). Более низкий процент у студентов I курса обусловлен отсутствием опыта голосования в силу их несовершеннолетия. Но при этом первокурсники активнее остальных студентов принимают участие в митингах, демонстрациях и т.п. мероприятиях, организованных провластными структурами (ответ 2) [9]. Подобный аспект обусловлен более молодым возрастом, малым жизненным опытом, а значит, наличием определенного интереса и мотивации к этим действиям. А властным структурам легче обязать, смотивировать первокурсников по сравнению со старшекурсниками участвовать в этих мероприятиях.

На этой стадии, по сути, участие студентов в политической жизни фактически завершается. Процент студентов, посещающих оппозиционные митинги, входящих в организационный комитет митинга или включающийся в работу какой-либо политической партии, ничтожно мал (ответы 3–5). Объяснить эти явления можно несколькими причинами: недостаток мотивации

Таблица 2

Какие формы политического участия для вас являются приемлемыми (%)?
(выберете несколько вариантов ответа)

	Всего	I курс	II курс	IV курс	V курс	Работающие студенты	Неработающие студенты
Посещаю избирательный участок в день проведения выборов	77	65,2	82,6	76	86,2	80,7	77
Участвую в митингах, демонстрациях, шествиях, организованных провластными структурами	11	21,7	4,3	8	10,3	3,8	13,5
Участвую в митингах, демонстрациях, шествиях, организованных оппозиционными структурами	6	8,6	8,6	4	6,8	3,8	8,1
Организую митинг, демонстрацию, шествие и другие массовые политические мероприятия	1	4,3					1,3
Состою в какой-либо политической партии, движении или клубе	3	8,6	4,3				4
Сознательно уклоняюсь от участия в любых формах политической деятельности	18	26	17,3	20	13,7	15,3	18,9

и опыта подобных мероприятий; отсутствие идеологических идентификаций (соотнесение ценностей молодежи с программой какой-либо партии); неверие в эффективность таких мероприятий; отсутствие доверия к лидерам партий.

Также вторично подтвердилась тенденция наличия абсентеистов среди студентов (ответ 6).

Таблица 3 демонстрирует интересную закономерность. В качестве главного мотиватора для участия в политической жизни подавляющее большинство студентов указывает процесс соотнесения себя с гражданами с РФ и демонстрирует понимание ответственности за происходящие в стране события (ответ 1). Можно надеяться, что современная молодежь будет способна максимально ответственно и рационально распоряжаться властными полномочиями, если получит к ним доступ.

Вторая по значимости причина, заключающаяся в желании доказать

свою правоту (ответ 2), показывает более высокую степень наивности у студентов младших курсов по сравнению со старшекурсниками. Взрослея, молодежь в России начинает понимать, что для отстаивания своих политических убеждений требуется не только высокий уровень политического участия, но и значимость собственной личности, знание своих прав и свобод, гражданская позиция, осознание взаимной ответственности личности и государства.

Третья причина — давление родственников, друзей и работодателей — служит доказательством сильного влияния перечисленных групп на первокурсников по сравнению с остальными курсами. Этот процесс объясняется наибольшей степенью зависимости 17–19-летних молодых людей от своих родителей и друзей. На старших курсах многие студенты начинают самостоятельно зарабатывать на жизнь, а влияние окружающих на их политическое поведение снижается.

Таблица 3

Какие причины могут побудить вас участвовать
в политической жизни (%)? (выберете несколько вариантов ответа)

	Всего	I курс	II курс	IV курс	V курс	Работающие студенты	Неработающие студенты
Осознание собственной гражданственности и понимание ответственности каждого за события, происходящие в государстве	70	65,2	78,2	64	79,3	84,6	67,5
Желание доказать окружающим правоту своих политических убеждений	35	47,8	43,4	24	20,6	30,7	36,4
Оказание давления со стороны родственников, друзей или работодателей с целью принуждения к участию в политической жизни	12	26	8,6	8	6,8	11,5	12,1
Наличие достойного кандидата	1			4			1,3
Возможность улучшить жизнь в России при помощи своих действий	2		4,3	4		3,8	1,3
Ради корыстных целей	1	4,3		4		3,8	1,3
Политическая ситуация в стране	2	4,3		4			2,6
Ради честных выборов	1			4			1,3
В случае военных действий	1			4			1,3
Никакие причины не могут побудить меня участвовать в политической жизни	2				3,4		1,3

Процент остальных причин, побуждающих участвовать в политической жизни, ничтожно мал для проведения отдельного анализа.

Таблица 4 демонстрирует, что большая часть респондентов (примерно 78%) считает массовые политические мероприятия действенным способом борьбы с несправедливыми решениями власти. Причем корреляция мнений между студентами различных курсов по этому вопросу минимальна. С одной стороны, люди считают, что могут повлиять на власть, но исходя из таблицы 1 (ответы 1, 2, 4) респонденты не готовы принимать участия.

В таблице 5 ответ 1 снова показывает своеобразную политическую наивность первокурсников по сравнению с осталь-

ными курсами. Вчерашние школьники из-за неопытности предполагают, что участие в массовом мероприятии может помочь решить какие-либо проблемы. Хотя на практике одного участия бывает мало — см. выводы к таблице 3.

Ответ 2 не демонстрирует корреляцию между мнениями студентов различных курсов. Ответ 3 приводит респондентов к мысли, что свобода проведения массовых политических мероприятий является неотъемлемым атрибутом демократии. Причем думает таким образом большая часть респондентов. Ответ 4 явно демонстрирует снижение у студентов в процессе взросления мотивации в организации и проведения массовых политических мероприятий.

Таблица 4

Считаете ли вы митинги, демонстрации и общественные движения способом борьбы с несправедливыми решениями властей (%)?

	Всего	I курс	II курс	IV курс	V курс	Работающие студенты	Неработающие студенты
Да, считаю	26	21,8	26	28	24,1	34,6	23
Скорее да, чем нет	52	65,2	48	44	55,2	38,5	56,7
Скорее нет, чем да	20	13	26	24	17,3	23,1	19
Нет, не считаю	2			4	3,4	3,8	1,3

Таблица 5

Как вы оцениваете результаты проводимых законодательно разрешенных политических митингов, демонстраций, шествий и т. д. (%)?
(выберете несколько вариантов ответа)

	Всего	I курс	II курс	IV курс	V курс	Работающие студенты	Неработающие студенты
Органы власти благодаря различным митингам и демонстрациям слышат о требованиях населения и пытаются при помощи политических решений их удовлетворить	24	43,4	21,7	16	13,8	15,3	27
Органы власти благодаря различным митингам и демонстрациям слышат о требованиях населения, но никак на них не реагируют	33	26	34,8	48	27,6	26,9	35,1
Органы власти выдают разрешения на проведение митингов с целью показать наличие демократического стиля правления в России	41	39,1	39,2	40	48,3	57,6	35,1
Не вижу смысла проведения массовых политических мероприятий	5		4,3	4	10,3	7,6	4

Таблица 6 демонстрирует неоднозначные мнения. С одной стороны, большая часть респондентов желает оставить текущее законодательство в области проведения массовых политических мероприятий без изменений (ответ 2). Причем сохранить существующую практику желают студенты I, II, IV курсов. С другой, к пятому курсу отношение

студентов к правилам проведения массовых политических мероприятий становится примерно равнозначным: процент студентов, желающих либерализовать практику массовых мероприятий, примерно равен по численности тем, кто желает оставить все без изменений (ответы 1, 2). Эта тенденция указывает на постепенную утрату студентами

старшего курса смысла участвовать в политической жизни через массовые мероприятия. Возможно, в процессе взросления человек выделяет другие, более приемлемые и «безопасные» способы политического участия (работа в политической партии или на государственной службе; участие в профсоюзе; написание писем, петиций и т. д.).

В целом результаты показывают, что больше половины респондентов устраивает текущая практика проведения массовых мероприятий, предполагающая согласование с компетентными органами (ответ 2).

Таблица 7 описывает причины, побуждающие граждан участвовать в мас-

совых мероприятиях. Первостепенную важность для респондентов имеет выполнение государством социальных обязательств (ответ 1). По сравнению с этим меньшую опасность для государства представляют снижение уровня благосостояния (ответ 2), невозможность граждан удовлетворять свои первичные потребности (ответ 3) и угроза смены власти (ответ 4).

Таким образом, результаты исследования показывают следующие тенденции: 1) в процессе взросления и получения образования у подрастающего поколения возникает определенное желание проявлять активность в политической жизни и бороться за свои права; 2) взросление

Таблица 6

Какие изменения, на ваш взгляд, необходимо внести в практику проведения массовых политических мероприятий (%)?

	Всего	I курс	II курс	IV курс	V курс	Работающие студенты	Неработающие студенты
Возвратить практику проведения свободных политических мероприятий без необходимости получения согласования от органов государственной власти	33	30,4	21,8	32	44,8	38,5	31
Оставить текущую практику проведения политических мероприятий без изменений (необходимость получения согласования от органов государственной власти)	61	65,2	69,6	64	48,3	53,9	63,6
Запретить любые акции массового протеста на территории РФ	5	4,3	8,6		6,9	3,8	5,4
Запретить не только возможность проведения массовых протестных мероприятий, но и практику избрания органов государственной власти (вернуть процесс назначения руководителей на ключевые руководящие позиции без процедуры всенародных демократических выборов)	1			4		3,8	

меняет приоритеты молодого человека. Настроенность на общественно-политическую карьеру делает более вероятную соответствующую активность. Если профессиональная деятельность не будет связана с политикой, то и активное политическое участие, не предвидится; 3) перспективы негативного настроения молодежи по отношению к действующей власти выглядят маловероятными.

В то же время можно выявить определенный потенциал молодежи в политической сфере:

1. Политические убеждения студентов слабо коррелируют с государственными, что позволяет им развиваться вне идеологических рамок;

2. Возникли и постепенно функционируют самостоятельные молодежные организации: «Молодая гвардия», «Наши» и т.д. Безусловно, эти структуры

включены в партийную систему России, поэтому они не всегда адекватны молодежным запросам. Об этом в статье речь не шла;

3. Недоверие политическим институтам заставляет молодежь искать другие формы социально-политического влияния: движение волонтеров, наблюдатели на выборах, создание, ведение электронных дневников и сообществ, а также другие формы самостоятельного поведения.

Таким образом, государство, проводя свою политику, скорее ориентируется на ценности и потребности старшего поколения, мало учитывая интересы молодых. А молодежь, слабо разбираясь в тонкостях политики, не может спрогнозировать какое политическое решение и каким образом окажет влияние на их жизнь. ■

Таблица 7

Какое событие в краткосрочной или долгосрочной перспективе может заставить вас участвовать в массовых политических мероприятиях (%)?

	Всего	I курс	II курс	IV курс	V курс	Работающие студенты	Неработающие студенты
Невыполнение государством своих обещаний и обязанностей по отношению к населению	37	52,2	26	56	24,2	30,8	40,5
Снижение уровня экономического благосостояния населения	15	17,4	13	12	17,2	19,2	13,6
Невозможность качественно удовлетворять свои первичные потребности (в питании, одежде, транспортных расходах, оплате коммунальных услуг и т.д.)	21	17,4	21,8	8	34,4	23,1	20,3
Угроза смены политической власти	21	13	21,8	16	24,2	15,4	21,6
Никакие события не могут заставить меня участвовать в политическом мероприятии	6		17,4	8		11,5	4

Литература

1. Исторические итоги правления Дмитрия Медведева. URL: <http://delonovosti.ru/analitika/1076-istoricheskie-itogi-pravleniya-dmitriya-medvedeva.html> (дата обращения: 8.10.2012).
2. Уголовная ответственность за нарушение порядка проведения митингов установлена в России. URL: <http://vz.ru/news/2014/7/22/696716.html>. (дата обращения: 12.01.2015).
3. Кремлевский фонд предлагает снова осложнить доступ малых партий к выборам. URL: <http://medialeaks.ru/news/isepivybory>. (дата обращения: 31.01.2015).
4. Малые партии отфильтруют и в регионах. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/22221641/malye-partii-otfiltruyut-i-v-regionah>. (дата обращения: 31.01.2015).
5. В России хотят отменить выборы мэров крупных городов. URL: <http://www.rg.ru/2014/03/12/vibori-site.html>. (дата обращения: 31.01.2015).
6. «Синдром отмены» у депутатов Ямала и Югры укрепил Комарову и Кобылкина. URL: <http://glagolurfo.com/newsitems/2014/11/11/sindrom-otmeny-u-deputatov-yamala-i-yugry>. (дата обращения: 31.01.2015).
7. Пьяных Е. П., Тарасян М. Г., Неуймина И. В. Ценностные ориентации студенческой молодежи // Вестник УрГУПС. № 3. 2013. С. 72–85. ISSN 2079-0392.
8. Аналитический отчет о проведении социологического исследования «Динамика протестной активности: 2012–2013». URL: <http://gefter.ru/archive/9579>. (дата обращения: 31.01.2015).
9. Массовые митинги в поддержку Путина. URL: <http://www.pravda.ru/politics/elections/federal/11-02-2012/1107752-0/>. (дата обращения: 31.01.2015).

References

1. Istoricheskie itogi pravleniya Dmitriya Medvedeva. [Historical results of the reign of Dmitry Medvedev.] URL: <http://delonovosti.ru/analitika/1076-istoricheskie-itogi-pravleniya-dmitriya-medvedeva.html> (date accessed: 8.10.2012).
2. Ugolovnaya otvetstvennost za narushenie poryadka provedeniya mitingov ustanovlena v Rossii. [Criminal liability for violation of the procedure for holding rallies established in Russia.] URL: <http://vz.ru/news/2014/7/22/696716.html>. (date accessed: 12.01.2015).
3. Kremlevskiy fond predlagaet snova oslozhnit dostup malykh partiy k vyboram. [Kremlin fund again offers to complicate access of small parties to the election.] URL: <http://medialeaks.ru/news/isepivybory>. (date accessed: 31.01.2015).
4. Malye partii ofiltruyut i v regionakh. [Small parties to be filtered out in regions as well.] URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/22221641/malye-partii-otfiltruyut-i-v-regionah>. (date accessed: 31.01.2015).
5. V Rossii khotyat otmenit vybory merov krupnykh gorodov. [Russia to abolish elections of mayors in major cities.] URL: <http://www.rg.ru/2014/03/12/vibori-site.html>. (date accessed: 31.01.2015).
6. «Sindrom otmeny» u deputatov Yamala i Yugry ukrepil Komarovu i Kobylkina. [«Cancellation syndrome» of deputies from Yamal and Ugra reinforced Komarova and Kobylkin.] URL: <http://glagolurfo.com/newsitems/2014/11/11/sindrom-otmeny-u-deputatov-yamala-i-yugry>. (date accessed: 31.01.2015).
7. Pyanykh E. P., Tarasyan M. G., Neuymina I. V. Tsennostnye orientatsii studencheskoy molodyozhi [Value orientations of student youth] // Herald of USURT. № 3. 2013. P. 72–85. ISSN 2079-0392.
8. Analiticheskiy otchet o provedenii sotsiologicheskogo issledovaniya «Dinamika protestnoy aktivnosti: 2012–2013». [Analytical Report on the social research «Dynamics of protest activity: 2012–2013»] URL: <http://gefter.ru/archive/9579>. (date accessed: 31.01.2015).
9. Massovye mitingi v podderzhku Putina. [Mass rallies in support of Putin.] URL: <http://www.pravda.ru/politics/elections/federal/11-02-2012/1107752-0/>. (date accessed: 31.01.2015).

Статья сдана в редакцию 8 февраля 2015 года